D 919
.K16

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

НА ВЕЛОСИПЕДѢ

Изъ Варшавы въ Лондонъ.

Письма П. В. Каменскаго

къ проф. Л. Е. Владимірову.

Изданіе А. С. Сергѣева

POSTE 15 REPUBLIQUE FRANÇAISE
MONTS 18-99 II PARIS
15684

ѣздъ изъ Варшавы. Путешествіе до границы. Таможня. Краковъ и его достопримѣчательности. Дальнѣйшее путешествіе въ Вѣну черезъ Галицію и Моравскія земли. Бѣдность и пьянство. Войскъ. Опера. Знакомство. Дальнѣйшее путешествіе на Мюнхенъ черезъ [illegible] Забытый уголокъ: Meidling im [illegible]. Его нравы и предразсудки. Пер[illegible]рійской границы въ Бранау. Баварія. Мюнхенъ. Пріѣздъ въ Пиндау. Р[illegible]шки въ Цюйнгорнъ. Переѣздъ изъ Фрибурга въ Женеву. Встрѣча съ родн[illegible] Знакомство съ народными школами: écoles enfantines, primaires, complémentaires. Instruction morale et civique. Согласіе новѣйшей практики воспитанія съ теоріей. Education Спенсера. Достопримѣчательности Женевы—Алькомскій залъ. Театральные порядки. Turing Club. Прогулка. Пѣшкомъ въ Лозаннѣ. Пробуждающаяся природа. Замѣчательныя рисунки. Комитетъ. Школа. Дальнѣйшій путь на Парижъ. Остановки въ городахъ и деревняхъ. Montbard. Въѣздъ въ Парижъ. Comédie Française и велосипедныя ристалища. Дальнѣйшій путь черезъ Beauvais, Abéville, Boulogne въ Calais. Пріѣздъ въ Дувръ. Пѣздка изъ Дувра въ Лондонъ. Англійское гостепріимство. Трудный переѣздъ черезъ [illegible]донъ. Сохранившіяся общія впечатлѣнія.

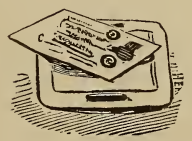
Типографія Д-ра Ф. Лебедева, Пречистенка, Большой Лаврскій пер. д. № 9. Телефонъ 1-й Городской 1-й Городской 1-й Городской

Kamenskiĭ, P. V.
"
Na velosipedie...

НА ВЕЛОСИПЕДѢ

изъ Варшавы въ Лондонъ

Письма **П. В. Каменскаго** *къ проф. Л. Е. Владимірову.*



Изданіе А. С. Сергѣева.

МОСКВА.

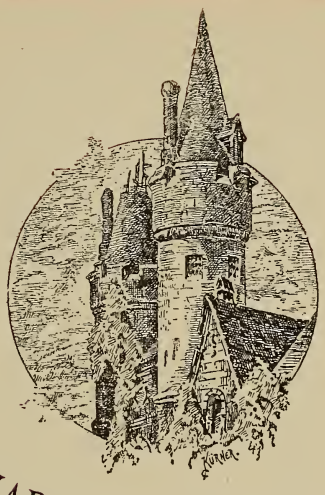
Типо-Литографія Придв. Поставщ. И. Г. Чукенца. Б. Дмитровка, соб. домъ.

D919
.K16

НА ВЕЛОСИПЕДѢ

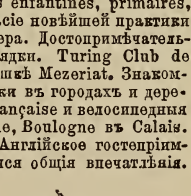
изъ Варшавы въ Лондонъ.

НА ВЕЛОСИПЕДѢ ИЗЪ ВАРШАВЫ ВЪ ЛОНДОНЪ.



Выѣздъ изъ Варшавы. Путешествіе до границы. Таможня. Краковъ и его достопримѣчательности. Дальнѣйшее путешествіе въ Вѣну черезъ Галицію и Моравскія земли. Бѣдность и пьянство. Войска. Пріѣздъ въ Вѣну. Опера. Знакомства. Дальнѣйшее путешествіе на Мюнхенъ черезъ Линцъ. Забытый уголокъ: Meidling im Thal, его нравы и предразсудки. Переѣздъ австрійской границы въ Бранау. Баварія. Мюнхенъ. Пріѣздъ въ Линдау. Разочарованія въ Швейцаріи. Переѣздъ изъ Фрибурга въ Женеву. Встрѣча съ родными. Знакомство съ народными школами: écoles enfantines, primaires, complémentaires. Instruction morale et civique. Согласіе новѣйшей практики воспитанія и обученія съ теоріей. Education Спенсера. Достопримѣчательности Женевы—алабамскій залъ. Театральные порядки. Turing Club de France. Переѣздъ во Францію. Пребываніе въ деревушкѣ Mezeriat. Знакомства. Школа. Дальнѣйшій путь на Парижъ. Остановки въ городахъ и деревушкахъ. Montbard. Въѣздъ въ Парижъ. Comedie Française и велосипедныя ристалища. Дальнѣйшій путь черезъ Beauvais, Abéville, Boulogne въ Calais. Пріѣздъ въ Дуврѣ. Поѣздка изъ Дувра въ Лондонъ. Англійское гостепріимство. Трудный переѣздъ черезъ Лондонъ. Сохранившіяся общія впечатлѣнія.

ПИСЬМО I.



Въ Западной Европѣ издавна существуетъ обычай предпринимать далекія странствія пѣшкомъ. Дѣлается это съ цѣлью и непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ посѣщаемыхъ мѣстъ, и съ цѣлью отдыха, ибо нѣтъ

лучшаго отдыха, какъ развлеченіе, вытекающее изъ труда, изъ работы; также точно нѣтъ большаго заблужденія, какъ мысль, что бездѣліе дастъ отдыхъ: вмѣсто отдыха въ такихъ случаяхъ получается прескверное, тоскливое, болѣзненное настроеніе духа „miserable life“, какъ хорошо сказалъ мнѣ мой другъ англичанинъ послѣ недѣльнаго пребыванія въ Швейцаріи и послѣ того, какъ онъ попалъ въ обстановку полнаго бездѣлья.—Понятно, что путешествіе пѣшкомъ, по странѣ, ознакомленіе съ нею представляетъ изъ себя далеко не легкое, комфортабельное бездѣльничаніе; это извѣстнаго рода работа, и въ этомъ здоровая, пріятная сторона такихъ странствій. Въ концѣ нашего вѣка этого вида время препровожденіе облегчено усовершенствованіемъ изящной и простой игрушки—велосипеда. Названная игрушка, оставляя для странника тѣ-же условія, въ смыслѣ моціона, непосредственнаго прикосновенія къ посѣщаемымъ мѣстамъ, что и ходьба пѣшкомъ, позволяетъ преодолѣвать большія пространства. Такъ, напримѣръ, если пѣшеходъ, безъ ущерба для силъ, проходитъ въ день отъ 20 до 30 верстъ, то вооруженный велосипедомъ онъ пробѣжитъ въ день отъ 100 до 150 верстъ. Я имѣю въ виду простыхъ смертныхъ и не говорю объ особой категоріи велосипедистовъ,превратившихся въ какіе-то летательные снаряды, конкурирующіе съ поѣздами, превосходящіе быстроногихъ коней и т. д. Хотя я никогда не покушался на степень велосипедной знаменитости, тѣмъ не менѣе давно пользуюсь велосипедомъ и могъ-бы праздновать 10-лѣтній юбилей ѣзды на самокатѣ, если-бы такіе юбилеи праздновались. Лишенный такого праздника я не былъ лишенъ представленія о томъ, что было-бы хорошо устроить себѣ отдыхъ по западно-евро-

нейскому обычаю и прокатиться на велосипедѣ изъ Варшавы въ Лондонъ. Меня интересовало заглянуть въ такіе углы, мимо которыхъ обычно мчатся комфортабельные поѣзда, изрѣдка удостаивая ихъ минутной остановкой. Не преслѣдуя никакой цѣли, я хотѣлъ побывать въ иностранной деревнѣ, повидать тамошнихъ людей въ ихъ будничной, непригляднй обстановкѣ. Вѣдь, обычно наши путешествія за границу кончаются посѣщеніемъ лучшихъ гостинницъ и соприкосновеніемъ съ гостиничной прислугой, имѣющей одинаковую внѣшность и одинаковое стремленіе получить на чай.

Мой планъ поѣздки пришелся по душѣ моему пріятелю, П. Ф. Г-ву, который согласился продѣлать все путешествіе вмѣстѣ со мною.

Въ 20-хъ числахъ сентября, по нашему стилю, мы оба были въ Варшавѣ. Совершенно случайно, зайдя въ велосипедный магазинъ, мы познакомились съ лучшими ѣздоками туристами гор. Варшавы. Гг. Скродскій и Бохенскій (такъ назывались упомянутые ѣздоки, съ которыми насъ свелъ счастливый случай) узнавъ въ чемъ дѣло, сразу оказали намъ всевозможныя услуги. Намъ были даны полезныя указанія, предостереженія, совѣты и т. д... Рѣчь шла на двухъ языкахъ: къ намъ обращались по-польски, и мы, зная малорусскій языкъ, понимали безъ труда; мы отвѣчали по-русски и тоже были понимаемы. Пользуясь любезностью г. Скродскаго, мы имѣли возможность осмотрѣть польскій велосипедный клубъ. Это— очень живописный уголокъ; въ центрѣ круга, по которому «гоняются» страстные спортсмены,—озеро; по его глаткой поверхности скользили легкія лодочки. Зданіе клуба изящное, большое и со всѣми удобствами для велосипедистовъ. Въ одной

изъ комнатъ стояли точные вѣсы; мой пріятель и я воспользовались ими и опредѣлили свой вѣсъ, чтобы знать, сколько его убудетъ, когда мы достигнемъ Лондона. Мнѣ говорили, что въ Варшавѣ имѣется и русскій клубъ, не столь обширный, какъ сейчасъ упомянутый. Мнѣ говорили также, что между этими клубами національнаго соперничанія нѣтъ. Повидимому, любители спорта настолько предаются ему, что узкія національныя тенденціи ихъ не интересуютъ. Вообще, велосипедъ, легко перебрасывая человѣка изъ одной страны въ другую, сближаетъ людей разныхъ національностей и тѣмъ содѣйствуетъ сглаживанію національной розни. Вѣдь очень часто эта рознь держится на незнаніи другъ друга.

Пробывъ въ Варшавѣ день, мы рѣшили утромъ 22 сентября ѣхать по направленію къ Кракову. Наступающая осень заставляла насъ спѣшить.

Къ ожидавшему насъ странствію мы не готовились или, говоря языкомъ велосипедистовъ, не тренировались. Это обстоятельство, въ связи съ прочно засѣвшимъ ревматизмомъ въ спинѣ, заставляло меня предполагать, что наше путешествіе будетъ очень медленное, начнется съ десятковъ верстъ; мы не хотѣли для почина проѣхать въ первый день болѣе 50 верстъ. 22 сентября, въ 7 ч. утра, мы рѣшили выѣхать изъ Варшавы; за нѣсколько минутъ до этого лихо подкатили на велосипедахъ къ Саксонской гостинницѣ, гдѣ мы обитали, гг. Скродскій и Бохенскій и любезно изъявили желаніе провести насъ изъ Варшавы на большое шоссе. Это была весьма цѣнная для насъ услуга, ибо выбраться изъ большого неизвѣстнаго города всегда достаточно затруднительно. Благодаря же нашимъ любезнымъ лидерамъ, черезъ какіе-нибудь полчаса мы были

за городомъ, на прямомъ, гладкомъ шоссе; обсаженное деревьями, оно стрѣлой прорѣзывало мѣстность, ровную, гладкую, лишенную всякой холмистости. По этой равнинѣ были отдѣльными группами разбросаны убогія домишки, небольшіе лѣса и болота. Безшумно, легко катились наши двухколесные экипажи, и, весело, беззаботно болтая, мы не замѣтили, что прошло уже три часа времени, и что мы пріѣхали въ уѣздный городъ Гроецъ, отстоявшій отъ Варшавы въ 50 верстахъ. Было 10 часовъ утра. Въ ресторанѣ, излюбленномъ велосипедистами, мы нашли завтракъ, чай. Возстановивъ свои силы, наши любезные попутчики рѣшили возвращаться обратно; предварительно они перебрали всѣ пути, по коимъ можно было имъ возвращаться и выбрали тотъ, который удваивалъ разстояніе, ибо прогулка въ 100 верстъ не была для нихъ достаточнымъ упражненіемъ. Я также рѣшилъ продолжать путь, понявъ, что наши разсчеты на скорость нашего движенія были слишкомъ скромны; было очевидно, что если въ 3 часа мы легко проѣхали 50 верстъ, то 100 верстъ, даже на короткій осенній день, не являлись чрезмѣрной дозой. Къ вечеру того-же дня мы были въ губернскомъ гор. Радомѣ, отстоящемъ болѣе 100 верстъ отъ Варшавы.

ПИСЬМО II.

Я не имѣю намѣренія утомлять васъ описаніемъ шагъ за шагомъ своего странствія. Буду касаться обстоятельствъ, болѣе другихъ останавливавшихъ мое вниманіе. Обычно въ 7 ч. утра мы выбирались изъ города, попадали на шоссе и медленнымъ ходомъ начинали свой путь. Было все тоже шоссе-аллея. Досадно становилось,

когда глазъ замѣчалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревья аллеи повысохли и не были замѣнены новыми посадками. Встрѣчались чудные хвойные лѣса, укрывавшіе насъ отъ дувшаго прямо въ лицо вѣтра—самаго жестокаго бича велосипедистовъ; извѣстно, что противный вѣтеръ, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ затрудняетъ движеніе: легче проѣхать за вѣтромъ 100 верстъ, чѣмъ противъ сильнаго вѣтра какихъ-нибудь 10—15 верстъ. На поляхъ между лѣсами копошились въ землѣ люди; вѣжливо поклонившись, они обыкновенно обращались по-польски съ слѣдующимъ вопросомъ: «будь ласковъ, папе, скажи, который часъ». Конечно, мы всегда удовлетворяли это скромное ходатайство. Встрѣчавшіяся дѣти обычно просили «зядзвонить», т. е. позвонить въ колокольчикъ, прикрѣпленный къ рулю велосипеда. Исполненіе желанія доставляло мальчуганамъ истинное удовольствіе. Изъ Радома мы держали путь на гор. Кѣльце и оттуда, черезъ уѣздный городъ Мѣховъ, на таможню Михайловице, пунктъ, въ которомъ намъ предстояло переѣхать границу. Весь нашъ путь до границы (около 300 верстъ) лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги. Не доѣзжая до Кельце, мѣстность становится гористой и все болѣе живописной. Лѣса, горы, игривыя рѣченки, здоровый, бодрящій воздухъ—все это даетъ обстановку, веселящую душу путешественника. Но сердце его падаетъ, когда его дорога прорѣзываетъ какой-либо маленькій уѣздный городишко или мѣстечко, населенное преимущественно евреями. Грязь, вонь, оборванное населеніе, обшарпанные дома,—вотъ обычное зрѣлище этихъ мѣстечекъ. Но что еще хуже здѣсь, это—пробивающаяся наружу нищета, бѣдность. Она не вопитъ, ибо ея никто не слушаетъ, но она

какъ то грязно вылѣзаетъ отовсюду. Нѣсколько грошей, брошенныхъ въ такихъ мѣстахъ, составляютъ событіе, подымающее страсти. По этому предмету я вамъ разскажу два случая, съ виду потѣшныхъ, но, по существу, скорбныхъ...

У себя дома, на югѣ Россіи, проѣзжая черезъ село, я не рѣдко терпѣлъ затрудненіе, благодаря стаямъ собакъ, почему-то особенно яростно преслѣдующихъ ѣздока на велосипедѣ. Быстрый ходъ по хорошей проселочной дорогѣ, ведущей черезъ село, и крѣпкій хлыстъ обыкновенно спасали меня отъ этихъ непрошенныхъ враговъ. Въ царствѣ Польскомъ черезъ встрѣчающіеся маленькіе города и мѣстечки проѣхать на велосипедѣ нельзя, ибо эти пункты имѣютъ, такъ называемую, мостовую. Состоитъ она изъ вывороченныхъ глыбъ камня и ямъ. Велосипедистъ вынужденъ въ такихъ мѣстахъ идти пѣшкомъ и бережно катить машину; по счастью, его не окружаетъ стая свирѣпыхъ псовъ, зато его обычно окружаетъ полуголая толпа замазанныхъ, неумытыхъ дѣтей, къ которымъ нерѣдко присоединяются и взрослыя женщины, не менѣе любопытныя, чѣмъ дѣтишки, и не менѣе грязныя и замазанныя, чѣмъ эти послѣднія. Именно, въ одномъ такомъ уѣздномъ городишкѣ еврейскій мальчишка лѣтъ 12, проворный, съ черными, умными глазами, очень услужливо взялся проводить меня черезъ городъ на большую шоссейную дорогу. Получивъ отъ него нужныя мнѣ указанія, я далъ ему оказавшійся у меня въ карманѣ серебряный гривенникъ. Я никакъ не ожидалъ эффекта, который вызвала эта мелкая монета. Глаза мальчика засвѣтились гордымъ, радостнымъ блескомъ. Крѣпко сжавъ монету въ своей крошечной рукѣ, онъ стремительно подбѣжалъ къ какой-то старой женщинѣ,

сидѣвшей на камняхъ развалившагося крыльца; быстрымъ движеніемъ показалъ онъ ей свою грязную ладонь, къ которой прилипла монета. Затѣмъ онъ бѣгомъ опять устремился къ намъ и присталъ къ толпѣ дѣтей, охватившей насъ кольцомъ и подвигавшейся вмѣстѣ съ нами. Почти къ каждому изъ толпы подбѣгалъ, радостно сіяя, мальчикъ, чтобы показать монету. А въ толпѣ это вызывало движеніе, какое вызываетъ обычно крупное событіе. Почти каждый изъ мальчишекъ спрашивалъ: «правда ли, что вотъ этотъ получилъ десять копѣекъ?..» Утвердительный отвѣтъ вызывалъ зависть, и одинъ мальчишка, рыжій, ростомъ побольше, чѣмъ всѣ остальные, съ непріятными, злобными глазами сталъ посматривать на счастливаго обладателя гривенника, какъ смотритъ собака, готовясь отнять у другой ея добычу. Маленькій капиталистъ понялъ этотъ взглядъ и поспѣшилъ спрятать монету, которою онъ кололъ глаза своимъ сверстникамъ. Злобный большій мальчишка, повидимому, былъ преисполненъ зависти и досады; онъ дождался момента, когда мы, выбравшись на шоссе, садились на велосипеды, и попытался всадить палку въ колесо машины моего спутника. Г. Г—въ замѣтилъ эту попытку, которая могла испортить велосипедъ и, выхвативъ хлыстъ, прикрѣпленный къ рулю, обратилъ въ бѣгство злокозненнаго мальчишку. Мы были опять на свободѣ, среди живописной мѣстности. Помнится, мы переѣзжали по длинному деревянному мосту, переброшенному, кажется, черезъ рѣку Бѣлобжеги. Въ концѣ моста стоялъ шлагбаумъ. Бревно этой заставы было на столько опущено, что для экипажа свободнаго проѣзда не было. Въ концѣ моста стоялъ пожилой еврей въ засаленномъ длинномъ лапсердакѣ. Не останав-

ливая хода, мы пригнулись и довольно быстро проѣхали подъ висѣвшимъ бревномъ. Проѣхавъ нѣсколько десятковъ саженей, мы замѣтили, что сзади насъ что-то тяжело сопѣло, задыхалось. Оглянулись, видимъ, еврей, потѣшно жестикулируя руками, шагаетъ за нами изо всей мочи; его развѣвающаяся одежда, въ которой путались его длинныя ноги, искаженное лицо, задышка, лишавшая его возможности проронить слово, придавали ему и смѣшной, и жалкій видъ. Не желая продолжать эту неравную гонку, мы принуждены были встать съ велосипедовъ. «Что вамъ надо?» обратился я строго, опасаясь, не имѣю ли дѣла съ сумасшедшимъ. «Какъ можно, какъ можно», едва переводя духъ, лепеталъ онъ, «проѣхать, не платить!» «Да что платить?» спросилъ я нетерпѣливо. «2 копѣйки, два колеса, два человѣка, двѣ копѣйки!..» скороговоркой, тяжело дыша, выбрасывалъ онъ изъ себя слова. Я досталъ изъ кармана первую попавшуюся серебряную монету и отдалъ ее еврею. Лицо его просіяло, и онъ сталъ разсыпаться въ благодарностяхъ. Мы поѣхали дальше, и я подумалъ, что велика должна быть бѣдность, если несчастныя копѣйки такъ волнуютъ души людей. Жадность къ деньгамъ не все здѣсь выясняла. Если жалкіе гроши столь милы, то, значитъ, велика ихъ сила здѣсь, и слѣдовательно, скудно ихъ предложеніе. Повидимому, здѣсь не то, что у насъ, на Югѣ Россіи, гдѣ высокій всегда, предлагающійся заработокъ стеръ грустныя картины нищеты, голода. У насъ копѣйки никого не взволнуютъ.

ПИСЬМО III.

Страннику, желающему сохранить въ свѣжести воспоминанія пути, обязательно надо

имѣть при себѣ фотографическій аппаратъ. Къ сожалѣнію, я имъ не запасся, ибо мой экипажъ былъ непригоденъ вообще для всякихъ запасовъ. Иначе я-бы вамъ прислалъ фотографію встрѣтившихся мнѣ игроковъ. Около 10 утра мы остановились въ одномъ мѣстечкѣ Ш., съ цѣлью поѣсть чего-нибудь. Встрѣтившійся полицейскій чинъ пояснилъ мнѣ, что никакихъ ресторановъ нѣтъ, но что есть бакалейная лавочка, исполняющая въ тоже время должность ресторана. Мы зашли въ указанный намъ домъ. Насъ провели черезъ грязную лавку въ слѣдующую грязную комнату и усадили за грязный столъ; мальчишка покрылъ его скатертью, которая не нарушала общей грязной гармоніи. Лавка, исполнявшая должность ресторана, изготовляла только одно кушанье—яичницу. Въ ожиданіи трапезы, мы усѣлись за столъ и стали наблюдать двухъ игроковъ, сидѣвшихъ за небольшимъ, простымъ деревяннымъ столомъ въ противоположномъ углу комнаты. Оба имѣли озабоченный видъ; оба сидѣли въ теплыхъ драповыхъ пальто, которыхъ снять, повидимому, имъ не было времени. Одинъ былъ жирный, объемистый, пожилой, другой—тонкій, молодой, желтый, какъ-бы выдѣланный изъ пергамента. Послѣдній держалъ въ рукѣ пачку картъ, болѣе похожихъ на размазанныя сальныя куски тряпокъ, чѣмъ на карты. Эту замазанную, сальную кучу онъ раскладывалъ на столѣ на 2 кучи, на которыя пристально, воспаленно смотрѣлъ толстый игрокъ; раскладываніе пріостанавливалось, и нѣсколько серебряныхъ монетъ переходили отъ одного партнера къ другому. Это было какое-то однообразное для наблюдателя и томительнѣйшее perpetuum mobile. Игроковъ-же, повидимому, это складываніе и раскладываніе картъ хватало за душу. Весь жиръ

толстаго игрока судорожно задвигался, когда съ десятокъ серебряныхъ монетъ, лежавшихъ у него подъ рукою, перешли къ противнику; равнымъ образомъ, немного погодя пальцы пергаментныхъ рукъ этого послѣдняго какъ-то неловко, конвульсивно опустились въ висѣвшую черезъ плечо сумку и вытащили замасленный истрепанный рубль, который онъ размѣнялъ на уплывшее отъ него серебро. Хозяинъ лавки-ресторана, длинный, тощій нервный субъектъ, постоянно подбѣгалъ къ игрокамъ, полусадился на столъ и примазывалъ свои гроши къ ставкѣ; ему не везло; онъ проигрывалъ, убѣгалъ въ лавку, но силенъ бѣсъ, и онъ снова торопливо подбѣгалъ къ игрокамъ... Мальчишка, подававшій намъ завтракъ, входя въ комнату, замедлялъ поступь, и его дѣтскіе глаза какъ-бы приковывались къ картамъ. Благодаря этому онъ рисковалъ растянуться и вывернуть на землю приготовленную намъ яичницу, взболтанный, грязноватый видъ которой могъ запугать всякаго, исключая велосипеднаго странника, пробѣжавшаго натощакъ нѣсколько десятковъ верстъ. Хозяинъ, не отрывая глазъ отъ картъ, рукою подталкивалъ мальчишку по направленію къ намъ; движенія хозяина не были рѣзки и выражали его убѣжденіе о невозможности отдалиться отъ картъ... Томимые жаждой мы поддались обѣщанію получить чай, который еще съ большимъ трудомъ прибылъ къ намъ, чѣмъ яичница. Мальчикъ успѣлъ выворотить одинъ стаканъ, засматриваясь на карты. Хозяинъ прикрикнулъ, но не строго. Игроки выпили по рюмкѣ водки и продолжали свой regretuum mobile; хозяинъ расчитался съ нами и съ полученными отъ насъ деньгами присѣлъ къ игрокамъ. Я заглянулъ ближе въ лица послѣднихъ. Красные глаза и истощенныя лица показывали, что

за дѣломъ они сидятъ съ ночи; по всему было замѣтно, что мысль о прекращеніи игры никому и въ голову не приходила. Наше удаленіе, видимо, доставило удовольствіе, и оставшаяся компанія радостно кивнула намъ головой, не отрывая глазъ отъ картъ. Мы продолжали путь.

Послѣ губернскаго города Кѣльце, мы, около 2-хъ часовъ дня, попали въ уѣздный городъ Андреевъ. Принялись опять, по обычаю, искать бакалейную лавку, вмѣщающую ресторанъ; войдя въ указанный намъ домъ, мы, вмѣсто ожидаемой грязной лавки, встрѣтили совсѣмъ иную обстановку. Въ 5 или 6 комнатахъ густо стояли маленькіе столы, какъ это бываетъ въ большихъ ресторанахъ. Билліардъ, тутъ же находившійся, былъ также превращенъ въ большой столъ, уставленный тарелками, расположенными подъ самымъ бортомъ билліарда; такая ихъ позиція создавала затрудненіе для размѣщавшейся здѣсь публики; между тарелкой и лицомъ сидящаго было препятствіе—бортъ, скрывавшій отъ глазъ содержимое въ тарелкѣ. Поэтому, куски несвободно, но цѣпляясь за бортъ, попадали по назначенію. Во всѣхъ комнатахъ было полно публики. Хозяинъ ресторана подошелъ къ намъ, замѣтивъ наши тщетныя попытки найти свободное мѣсто, и пояснилъ, что въ городѣ конская ярмарка, и что вслѣдствіе этого было такое необычное собраніе публики. Превращеніе всей его квартиры въ ресторанъ не предотвратило давки. Запрятавъ въ какую-то темную комнату наши велосипеды, мы умѣстились возлѣ освободившагося маленькаго столика. Раздался писк какихъ-то музыкальныхъ инструментовъ; оказалось, что хозяинъ ресторана задался цѣлью не только насыщать, но и услаждать музыкою. Публика состояла изъ лицъ разнаго

возраста; преимущественно здѣсь были мѣстные землевладѣльцы, приведшіе лошадей на ярмарку. За завтракомъ шла у нихъ оживленная бесѣда, прерываемая иногда появленіемъ, въ видѣ черныхъ тѣней, 2-хъ—3-хъ евреевъ, шептавшихъ что-то на ухо то одному, то другому изъ посѣтителей ресторана. Повидимому, это были факторы, ненужные посредники торговли, но безъ которыхъ тѣмъ не менѣе торговля не идетъ. Лишенный гастрономическаго образованія, я не могу опредѣлить достоинство этого захолустнаго ресторана, тѣмъ болѣе, что для странника всегда все хорошо. Замѣтилъ я только, что всякая была пища, и что здоровый деревенскій народъ поглощалъ ее успѣшно; водка, пиво, вино шли слабѣе. Тѣмъ не менѣе, знакомый съ захолустными нравами, я, видя веселое большое собраніе людей, не разсчитывалъ на обычное смиренное окончаніе трапезы. Казались неизбѣжными нѣсколько случаевъ пьянаго состоянія, битье тарелокъ, громогласныя сердечныя изліянія... Но здѣсь захолустные люди вели себя неустановленнымъ порядкомъ; пили, ѣли, но отъ начала до конца не выходили изъ предѣловъ скромности, деликатности, вѣжливости. «Души на распашку» совсѣмъ не было, и мои надежды на скандалъ не оправдались. Проходя черезъ площадь, я видѣлъ очень много прекрасныхъ лошадей, что указывало на успѣхъ коневодства въ этой мѣстности.

ПИСЬМО IV.

На 4-й день послѣ выѣзда изъ Варшавы, около 9 часовъ утра, мы подъѣзжали къ границѣ. Стали встрѣчаться конные патрули пограничной стражи; молодцоватые всадники на добрыхъ коняхъ рысцой и шагомъ ѣхали надъ лѣсомъ; они

напоминали охотниковъ, которые, стоя на опушкѣ лѣса, ожидаютъ выхода звѣря; да, они въ самомъ дѣлѣ охотились... на контрабандиста.

Проѣхавъ маленькую деревушку, мы поднялись на некрутую гору; при спускѣ съ нея нашъ путь оказался пересѣченнымъ массивной заставой. Это была граница. По сторонамъ заставы стояли дома—помѣщеніе таможни Михайловицы. Мы пошли предъявлять наши паспорта. Менѣе чѣмъ черезъ часъ всѣ формальности были кончены, причемъ намъ выдали особо удостовѣренія въ томъ, что мы выѣхали за-границу на велосипедахъ фабрики «Тріумфъ». Выдавая такое удостовѣреніе, таможня руководствуется закономъ, который имѣлъ въ виду случаи изъ практики—до существованія желѣзныхъ дорогъ. Когда въ то время кто-нибудь уѣзжалъ изъ Россіи въ экипажѣ заграничнаго издѣлія и оплаченнаго уже пошлиной при ввозѣ его въ Россію, то онъ, возвращаясь обратно или отсылая свой экипажъ, рисковалъ заплатить вторично. Во избѣжаніе такого двойного платежа, отъѣзжающій за границу получалъ свидѣтельство на свой экипажъ, который затѣмъ провозился обратно безпошлинно. Этотъ же порядокъ примѣняется теперь къ велосипедамъ.

Синій жандармъ подвелъ насъ къ барьеру, отодвинулъ его, и мы были пропущены. Мы стали спускаться къ маленькой рѣченкѣ, которая собственно и составляетъ естественную границу между Россіей и Австріей. На другой сторонѣ рѣчки оказался домикъ, гдѣ помѣщалась австрійская таможня; мы встали съ велосипедовъ и были окружены вооруженными людьми въ австрійской военной формѣ. Соприкосновеніе съ военными людьми, послѣ переѣзда границы, намъ не

было пріятно. Подозрительность нашихъ западныхъ ближайшихъ сосѣдей могла всегда принять насъ за обозрѣвателей ихъ укрѣпленій и, въ такомъ случаѣ, намъ грозила принудительная остановка въ какомъ-нибудь казематѣ, пока выяснилось бы недоразумѣніе. Мы слышали, что выясненіе такихъ недоразумѣній обыкновенно требуетъ не менѣе десятка дней, пока власти успѣютъ снестись. Не помню кто, но знаю, что мнѣ передавали за достовѣрное о недоразумѣніи, жертвой котораго былъ проф. С., ѣхавшій верхомъ изъ Кіева въ Вѣну. Говорили, что онъ былъ остановленъ въ какомъ-то городѣ въ Галиціи безъ всякихъ достаточныхъ основаній.

Будучи задержанъ, профессоръ предъявилъ свой документъ, доказывавшій его профессорское званіе. Но эти документы послужили только къ вящщему укрѣпленію подозрительности.

Австрійскія власти рѣшили, что документы подложны, ибо, по ихъ мнѣнію, профессоръ не можетъ смѣть хорошо ѣздить верхомъ и сидѣть на лошади, какъ кавалерійскій офицеръ.

Вмѣшательство одного австрійскаго профессора, узнавшаго изъ газетъ о происшествіи, побудило власти предложить арестованному прочитать лекцію по его спеціальности, на предложенную тему. Лекція была прочитана, и тогда власти рѣшили, что крайне невѣроятно, чтобы офицеръ могъ прочитать такую лекцію. Профессоръ затѣмъ получилъ свободу. Стремясь не попасть въ подобное положеніе, я просилъ знакомыхъ, живущихъ въ Вѣнѣ и близко стоящихъ къ военнымъ сферамъ, предупредить военное министерство о моей поѣздкѣ. Но съ этой стороны для меня ничего не было сдѣлано, ибо, какъ мнѣ объяснили впослѣдствіи, такое предупрежденіе сейчасъ

вызвало бы подозрительность и только усилило бы шансы на недоразумѣніе. Для странствующаго по Австріи и Германіи самымъ лучшимъ предохраняющимъ средствомъ, въ такихъ случаяхъ, является принадлежность къ обществу велосипедистовъ, извѣстному подъ именемъ «Algemeine Radfahrer Union». Центральное бюро этого общества находится въ Баваріи, въ Нюренбергѣ, и, какъ показываетъ его названіе, оно имѣетъ интернаціональную задачу, т.-е. домогается стать всеобщимъ союзомъ велосипедистовъ. Но практическое дѣйствіе этого общества распространяется только на Германію, Австрію и на западную Россію, ибо въ другихъ странахъ, напр., въ Швейцаріи, Франціи, Англіи есть свои клубы, прекрасно организованные, берущіе велосипедистовъ подъ свое покровительство и упраздняющіе необходимость въ иностранныхъ обществахъ.

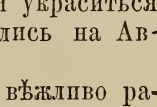
«Alg. Radf. Union» имѣетъ главною цѣлью покровительствовать странствующимъ велосипедистамъ и, между прочимъ, приходить имъ на помощь при возникновеніи недоразумѣній съ властями страны. Названное общество имѣетъ почти во всѣхъ городахъ Германіи, Австріи, отчасти въ Швейцаріи и въ городахъ нашихъ западныхъ губерній своихъ представителей или «консуловъ».

Въ Москвѣ В. А. Петерсъ несетъ обязанности консула упомянутаго общества. Предъ поѣздкой, мы письменно обращались къ нему съ просьбой, взять на себя трудъ снестись съ «Union» о принятіи насъ въ число членовъ этого общества.

Г. Петерсъ, хотя никого изъ насъ лично не зналъ, сейчасъ же вошелъ съ нами въ переписку и оказалъ ко всѣмъ нашимъ домогательствамъ такое любезное, предупредительное отношеніе, которое указываетъ на щепетильное, добросовѣ-

стное отношеніе человѣка къ принятымъ обязанностямъ и которое оставляетъ въ обращающемся искреннее чувство благодарности. Принятые въ число членовъ «Union'a», мы получили изъ Нюрнберга удостовѣреніе о принадлежности къ клубу, списокъ консуловъ, съ точнымъ указаніемъ ихъ мѣстожительства и книгу маршрутовъ по Западной Европѣ. Кромѣ того, намъ стали высылать газету. Годовой членскій взносъ $2^1/_2$ рубля; значекъ стоитъ 2 рубля. Значекъ и карта, повидимому, были задержаны на границѣ. Г. Петерсъ, увѣдомленный о неполученіи нами этихъ предметовъ, не замедлилъ прислать намъ свою карту, уставъ клуба на русскомъ языкѣ и значки, взятые имъ у его московскихъ знакомыхъ, принадлежавшихъ къ клубу. Конечно, мы не замедлили украситься этими значками, какъ только очутились на Австрійской землѣ.

Окружившіе насъ военные люди, вѣжливо раскланиваясь, указали намъ дорогу въ таможню. Мы вошли въ небольшую комнату, невзрачную, вся меблировка которой состояла изъ шкафа, стола и одного стула. За столомъ сидѣлъ таможенный чиновникъ. Увидѣвъ насъ, онъ привѣтливо поздоровался, сейчасъ же вышелъ въ другую комнату и притащилъ намъ 2 стула.



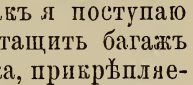
Онъ сталъ писать что-то, относящееся къ нашимъ велосипедамъ, послѣ чего пошелъ ихъ осматривать. Вручивъ намъ какіе-то бланки, онъ просилъ насъ зайти въ домъ, стоявшій насупротивъ таможни. «Тамъ,—пояснилъ онъ,—занесутъ свѣдѣнія, необходимыя для статистики».

Мы пошли и, войдя въ указанный домъ, который оказался кабакомъ, хотѣли возвращаться, предполагая, что не туда зашли; но хозяйка, угощавшая пивомъ и тартинками группу солдатъ,

подошла къ намъ и, на мой запросъ, разъяснила, что она все запишетъ. Доставъ изъ прилавка, за которымъ она стояла, сальную синюю тетрадь, она стала что-то записывать въ книгу, предварительно предложивъ намъ нѣсколько вопросовъ о нашихъ велосипедахъ и нашей личности. Она, въ свою очередь, выдала намъ бланки, съ которыми мы опять возвратились къ таможенному чиновнику, объявившему, что намъ надо заплатить по 29 гульденовъ за каждый велосипедъ, и что эти деньги будутъ намъ возвращены при выѣздѣ изъ предѣловъ Австрійскаго государства, если этотъ выѣздъ послѣдуетъ не позже 6 мѣсяцевъ. Съ размѣномъ русскихъ денегъ вышло затрудненіе: въ кабакѣ, куда мы опять пошли, набралось всего около 30 гульденовъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, чиновникъ принялъ недостающую сумму русскими деньгами по правильному курсу; курсъ же денегъ въ кабакѣ былъ иной и для насъ невыгодный. Намъ была выдана квитанція въ уплатѣ пошлины за велосипедъ и къ рамѣ велосипеда была прикрѣплена свинцовая пломба. Затѣмъ намъ указали на отстоявшій въ полуверстѣ домикъ, гдѣ предлагалось остановиться и подвергнуться осмотру. Около назначеннаго пункта мы остановились, зашли въ домъ, вызвали какого-то человѣка въ военной формѣ, но онъ никакому осмотру насъ не подвергъ и, привѣтливо раскланявшись, просилъ продолжать путь. Процедура съ осмотромъ велосипеда, съ взиманіемъ пошлины, наложеніемъ пломбы и т. д. отняла у насъ много времени. Въ этомъ отношеніи и въ Австріи имѣется формальностей и писанія въ такомъ же изобиліи, какъ и у насъ.

Если-бы не застава, не продѣлка таможенныхъ манипуляцій и не вооруженные люди въ австрій-

ской формѣ—переѣздъ въ Австрію оказался-бы незамѣтнымъ, ибо, въ сущности, оставались тѣ-же люди, таже культура, тѣ-же нравы, тотъ же польскій языкъ. Насъ, велосипедистовъ, впрочемъ, непріятно поразило то обстоятельство, что шоссе стало хуже. Оно было неровное, покрытое пылью и не представляло такой пышной аллеи, обсаженной вѣковыми деревьями, какъ наше шоссе. Впрочемъ, подъѣзжая къ большому городу, мы обычно встрѣчали плохое, разбитое шоссе, что объясняется сильнымъ движеніемъ въ окрестностяхъ города. Краковъ отстоитъ отъ границы въ 8 верстахъ. Менѣе, чѣмъ черезъ часъ послѣ окончанія пограничныхъ формальностей, мы подъѣхали къ гостинницѣ Дрезденъ, находящейся въ центрѣ города Кракова.



ПИСЬМО V.

Меня не рѣдко спрашиваютъ, какъ я поступаю съ багажемъ. Конечно, съ собой тащить багажъ невозможно. Даже небольшая сумка, прикрѣпляемая обыкновенно къ рамѣ велосипеда и вмѣщающая перемѣнное бѣлье, стѣсняетъ ѣздока. Я выѣхалъ съ такой сумкой, но въ Краковѣ ее оставилъ, находя, что она стѣсняетъ свободу движеній. Заграницей маленькіе города встрѣчаются часто, черезъ каждые 20—30 верстъ, поэтому всегда можно купить бѣлье. Все-же лишнее лучше всего бросать на пути. Свои чемоданы мы обыкновенно отправляли малой скоростью въ большіе города, гдѣ предполагалась остановка на нѣсколько дней, или въ тѣ пункты, гдѣ желѣзнодорожная станція находилась на шоссейномъ пути; въ такомъ случаѣ полученіе багажа и его дальнѣйшая отправка производились скоро, безъ потери вре-

мени. Такъ, напр., мы отправляли багажъ изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Кракова въ Прерау, затѣмъ въ Вѣну и т. д. Наибольше затрудненій съ полученіемъ багажа встрѣтилось въ Краковѣ. Посланный изъ гостинницы не успѣлъ его получить до двухъ часовъ дня; послѣ-же этого времени краковская таможня закрыта. Надо было на другой день являться лично въ таможню.

Осмотръ вещей ограничился открытіемъ чемодана, но исполненіе разныхъ формальностей, ради которыхъ надо было переходить отъ одного чиновника къ другому, потребовало болѣе часу времени. Переодѣвшись и принявъ общепринятый, установленный видъ, мы продолжали начатый наканунѣ осмотръ города. Надо замѣтить, что даже классическій костюмъ велосипедиста—гонщика, конкурирующій, по откровенности, съ дамскими бальными костюмами, не обращаетъ на себя вниманія публики за границей, и велосипедисты не стѣсняются посѣщать въ своемъ велосипедномъ нарядѣ разныя учрежденія, музеи, театры и т. д. Мы въ этомъ отношеніи не походили на настоящихъ ѣздоковъ, ибо были одѣты обычно, только длинные чулки и отсутствіе бѣлой крахмальной рубашки указывали на велосипеднаго странника. Вообще за границей сторонниковъ велосипеднаго спорта такъ много, что они начинаютъ устанавливать моду, условныя понятія приличнаго и, главнымъ образомъ, правило, по которому велосипедисту все дозволено.

Осмотръ Кракова, соляныхъ копей Величко я не буду подробно вамъ описывать. Краковъ, посѣщаемый путешественниками довольно часто, хорошо всѣмъ извѣстенъ. Вы сами не такъ давно его осматривали; съ тѣхъ поръ, навѣрно, никакихъ измѣненій не произошло. Что касается Величко,

ея соляныхъ копей, то ея описаніемъ полны уже гимназическіе учебники географіи. Картины этого соляного грандіознаго подземелья, поистинѣ, чудесны: лучшія картины Доре, изображающія адъ Данте, несмотря на глубокое впечатлѣніе, производимое ими на зрителя, блѣднѣютъ предъ картинами дѣйствительности соляного царства въ Величко, съ его бездонными пропастями, съ его произведеніями искусства, въ видѣ высѣченныхъ изъ соли статуй, устроенныхъ изъ того же матеріала церквей и т. д. Но наблюдателя, ищущаго признаковъ роста промышленности, желающаго увидѣть стремительные шаги предпріимчивости, порождающей вокругъ себя кипучую дѣятельность, осмотръ Величко не удовлетворитъ. Здѣсь--картины прошлаго. Добыча соли, начавшаяся съ XIV столѣтія, ведется государствомъ, которому принадлежатъ нѣдра, и такимъ образомъ на живое дѣло наложена мертвящая печать канцеляріи. Иное дѣло у насъ, на югѣ Россіи. Возьмите, для примѣра, Екатеринославскую губ. Здѣсь частныя компаніи, приходя со всѣхъ концовъ міра, одна передъ другой показываютъ примѣры энергіи, предпріимчивости и изобрѣтательности. Маленькій уѣздный городъ Бахмутъ никогда не смѣлъ думать, что возлѣ него вдругъ появится своя Бохня и Величко. Явилась компанія, и ея предпріимчивость обогнала самыя смѣлыя мечты. Въ нѣсколько лѣтъ эта же свободная предпріимчивость выростила въ одной Екатеринославской губ. около дюжины металлургическихъ заводовъ. Одинъ американскій трубопрокатный заводъ сѣлъ лѣтомъ на пароходы въ Ньюіоркской гавани, направился къ уѣздному городу Маріуполю, стоящему на Азовскомъ морѣ, и черезъ полгода, вытерпѣвъ такую пересадку,

началъ работать на новой почвѣ. Вотъ почему на нашихъ промышленныхъ, обрабатывающихъ центрахъ лежитъ особый отпечатокъ, дѣлающій ихъ не менѣе интересными, чѣмъ многіе пункты за границей, излюбленные публикой и пользующіеся установленной репутаціей особенныхъ диковинокъ. Конечно, пробраться въ наши углы не такъ легко, благодаря отсутствію согласующихся поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, отсутствію шоссейныхъ дорогъ и пристанищъ для путешественника.

Осмотръ соляныхъ копей въ Величко занялъ почти цѣлый день, и подъ вечеръ мы чувствовали бо́льшую усталость, чѣмъ послѣ пробѣга въ 100 верстъ на велосипедѣ. Правда, первые 2 дня ѣзды на велосипедѣ мы чувствовали временами боль въ колѣнахъ и въ сухожиліяхъ около пятокъ. Эта боль безпокоила опасеніемъ, что, усилившись, она лишитъ возможности продолжать путь.

Такая болѣзнь, когда находишься въ верстахъ 30—40 отъ какого-нибудь города, гдѣ можно найти пріютъ, была-бы очень непріятна. Но наши опасенія не оправдались; такого рода препятствія насъ не задерживали, бодрость и свѣжесть силъ всегда сохранялись къ концу дневного переѣзда. Цѣлый же день хожденій и осмотровъ былъ болѣе утомителенъ.

Всякій, бывающій въ Краковѣ, обычно посѣщаетъ старый королевскій замокъ — «Вавель». Здѣсь показываютъ гробницы королей и людей, извѣстныхъ своими историческими заслугами.

Австрійское правительство обратило Вавель въ казарму, и нынѣ бывшій королевскій дворецъ наполненъ солдатами, обучающимися рекрутами, военными музыкантами и всякимъ интендантскимъ хламомъ. Вотъ гдѣ поистинѣ примѣняется ста-

рое изрѣченіе: sic transit gloria mundi. Предъ вами остатки нѣкогда пышныхъ хоромъ, которые, въ прошлыя времена, видѣли только блескъ, пышность, представителей земной силы, славы, богатства. Этотъ дворецъ посѣщали только привилегированныя лица, кичившіяся своимъ исключительнымъ положеніемъ, возносившимъ ихъ надъ простымъ смертнымъ, которому и въ мечтахъ не снилось попасть въ эти хоромы. А теперь въ этихъ хоромахъ одинъ грязно одѣтый солдатикъ билъ палкой по тюфяку, изъ котораго сыпались клочья, другой зашивалъ рукавъ полинялаго солдатскаго мундира, третій заштопывалъ иныя части костюма. Словомъ, имѣлась рѣжущая, кричащая картина ироніи судьбы. Впрочемъ, такимъ картинкамъ настанетъ скоро конецъ. Уже собранъ милліонъ гульденовъ на реставрацію королевскаго замка въ его старомъ, первобытномъ видѣ, и уже рѣшено вывести изъ Вавеля казарму въ болѣе подходящее для нея мѣсто.

ПИСЬМО VI.

Извѣстный польскій художникъ Семирадскій и не менѣе извѣстный польскій писатель Сенкевичъ—оба разными способами пытались изобразить картину двухъ противоположностей: римскаго языческаго міросозерцанія, приковывавшаго душу къ землѣ, и христіанства, возносившаго душу отъ земли. Первый изъ названныхъ художниковъ пользовался кистью и полотномъ для выраженій своей идеи и создалъ знаменитую картину «Свѣточи христіанства»; второй пользовался письмомъ и написалъ книгу «Quo Vadis?», о которой знаетъ теперь весь міръ. Семирадскій подарилъ свою дорогую картину городу Кракову. Послѣ нѣсколь-

кихъ часовъ поисковъ за этой картиной, мы ее нашли въ національномъ музеѣ, именуемомъ «Сукеницы». Она сразу выдѣлилась среди другихъ сосѣднихъ картинъ и положительно приковываетъ къ себѣ глаза. На первомъ планѣ выдѣляются фигуры людей съ печатью чувственности и пресыщенія; то римскій дворъ, окружающій Нерона, римскія власти, заправлявшія римскимъ государствомъ; вдали, на второмъ планѣ, лѣсъ факеловъ изъ живыхъ тѣлъ; то христіанскіе страдальцы, которыхъ мученическая смерть пріятно щекочетъ кровавые инстинкты римскихъ зрителей, тѣ кровавые инстинкты, которые неумолимо зарождаются въ человѣкѣ, когда его духовное око смотритъ только на землю. Зрителя нѣсколько мучаетъ значительное отдаленіе на полотнѣ картины христіанскихъ мучениковъ. Вѣдь по ходу вещей имъ принадлежитъ первое мѣсто. Если бы ихъ мученическій вѣнецъ не возносился надъ мрачнымъ фономъ римскаго разврата, вспрыснутаго кровью невинныхъ жертвъ, то объ этомъ послѣднемъ не сохранилось бы столь жгучихъ воспоминаній. Мнѣ показалось, впрочемъ, что такое отдаленіе христіанскихъ мучениковъ, блѣдность красокъ въ изображеніи духа «отрекающагося отъ себя и берущаго крестъ свой» было роковой необходимостью. Мнѣ показалось, что полотно, краски, даже геніальная рука художника безсильны передать тотъ сложный трагическій процессъ, когда во имя идеи человѣкъ отрекается отъ земли, къ которой онъ прикованъ съ момента своего появленія на землѣ. Это—величайшая побѣда духа: онъ освобождается отъ своей темницы тѣла, говоря словами Платона, т.-е. онъ переходитъ на ту ступень совершенства, когда *идейное я* уже внѣ сферы тяготѣнія обычныхъ

представленій, чувствъ, желаній, составляющихъ реальное, обыкновенное содержаніе земного существованія. Для изображенія этой побѣды кисть художника недостаточна; краски, тѣни, освѣщенія неспособны выразить всей духовной чистоты и высоты такой побѣды; такая побѣда духа не можетъ быть выражена вполнѣ посредствомъ художественныхъ знаковъ. Даже болѣе совершенное орудіе—слово, письмо, въ такихъ случаяхъ оказывается слабымъ. Въ этой мысли отчасти укрѣпляетъ чтеніе безподобнаго произведенія Сенкевича «Quo Vadis?», которое я избѣгаю назвать романомъ. Говорю, избѣгаю, ибо «Vadis» не только не романъ, а вѣрнѣе, живое, въ художественныхъ картинахъ, изображеніе исторической правды, духа времени. Но не смотря на всѣ совершенства этого произведенія, не трудно замѣтить, что, въ сравненіи съ изображеніемъ язычества, изображеніе христіанства, той побѣды духа, о которой я сейчасъ сказалъ, блѣдновато. Въ этомъ, конечно, нельзя винить автора: это вина человѣческаго несовершенства. Другое дѣло изображенія земныхъ побѣдъ. Тутъ краски не измѣняютъ художнику. Въ этомъ вы легко убѣждаетесь, переходя къ находящейся здѣсь же картинѣ Матейко: «Битва подъ Грюнвальденомъ». Здѣсь полностью выраженъ историческій моментъ грознаго столкновенія побѣдоноснаго славянскаго оружія съ германскимъ, потерпѣвшимъ жестокое пораженіе. Для выраженія такихъ моментовъ у талантливаго художника и писателя всегда имѣется достаточно средствъ.

При обзорѣ стараго и новаго университета я натолкнулся на одинъ курьезъ. Обозрѣвая въ библіотекѣ старыя книги, рукописи, я въ послѣдней комнатѣ библіотеки замѣтилъ объявле-

ніе, написанное по-русски крупными буквами. «по-польски говорить воспрещается». «Почему здѣсь нельзя говорить по-польски?» обратился я къ проводнику, показавъ ему объявленіе. «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «говорить можно на всякомъ языкѣ». Проводникъ, какъ мнѣ показалось, пытался уклониться отъ объясненія, что означало это объявленіе. Мой спутникъ и я попросили его не стѣсняться присутствіемъ русскихъ и объяснить намъ, почему это объявленіе находится въ университетской библіотекѣ. Желаніе наше исполнено. Оказалось, что лѣтъ пять тому назадъ нѣкій краковскій обыватель, знавшій одинъ только польскій языкъ, зашелъ, въ одномъ изъ городовъ нашихъ западныхъ губерній, въ почтовую контору; желая навести какую-то справку, онъ сталъ говорить на польскомъ языкѣ. Почтовый чиновникъ указалъ ему на объявленіе; посѣтитель сразу ничего не понялъ, но затѣмъ, догадавшись о значеніи этого объявленія, снялъ его и положилъ себѣ въ карманъ. Тогда съ нимъ объяснились по-польски, и онъ получилъ необходимую для него справку. Возвратившись же въ Краковъ, онъ привезъ съ собою это объявленіе и, вѣроятно, считая его замѣчательнымъ историческимъ манускриптомъ, собственноручно повѣсилъ его въ библіотекѣ университета. Подъ этимъ же объявленіемъ находится написанное, *на русскомъ языкѣ*, удостовѣреніе, выданное дворянкѣ N., въ томъ, что съ нея взысканъ штрафъ въ 25 рублей за «употребленіе польскаго языка». Почему попали эти документы въ библіотеку, хранившую рѣдкіе книги и манускрипты, такъ и осталось для меня невыясненнымъ. При выходѣ изъ библіотеки просятъ расписаться въ особой книгѣ, наполненной подписями разныхъ лицъ. Между

ними находятся подписи многихъ высокопоставленныхъ особъ и въ томъ числѣ подпись австрійскаго императора на польскомъ языкѣ.

Пробывъ въ Краковѣ и его окрестностяхъ почти 3 дня, мы, къ вечеру третьяго дня рѣшили продолжать путь по направленію къ Вѣнѣ. Предварительно мы купили въ книжныхъ магазинахъ отдѣльные листы карты генеральнаго штаба, которыми можно было бы руководствоваться въ дальнѣйшемъ странствіи. Маршрутъ отъ Кракова до Вѣны намъ былъ извѣстенъ, благодаря указаніямъ, даннымъ намъ въ Варшавѣ г. Скродскимъ, который ѣздилъ въ Вѣну изъ Варшавы на велосипедѣ. Кромѣ того, списки маршрутовъ имѣются въ книгѣ, присланной Allgemeine Radfahrer Union. Отъ Варшавы до Кракова подробная карта не нужна, ибо, разъ ѣздокъ на главномъ шоссе, онъ его не потеряетъ; оно и лучше, и шире боковыхъ, примыкающихъ шоссе; кромѣ того, на каждой верстѣ стоитъ столбъ, на которомъ надписанная цифра опредѣляетъ разстояніе между ближайшими городами. Иное дѣло въ Австріи; тамъ больше перекрещивающихся шоссейныхъ дорогъ; верстовыхъ столбовъ и другихъ указателей на нихъ нѣтъ. Поэтому заблудиться легко, если не руководствоваться картой большого масштаба. Зато въ Австріи имѣлось для путника одно большое удобство: на пути часто встрѣчались города съ порядочными гостинницами. Поэтому не было необходимости, выѣзжая утромъ, спѣшить къ пункту, гдѣ можно найти ночлегъ и опасаться быть захваченнымъ ночью, когда ѣзда неинтересна и требуетъ большой осторожности. Можно было ѣхать смѣло, зная, что если ночь и захватитъ, то все-таки до перваго города не придется долго ѣхать въ темнотѣ.

Было 3 часа дня, когда мы тронулись изъ Кракова. Представитель одного велосипеднаго магазина, въ который мы отдали почистить наши велосипеды, вывелъ насъ изъ города на нашъ путь, и скоро мы очутились въ гористой и живописной мѣстности. Хотя по нашему стилю было 27 сентября, но солнце жгло, какъ лѣтомъ, и взбираться на горы по неважному шоссе было тяжело.

ПИСЬМО VII.

Путь отъ Кракова былъ гористый, тяжелый, съ крутыми подъемами и спусками. Уже верстахъ въ ста отъ границы мѣстность понемногу принимала горный характеръ. Послѣ же Кракова мы очутились среди горъ, окутанныхъ характерной для гористыхъ мѣстностей синевой. Эта мѣстность, пересѣкаемая Карпатскими горами, по справедливости называется польской Швейцаріей. Правда, здѣсь нѣтъ снѣжныхъ вершинъ, но счастливая комбинація горъ, усѣянныхъ мощнымъ лѣсомъ, долинъ, рѣкъ дѣлаетъ пейзажъ однимъ изъ живописнѣйшихъ. Самая высокая гряда горъ оставалась по лѣвую руку нашего пути.

Я былъ пораженъ постоянно встрѣчавшимися питейными заведеніями; какъ только завидишь какой-нибудь домикъ, пріютившійся среди горъ, сейчасъ же бросается красующаяся на немъ надпись: «ргогупасіа». Я не зналъ значенія этого слова, но думаю, что его можно перевести словомъ кабакъ, ибо, входя въ домъ съ такой надписью, я всегда видѣлъ скудную закуску, водку и другія питія. Несмотря на обиліе указанныхъ заведеній, ни на дорогѣ, ни въ кабакахъ я не

встрѣчалъ пьяныхъ. Томимые жаждой, вслѣдствіе жары, мы часто заходили въ кабаки выпить пива; постороннихъ посѣтителей тамъ мы не встрѣчали. Только разъ попалась намъ типичная фигура пьяницы, который, сгорбившись, сидѣлъ за столомъ, тупо озирался и, присосавшись губами къ тарелкѣ, на которой лежала голова селедки, лѣниво пилъ сѣроватый густой селедочный сокъ. Нашъ путь, извиваясь между горъ, провелъ насъ черезъ нѣсколько благоустроенныхъ небольшихъ поселковъ въ долину маленькой рѣчки; здѣсь шоссе оказалось болѣе гладкимъ и безъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Мы ускорили ходъ и къ заходу солнца пріѣхали въ мѣстечко Вадовице, отстоящее отъ Кракова въ 53 километрахъ. По своему внѣшнему виду это мѣстечко напоминаетъ нашу южно-русскую благоустроенную колонію: оно вытянулось почти въ одну улицу. На этой улицѣ мы замѣтили гостинницу и рѣшили въ ней заночевать. Усталости мы не чувствовали, было только очень жарко. Отведенная намъ комната оказалась холодной и сырой; при разговорѣ паръ валилъ изъ рта, какъ дымъ. Несмотря на такіе рѣзкіе переходы, мы чувствовали себя очень хорошо, и простуда насъ не преслѣдовала. Къ моему велосипеду была прикрѣплена непромокаемая рубаха на случай дождя и шерстяная бѣлая англійская рубаха на случай холода. Попадая въ подобныя холодныя, сырыя комнаты, я надѣвалъ эту теплую рубаху и чувствовалъ себя недурно. Ресторанъ пріютившей насъ гостинницы помѣщался въ убогой комнатѣ; посѣтителей не было. Время обѣда отошло, вслѣдствіе чего можно было достать только пива и вядчины. Во время нашего ужина вошло нѣсколько лицъ, и одинъ изъ нихъ, болѣе словоохотливый, вступилъ съ нами въ разговоръ.

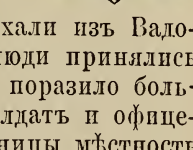
Меня интересовалъ фактъ множества кабаковъ и отсутствія пьяныхъ. Объясненія моего незнакомца сводились къ парадоксальному мнѣнію, услышанному, впрочемъ, впослѣдствіи въ другой странѣ и въ другой обстановкѣ: я его услышалъ отъ одного учителя народной школы въ Швейцаріи. По этому, какъ я сказалъ, парадоксу, пьянство не причина нищеты, а ея слѣдствіе. Замѣченное мною отсутствіе пьянства мой незнакомецъ объяснилъ экономической мощью населенія: оно зажиточно, имѣетъ свои хозяйства, дорогіе ему интересы, отвлекающіе его отъ кабака. Дѣйствительно, и мнѣ, постоянно живущему въ деревнѣ на югѣ Россіи, приходилось наблюдать явленія, какъ бы подтверждающія такое заключеніе. Я видѣлъ крестьянскія общества, села, нравственный обликъ которыхъ измѣнялся по мѣрѣ упорядоченія ихъ экономическаго быта. Разъ у крестьянина заводилось порядочное хозяйство, разъ трудъ его вознаграждался въ такой мѣрѣ, что его положеніе становилось обезпеченнымъ, стремленію къ разгулу, къ безпорядочной пьяной жизни наступалъ конецъ. При этомъ рѣшительно все равно, вознаграждается ли трудъ высокой заработной платой или производительностью хозяйства: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ экономическая обезпеченность упорядочиваетъ поведеніе человѣка. Въ этомъ отношеніи я наблюдалъ слѣдующій интересный случай. Есть у насъ, въ Екатеринославской губерніи, первый возникшій на югѣ Россіи металлургическій заводъ Новороссійскаго общества, получившій названіе «завода Юза» по имени его основателя. На этомъ заводѣ работаетъ теперь около 8000 рабочихъ. Правильное, строго справедливое отношеніе къ рабочему, при существующей высокой заработной платѣ, даетъ

возможность послѣднему не только покрыть расходы его неприхотливой жизни, но и составить сбереженіе, которое, привнесенное въ крестьянское хозяйство, подымаетъ производительную его силу. Видъ пьяныхъ по праздникамъ на заводѣ заставлялъ долгое время меня думать, что рабочій людъ не способенъ пользоваться благопріятнымъ для его экономическаго подъема положеніемъ, но недавно мнѣ пришлось натолкнуться на одну цифру, показавшую мнѣ мое заблужденіе. Оказалось, что, послѣ открытія отдѣленія Государственнаго банка въ названномъ заводѣ, было внесено въ сберегательную кассу банка около милліона рублей. Почти вся эта сумма внесена работающими на заводѣ. Такимъ образомъ, мнѣ стало очевиднымъ, что простой рабочій далеко не такъ безпеченъ, какъ многіе думаютъ. Разъ у него есть надежда на улучшеніе своего экономическаго состоянія, онъ проявляетъ большое благоразуміе и наклонность къ сбереженію. Восемь тысячъ рабочихъ, откладывающихъ въ годъ на сбереженіе милліонъ рублей—это ли не благоразуміе, не бережливость? Такія же свойства рабочаго люда можно наблюдать и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, и въ этомъ отношеніи тысячу разъ правъ одинъ изслѣдователь южно-русскаго хозяйства, сказавшій, что здѣсь, на югѣ Россіи обычно «богатѣи села лучшіе люди». Но подслушанное мною за границей парадоксальное мнѣніе о врачующемъ по отношенію къ пьянству значеніи богатства, экономическаго благосостоянія не вполнѣ все-таки справедливо. Не всякое богатство лѣчитъ пьянство. Только обезпеченность, явившаяся плодомъ личныхъ усилій, личнаго труда человѣка, даетъ ему новый міръ интересовъ; богатство же, подающее, благодаря счастливой случайности, «бѣ-

шеныя деньги», какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Островскаго, скорѣе развращаетъ, чѣмъ улучшаетъ человѣка. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ самаго важнаго фактора — облагораживающаго значенія труда. Въ этомъ отношеніи мнѣ попадались слѣдующія любопытныя данныя. Мнѣ приходилось видѣть крестьянскія общества, богато надѣленныя землей, которымъ сваливалось еще счастье въ видѣ десятка тысячъ платы за аренду ихъ минеральныхъ богатствъ. И какъ это ни странно, но тѣмъ не менѣе оставался фактъ, что такія общества не богатѣли; недоимки на нихъ росли, нужда и нищенство ихъ не покидали; усиливалось только пьянство и разгулъ. Замѣчательно еще при этомъ, что рядомъ находились крестьянскія села, скудно надѣленныя землей, лишенныя минеральныхъ богатствъ, которыя представляли какъ разъ противоположную картину. Крестьянскія общества этихъ селъ, улучшивъ свой экономическій бытъ, благодаря наставшей большей вознагражденности труда, улучшили въ то же время и свой нравственный бытъ; первымъ шагомъ въ этомъ улучшеніи было упраздненіе пьянства. Сопоставляя, такимъ образомъ, видѣнное на родинѣ и встрѣчавшееся на пути, я невольно бросалъ упрекъ людямъ, которые жалуются на возвышеніе платы, на лучшее вознагражденіе труда. Этого факта нѣтъ основанія бояться ни у насъ, ни гдѣ-бы то ни было, ибо такимъ путемъ достигаемое улучшеніе народнаго благосостоянія врачуетъ одну изъ самыхъ страшныхъ народныхъ болѣзней — пьянство со всѣми его сложными, многочисленными и бѣдственными послѣдствіями. Мой незнакомецъ, оказавшійся давнишнимъ обитателемъ Вадовице, въ отвѣтъ на мой вопросъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ еврейской эксплуатаціи,

разсмѣялся и заявилъ, что населеніе здѣсь вполнѣ взрослое и не отдастъ себя въ какую бы то ни было эксплуатацію; скорѣе можно опасаться гнета съ его стороны, чѣмъ его немощности въ огражденіи личныхъ интересовъ.

Въ разговоръ вмѣшался еще одинъ изъ посѣтителей, и бесѣда приняла иное направленіе. Новый незнакомецъ сталъ говорить о крупныхъ преимуществахъ города Львова передъ Краковымъ; впрочемъ, онъ выставилъ очень скользкій признакъ такого преимущества: количество и качество львовскихъ красавицъ. Разговоръ терялъ интересъ; Г-въ и я отправились въ свою сырую комнату-погребъ спать.



ПИСЬМО VIII.

Съ восходомъ солнца мы выѣхали изъ Вадовице. Городокъ уже проснулся, люди принялись за свои обычныя занятія. Меня поразило большое количество встрѣтившихся солдатъ и офицеровъ. Вообще послѣ переѣзда границы мѣстность казалась переполненной военными людьми. Дальнѣйшій путь шелъ почти по сплошной улицѣ домовъ, отстоявшихъ одинъ отъ другого на нѣсколько десятковъ саженей и раздѣленныхъ маленькими садами. Я замѣтилъ, что въ гористыхъ мѣстностяхъ большихъ селъ, подобныхъ нашимъ южно-русскимъ поселеніямъ, не встрѣчается. Имѣются отдѣльные хутора въ нѣсколько домиковъ; преимущественно же дома стоятъ отдѣльно одинъ отъ другого, и каждый изъ нихъ представляетъ отдѣльный дворъ-хозяйство. Такіе небольшіе дворы-хозяйства послѣ Вадовице стояли на всемъ нашемъ пути.

Кромѣ того, на нашемъ пути постоянно попадались города. Погода была не особенно благосклонна къ намъ, странникамъ. Правда, дождь насъ не преслѣдовалъ, но зато отъ самаго Радома намъ приходилось ѣхать противъ сильнаго вѣтра. Когда же мы выѣхали изъ Вадовице, поднялся штормъ: по счастью, было тепло, солнечно, и мы могли продолжать путь. Но, какъ я Вамъ писалъ, ѣзда противъ вѣтра очень затруднительна и поэтому, выѣхавъ утромъ изъ Вадовице, мы къ 5-ти часамъ дня проѣхали всего какихъ-нибудь 75 километровъ, остановившись въ полдень для отдыха часа на два. На этомъ разстояніи мы проѣхали черезъ города: Кенты, Біала, Белитцъ, Скочау—и остановились на ночлегъ въ городѣ Тешенъ. Проѣзжали мы также черезъ нѣсколько мѣстечекъ, но о нихъ я не упоминаю; это были тѣ же города только меньшаго размѣра. Проѣхавъ городъ Біалу, мы были въ Силезіи. Польская рѣчь стала вытѣсняться чешскимъ и нѣмецкимъ языками. Всѣ города здѣсь похожи другъ на друга; ихъ трудно сравнивать съ нашими городами: они больше и лучше уѣздныхъ городовъ и меньше губернскихъ, чище и болѣе благоустроены, чѣмъ тѣ и другіе. При въѣздѣ въ каждый изъ такихъ городовъ мы обыкновенно встрѣчали на улицѣ полицейскаго. Къ нему мы обращались съ разспросами. Послѣдній прежде, чѣмъ отвѣчать, отдаетъ честь по-военному и затѣмъ самымъ обязательнымъ образомъ отвѣчаетъ на всѣ разспросы. Наши вопросы главнымъ образомъ клонились къ полученію указаній, по какимъ улицамъ выбраться на шоссе нашего маршрута. Любезность полицейскаго иногда достигала такихъ размѣровъ, что онъ насъ провожалъ до какого-нибудь переулка, изъ котораго намъ легче было выбраться на нашъ

путь. Приличный видъ полицейскаго, его блестящій, даже щеголеватый мундиръ, вѣжливость въ обращеніи не позволяли какъ-то отблагодарить презрѣннымъ серебрянымъ или, вѣрнѣе, никелевымъ австрійскимъ металломъ. Мы разсыпались въ словесныхъ благодарностяхъ и, кажется, впадали въ ошибку. Въ Австріи наше «на чай» въ большой модѣ. Военныхъ во встрѣчавшихся намъ городахъ и мѣстечкахъ имѣется въ несказанномъ изобиліи; чуть ли не вблизи каждаго города мы встрѣчали ихъ толпами. Видимо, было время обученія рекрутъ, ибо мы очень часто встрѣчали молодыхъ солдатъ, которые по крику или командѣ старшаго военнаго производили рядъ непроизводительныхъ съ точки зрѣнія экономиста движеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шло обученіе кавалеристовъ; здѣсь къ непроизводительнымъ движеніямъ людей примѣшивались таковыя-же со стороны лошадей. Вообще видъ толпы людей въ военной одеждѣ съ строгой серьезностью изучавшихъ пріемы болѣе удачнаго убиванія собратіевъ, временно попадающихъ въ положеніе врага, производилъ удручающее впечатлѣніе. И это непосредственное впечатлѣніе не было безсознательною раздражительностью русскаго, который имѣетъ привилегію попасть первымъ въ число враговъ австрійскаго отечества. Это было впечатлѣніе, вытекавшее изъ того противорѣчія, какое являли изъ себя эти военныя манипуляціи съ общимъ настроеніемъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди, которые обучали и которые обучались убивать враговъ отечества, не были ни злобны къ намъ, ни даже безучастны. При всякомъ обращеніи къ нимъ они проявляли любезность, готовность придти намъ на помощь, разъ мы въ ней, какъ чужестранцы, нуждались. Отъ простолюдина и солдата

до офицера и до человѣка, одѣтаго въ обычное европейское пальто, мы нигдѣ, прорѣзавъ всю Австрію отъ Кракова до Бранау, на границѣ Баваріи, не встрѣтили недружелюбія, хотя каждый разъ при соприкосновеніи съ мѣстными обывателями выяснялось, что мы, чужеземцы, русскіе. Вся обстановка какъ будто говорила, что на европейскомъ материкѣ враговъ, подлежащихъ убиванію, не имѣется; и въ то же время приходилось наблюдать проявленіе заботъ и усилій къ обученію возможно большаго числа людей военнымъ пріемамъ.

Дѣйствительно, было время, когда народы жили изолированно, не имѣли между собой сношеній, не знали другъ-друга. Тогда это незнаніе могло ихъ дѣлать подозрительными относительно другъ друга и враждебно настроенными; отсутствіе сношеній не создавало общихъ интересовъ, не подготовляло почвы для солидарности интересовъ. Но времена перемѣнились. Теперь солидарность въ торговыхъ операціяхъ, въ искусствѣ, наукѣ, въ разрѣшеніи соціальныхъ проблеммъ, въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ моральныхъ вопросовъ явилась новой благотворной силой, связывающей народы мирными нитями. Народы не хотятъ ихъ рвать даже при существованіи тяжелыхъ старыхъ счетовъ между государствами. Такое положеніе вещей также обусловливало, вѣроятно, наше представленіе, благодаря которому обученіе войска, направленное къ выработкѣ способности убивать въ дѣйствительности не существующаго врага, казалось намъ безсмысленнымъ.

Конечно, нельзя требовать отъ отдѣльнаго государства, чтобы оно не приготовлялось къ войнѣ, разъ окружающія государства это дѣлаютъ и разсчитываютъ примѣнить выработанное ими ис-

кусство на своихъ сосѣдяхъ. Отдѣльное государство—жертва общей системы милитаризма, принципа «крови и желѣза», этого отголоска далекой старины, когда война была особымъ родомъ занятій и соотвѣтствовала тогдашнему настроенію людей. Такимъ образомъ, каждому отдѣльному государству европейскаго континента приходится волей-неволей постоянно себя держать въ состояніи готовности къ умѣлому пролитію крови. Признавая эту необходимость и видя въ то же время настроеніе людей, интересы массъ, отсутствіе враждебности, невольно поражаешься создавшимся нелѣпымъ положеніемъ. Не имѣя другъ къ другу вражды, люди усердно готовятся къ тому, чтобы быть всегда готовыми стать возможно болѣе опасными врагами. Не имѣя никакого интереса убивать другъ-друга, люди изъ 20 частей своего дохода тратятъ 19 на военные расходы—такое получается отношеніе, если включить въ разсчетъ непроизводительно затраченный трудъ на военныя упражненія.

Прогрессивно увеличивающіяся разнообразныя сношенія между отдѣльными людьми разныхъ государствъ—это, вѣроятно, тотъ путь, слѣдуя по которому, можно будетъ найти средство уменьшить гнетъ милитаризма, доведшій болѣе слабые народы до голода, до нищеты. Быть можетъ, тогда люди увидятъ своего общаго врага: пролетаріатъ, голодъ, нищету, съ которымъ тогда будетъ легче справиться.

Встрѣчая на пути отряды австрійскаго войска, я, какъ институтка старыхъ временъ, долу опускалъ глаза, и, вѣроятно, вся фигура моя говорила: «готовъ дать подписку никогда въ жизни на васъ не смотрѣть, только не примите за шпіона, не задержите и не прервите моего велоси-

педнаго странствія!» Мой товарищъ Г—въ не былъ такъ скроменъ: онъ останавливался и наблюдалъ военныя эволюціи кавалеріи. Недавно отбывъ воинскую повинность и будучи прапорщикомъ запаса, онъ хотѣлъ сравнить австрійскіе пріемы съ нашими. «Ну, что, лучше или хуже, чѣмъ у насъ?» обратился я съ вопросомъ къ своему пріятелю. «То же самое», былъ его отвѣтъ.

Странника по Силезіи и по Моравской землѣ можетъ задержать еще одна не грубая, но зато чарующая сила: здѣсь много красивыхъ, эффектныхъ, заманчивыхъ женщинъ, которыя какъ будто обнаруживаютъ нѣкоторую симпатію, благосклонность къ страннику. Мнѣ оставалось благодарить судьбу за то, что я попалъ въ этотъ обворожительный край, уже будучи старымъ велосипедистомъ. Иначе врядъ-ли могли бы мы безъ непредвидѣнныхъ замедленій проѣхать черезъ эту мѣстность, гдѣ довѣрчивое юное воображеніе увидѣло бы такъ много ласкающаго, привлекательнаго...

ПИСЬМО IX.

Изъ Тешена мы по обыкновенію выѣхали рано утромъ; путь попрежнему лежалъ среди гористой мѣстности; шоссе замѣтно улучшилось и, кажется, подъемы и спуски болѣе соотвѣтствовали вкусамъ велосипедистовъ, т.-е. были менѣе круты. Съ лѣвой стороны, вдали отъ нашей дороги, тянулся живописный кряжъ высокихъ горъ. Вѣтеръ не только не уменьшился, но какъ то свирѣпѣлъ; цѣлый день стояла буря, безпощадно ломавшая вѣтки деревьевъ, которыми было обсажено шоссе, и даже сломившая одно тощее дерево, которое повалилось на дорогу.

Движеніе наше было очень затруднено; нѣсколько отдыхали, когда путь дѣлалъ поворотъ и вѣтеръ дулъ наискось. Съ завистью мы посматривали на встрѣчающихся велосипедистовъ, которые привѣтствовали насъ по обычаю членовъ Allg. Rad. Union словами: «All Heil!» Эти слова выбиты и на знакѣ, который носятъ члены названнаго союза. Наши собратья по колесу легко неслись за вѣтромъ, гонимые этой даровой силой и не дѣлая ровно никакихъ напряженій. А намъ приходилось работать. Тѣмъ не менѣе къ вечеру мы пріѣхали въ городъ Лейпникъ, отстоящій около 90 километровъ отъ Тешена. Усталости особой мы не чувствовали, что, быть можетъ, объясняется и тѣмъ, что къ полдню штормъ сразу затихъ; вслѣдствіе, этого мы около часа времени ѣхали при хорошихъ, легкихъ условіяхъ. Городовъ въ этотъ переѣздъ встрѣтилось еще больше, чѣмъ наканунѣ; я запомнилъ по именамъ слѣдующіе: Фридекъ, Мистекъ, Фрейбергъ, Нейтитшейнъ, Вейскирхенъ и Лейпникъ.—Послѣ Вейскирхена дорога становится ровной, безъ тяжелыхъ подъемовъ и спусковъ, и велосипедистъ чувствуетъ себя очень комфортабельно. При приближеніи къ Лейпнику, красивый кряжъ горъ, находившійся по лѣвую руку, теряется изъ виду. Военныхъ было попрежнему видимо-невидимо, и, какъ мнѣ показалось, они вывелись окончательно только послѣ Лейпника. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ на 200 верстъ отъ нашей границы расположены густой массой австрійскія войска, что указываетъ на торжество системы «вооруженнаго мира», покоющагося на недовѣріи одного государства къ другому.

Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, встрѣчавшихся мнѣ послѣ Кракова, я замѣтилъ, что на-

родныя школы были лучшими зданіями, болѣе обширными и съ большой опрятностью содержимыми. Сказанное, безъ исключеній и безъ оговорокъ, примѣняется ко всякому населенному мѣсту. Видимо было, что школа здѣсь въ почетѣ, и что она находится въ благопріятныхъ условіяхъ для процвѣтанія. О посѣщеніи школъ я когда-нибудь разскажу Вамъ въ будущемъ, теперь же ограничиваюсь обзоромъ внѣшности. Часто попадались намъ, около полудня, дѣтишки, гурьбой вылетавшія изъ школы. Они весело насъ привѣтствовали поклономъ, прибавляя: «Guten Abend» или по велосипедному: «All Heil». Грубости или какой-нибудь злой шутки отъ дѣтей мы ни разу не встрѣчали; наши велосипеды не потерпѣли ни отъ брошенной въ колесо палки, ни отъ брошеннаго въ догонку камня.

Останавливаясь въ какомъ-нибудь городѣ на ночлегъ, мы прежде всего ставили велосипедъ въ безопасное мѣсто и затѣмъ отправлялись въ ресторанъ. Къ вечеру, послѣ 6-ти часовъ, тамъ собиралась публика. Время обѣда было здѣсь раньше 6-ти часовъ, вечеръ-же, повидимому, былъ временемъ исключительнаго питья пива; чуть кто-либо входилъ—моментально предъ нимъ являлась кружка пива; посѣтители медленно, но ревностно справлялись съ поданнымъ имъ пивомъ; какъ только оно исчезало, на мѣсто осушенной кружки являлась новая съ пѣнящеюся влагой. Публика вела себя очень чинно, тихо. Ея занятіемъ были чтеніе газетъ и игра въ карты. Карты были особенныя, большія, не похожія на наши; игру разобрать я не могъ. Замѣтилъ только, что здѣсь были игроки, не интересные для наблюдателя. Это не были такіе игроки, какихъ мнѣ случилось видѣть въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ царства

Польскаго и о которыхъ я Вамъ писалъ. Любители картъ сказали бы про нихъ, что они играютъ «безъ души». Дѣйствительно, у нихъ игра сводилась къ механическому перебрасыванію картъ, и, какъ только часы пробивали 9 часовъ, игроки также равнодушно расходились, какъ и сходились.

Пока мы были въ польскихъ провинціяхъ, мы кое-какъ обходились съ этимъ языкомъ, и съ грѣхомъ пополамъ могли объясниться; въ моравской землѣ приходилось прибѣгать къ нѣмецкому языку, ибо мѣстное нарѣчіе было намъ недоступно; при пользованіи нѣмецкимъ языкомъ я сразу оказался банкротомъ: нѣсколько десятковъ извѣстныхъ мнѣ словъ, при моей комбинаціи ихъ, давали что-то непонятное. Мой пріятель былъ сильнѣе меня. Но оба мы были безъ языка относительно «кухонныхъ» словъ.

Вслѣдствіе этого отъ Кракова до Вѣны мы должны были оставаться безъ обѣда. Бывало такъ: займемъ мѣсто въ ресторанѣ, сейчасъ къ намъ подлетитъ человѣкъ съ карточкой кушаній, написанной по-нѣмецки рукой писаря, щедраго на хитрые росчерки. Я и не дерзалъ разобраться въ этомъ писаніи; мой пріятель читалъ, разбиралъ, но, въ концѣ концовъ, оказывалось, что его знанія были недостаточны для этого кухоннаго писанія. Человѣкъ стоялъ надъ душой и терпѣливо ждалъ. Желая какъ-нибудь покончить съ затруднительнымъ вопросомъ, я наугадъ показывалъ на нѣсколько написанныхъ словъ на карточкѣ. Лакей быстро исчезалъ и затѣмъ тащилъ какія-то кушанія, совсѣмъ неподходящія для проголодавшихся велосипедистовъ. Послѣ такихъ опытовъ мы въ ресторанѣ произносили только два слова: «Bier und Schinken». Иногда наша трапеза ограни-

чивалась хлѣбомъ и пивомъ. И какое это было роскошное, вкусное пиршество! Я увѣренъ, что ни одинъ гастрономъ, проѣвшій и проѣдающій состоянія, не имѣлъ для *себя* такого вкуснаго обѣда, какой *намъ* доставляли кусокъ хлѣба и кружка пива. Мнѣ кажется, что я могъ бы дать хорошія указанія любителямъ покушать, какимъ образомъ всего лучше удовлетворить страстишкѣ къ лакомымъ блюдамъ. Обычно гастрономы, достигнувъ высшихъ степеней гастрономическаго просвѣщенія, прибѣгаютъ къ изощреннымъ способамъ удовлетворенія вкусовыхъ ощущеній, вводя въ свой организмъ менѣе полезныхъ и болѣе вредныхъ приправъ и питій, и, такимъ образомъ, заставляютъ организмъ расходовать его силы на борьбу съ матеріаломъ количественно и качественно для него неудобнымъ. Между тѣмъ вкусовыя радости можно обезпечить гораздо проще и менѣе убыточнымъ способомъ для здоровья. Для этого стоитъ только проѣхать около сотни верстъ на велосипедѣ, и тогда кусокъ простого хлѣба окажется превосходящимъ самый роскошный обѣдъ.

Отъ гор. Лейпника шоссейная дорога развѣтвляется на двѣ: болѣе широкое, лучшее шоссе поворачиваетъ на западъ и примыкаетъ въ Ольмютцѣ къ извѣстному шоссейному тракту, идущему изъ Ольмютца черезъ Брюнъ, Никольсбургъ въ Вѣну; другое шоссе, узкое, неровное, очень походящее на проселочную, грунтовую дорогу, опускается прямо на югъ и приводитъ послѣ Лейпника въ городъ Прерау. Придерживаясь маршрута, даннаго намъ въ Варшавѣ, мы избрали этотъ второй путь и сдѣлали крупную ошибку, какъ это выяснило намъ дальнѣйшее странствіе.

Дорога отъ Лейпника была такъ плоха, что мы вынуждены были ѣхать по протоптанной сбоку

пѣшеходами тропинкѣ, изрѣзанной рытвинами. То была невеселая, осторожная, тихая ѣзда; насъ нѣсколько утѣшало отсутствіе вѣтра.

Горы остались позади насъ; мѣстность была совсѣмъ ровная и напоминала мнѣ наши южныя степи. Но еще больше напоминалъ мнѣ нашу степь обозъ изъ 12 гарбъ, везомыхъ волами. Спокойные, длиннорогіе и видимо хорошо выдержанные, они медленнымъ, ровнымъ шагомъ передвигали тяжелыя груженыя гарбы. Мы, южные хозяева, питаемъ нѣкоторую слабость къ этому животному, при помощи котораго производимъ большинство нашихъ сельскохозяйственныхъ работъ. Быть можетъ, поэтому, *я*, какъ будто, обрадовался, увидя чужестранныхъ собратіевъ нашихъ полевыхъ работниковъ. Я замѣтилъ, что упряжь здѣсь употребляется не такая, какъ у насъ. Мы надѣваемъ одно ярмо на 2-хъ воловъ и, такимъ образомъ, какъ-бы сковываемъ ихъ вмѣстѣ, при чемъ животныя тянутъ дышломъ: здѣсь-же на каждаго вола надѣто отдѣльное ярмо, и тянетъ онъ постромками. Конечно, при такихъ условіяхъ, свободныя движенія животнаго менѣе стѣснены, и ему легче идти и тащить тяжести. Смотря на проходившій мимо меня обозъ, я подумалъ о тѣхъ затрудненіяхъ и возраженіяхъ, которыя встрѣчу, когда, по возвращеніи на родину, попытаюсь ввести эту новую для насъ систему упряжи, болѣе удобную для работающаго животнаго.

Выѣхавъ изъ Лейпцика около 8-ми часовъ утра, мы черезъ часъ подъѣзжали къ Прерау и остановились у гостинницы, находившейся противъ желѣзнодорожнаго вокзала.

ПИСЬМО X.

Въ Прерау мы долго не задерживались.—Изъ гостинницы, находившейся почти за городомъ, противъ желѣзнодорожнаго вокзала, мы отправились въ городъ купить въ книжныхъ магазинахъ новые листы карты генеральнаго штаба для нашего дальнѣйшаго пути и кое-какія вещи изъ бѣлья. По возвращеніи въ гостинницу, мы, въ ресторанѣ, случайно познакомились съ однимъ мѣстнымъ велосипедистомъ, который отправлялся на велосипедѣ въ сосѣдній городъ Кремзіеръ. Километровъ на 20 намъ предстояла одна и та же дорога, и мы рѣшили выѣхать вмѣстѣ. Окунувшись въ находившейся при гостинницѣ ваннѣ со свѣжей водой и наскоро позавтракавъ, я былъ готовъ продолжать путь и у подъѣзда гостинницъ ожидалъ спутниковъ. Мы тронулись въ путь втроемъ. Всецѣло положившись на руководительство мѣстнаго велосипедиста, мы не посматривали на карту. Въ первой же встрѣчной деревнѣ мы потеряли вѣрное направленіе и пронеслись въ сторону, удлиннивъ свой путь на нѣсколько километровъ. Пришлось остановиться и, послѣ разспросовъ обитателей села, мы повернули обратно и очутились на надлежащемъ пути. При разспросахъ мѣстныхъ жителей меня всегда удивляло, что ихъ знанія не распространяются далѣе ближайшихъ сосѣднихъ деревень и городовъ. Вѣроятно, благодаря густотѣ населенія и многочисленности городовъ, люди здѣсь лишены необходимости отъѣзжать далеко изъ дому; у нихъ все подъ рукою. Вслѣдствіе этого и ихъ свѣдѣнія ограничиваются узкимъ раіономъ.

Очутившись на нашей дорогѣ, мы могли ускорить ходъ, благодаря тому, что путь, спустившись въ долину рѣки Моравы, былъ совсѣмъ ровный; шоссе очень мало оправдывало свое названіе; оно болѣе походило на гладкую проселочную дорогу, по которой, при сухой погодѣ, ѣхать было удобно. Мы нѣсколько спѣшили, разсчитывая на ночь попасть въ Лунденбургъ, откуда, по прямой дорогѣ, оставалось до Вѣны около 80-ти километровъ.

На нашу бѣду небо стало заволакиваться сѣрыми тучами, которыя очень низко опустились къ землѣ и придали небу и землѣ какой-то тоскливый, сѣренькій колоритъ. Изъ свинцовыхъ, сѣрыхъ массъ, заволочившихъ все небо, посыпалъ мелкій дождь, тотъ мелкій осенній дождь, на скорое прекращеніе котораго намъ приходилось оставить «надежду навсегда». Мы надѣли непромокаемые плащи и капюшоны на голову. Видъ нашъ приводилъ въ трепетъ и перепугъ встрѣчавшихся лошадей.—Въ воздухѣ было тепло, и намъ подъ гуттаперчевыми плащами становилось невыносимо жарко; нѣкоторое освѣженіе получалось отъ дождевой воды, которая понемногу наполняла велосипедные башмаки; послѣдніе стали холодны, какъ ледъ, и какъ-то непріятно тяжелѣли. Положеніе нашего новаго спутника оказалось болѣе неудовлетворительнымъ. Онъ ѣхалъ въ гости и былъ одѣтъ не по-велосипедному: на немъ была ослѣпительной бѣлизны крахмальная рубаха и новый черный костюмъ; все это выглядѣло очень прилично до начала дождя, а затѣмъ все это постепенно превращалось въ мокрую тряпку. Путь становился тяжелымъ; вода покрыла дорогу, и липкая, скользская глина тормозила ходъ машины. Мѣстами приходилось итти пѣшкомъ,

что тоже было нелегко; ноги вязли въ размокшей глинѣ и приходилось опасаться оставить въ ней свою обувь.—При такихъ условіяхъ, подъ дождемъ, превратившимся изъ мелкаго въ крупный и очень сильный, мы съ трудомъ добрались до перваго послѣ Прерау, городка Гулейнъ (Hullein), и пріютились въ маленькой гостинницѣ. Положеніе наше было затруднительно. Мы поняли, что сдѣлали ошибку, оставивъ послѣ Лейпника большую дорогу. Въ осеннее время велосипедистъ не долженъ отдаляться отъ хорошаго шоссе, ибо въ случаѣ дождя только по такому шоссе возможно движеніе. Путь же, на которомъ мы находились, превратился въ такое болото, что можно было на немъ просидѣть всю осень и все-таки не дождаться его улучшенія. Нашъ спутникъ, видимо, принималъ въ насъ участіе и оказался хорошимъ знатокомъ мѣстности. Онъ не одобрилъ моего предположенія возвратиться обратно въ Лейпникъ, онъ совѣтовалъ намъ отправиться на желѣзнодорожный вокзалъ и поѣздомъ доѣхать до Лунденбурга, откуда имѣется дорога, которая хотя и отводила насъ въ сторону отъ нашего направленія, но зато у Никольсбурга она выводила насъ на большое старинное шоссе, извѣстное подъ именемъ Kaiserstrasse. Мы не были велосипедными пуританами, безусловно осуждающими пользованіе желѣзными дорогами при путешествіи на велосипедѣ. Мы не предали забвенію на вѣки желѣзную дорогу, но мы рѣшили ею пользоваться только въ случаѣ совершенной невозможности иначе продолжать путь. Кромѣ того, на шестой сотнѣ верстъ мы такъ втянулись въ ѣзду, что намъ ни за что не хотѣлось прерывать нашего способа передвиженія. Поэтому мы не послушались добраго совѣта нашего собрата

по колесу, совѣтовавшаго сѣсть въ поѣздъ, и рѣшились продолжать путь на велосипедахъ, несмотря на продолжавшійся дождь. Мѣстный велосипедистъ остался въ Гулейнѣ въ виду скверной погоды, а мы, распрощавшись съ нимъ, продолжали нашъ путь вдвоемъ. Первый слѣдующій городокъ Напаіедлъ отстоялъ отъ Гулейна километрахъ въ двадцати. Такъ какъ 3-й часъ дня былъ въ началѣ, то мы разсчитывали, во всякомъ случаѣ, засвѣтло попасть въ этотъ городокъ. Но и эти скромные разсчеты оказались слишкомъ смѣлыми, вслѣдствіе совсѣмъ непролазнаго пути. Липкая, кашеобразная глина покрывала шоссе, и ѣзда по немъ, будучи очень затруднительной, требовала особой осторожности и медленности въ движеніи, такъ какъ попадались углубленія и камни; тѣ и другіе были покрыты грязью. Попытка ускорить ходъ кончилась для меня первымъ предостереженіемъ: разогнавъ велосипедъ, я наткнулся на камень, вслѣдствіе чего разломалась пружина у фонаря. Добрый стальной конь не измѣнилъ и остался невредимымъ. Мнѣ только стало яснымъ, что надо ѣхать со скоростью 5—6 верстъ въ часъ. На землю спускался густой туманъ; дождь сталъ падать крупными и рѣдкими каплями, скоро затѣмъ онъ прекратился, вытѣсненный туманомъ. Мѣстность была ровная, мѣстами попадались лѣса; живыя существа въ такую погоду перестали встрѣчаться на пути; видимо, всѣ запрятались подъ кровъ, только стая фазановъ, сидѣвшая на лужайкѣ, возлѣ дороги, стремительно бросилась въ лѣсъ, когда я безшумно подъѣхалъ къ нимъ на близкое разстояніе. Напаіедла все не было, а густой туманъ и сумерки дружно заволакивали землю темнотой и обращали всѣ предметы въ неопредѣленныя массы. На-

ступалъ типичный осенній вечеръ, темный, хоть глазъ выколи, тихій, теплый. Это было преддверіе тѣхъ осеннихъ вечеровъ, которыхъ городской житель не знаетъ и которыхъ побаивается деревенскій обитатель, послѣдній думаетъ, будто эти вечера несутъ скуку. Но онъ ошибается: скука не въ осеннемъ вечерѣ, а въ немъ самомъ. Послѣ безпокойнаго, кропотливаго лѣта, когда приходится работать, спѣша, чуть не ежеминутно поглядывая на часы, тихое осеннее время является вполнѣ законнымъ и благотворнымъ эквивалентомъ. Богатый свободнымъ временемъ, долгій осенній вечеръ, добрый огонь въ каминѣ, добрая книга, вызывающая добрыя мысли и идеи, относящія въ сферы, чистыя отъ будничныхъ интересовъ – это-ли не рай земной! Впрочемъ, надо себя нѣсколько дисциплинировать, чтобы войти въ этотъ рай, съ которымъ трудно потомъ разстаться. Да, хороши могутъ быть осенніе вечера, но только подъ кровлей. При путешествіи же на велосипедѣ они очень неудобны, сокращая время ѣзды. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ больше развивалась наша выносливость. Къ 5-ти часамъ дня мы ровно никакой усталости не чувствовали и всегда имѣли большую охоту продолжать путь; но наступавшая послѣ 5-ти часовъ темень прерывала наше странствіе. Въ описываемый день мы были захвачены ночью врасплохъ; мы никакъ не ожидали, что придется такъ долго ѣхать. На дворѣ стало такъ темно, что, только выѣхавъ въ городъ Напаіедлъ, мы замѣтили свѣтъ фонарей и повернули въ улицу, которая вела въ ту сторону, откуда раздавались желѣзнодорожные свистки. Выѣхавъ за городъ, мы очутились около какого-то большого зданія; это оказался желѣзнодорожный вокзалъ.

Переѣздъ изъ Гулейна до Напаіедла показалъ намъ, что по тому шоссе, по которому велъ насъ нашъ маршрутъ, продолжать путешествіе невозможно. Хотя до Лунденберга остовалось около 60-ти километровъ, но мы рѣшили немедленно ѣхать въ этотъ городъ по желѣзной дорогѣ съ тѣмъ, чтобы съ утра разыскать дорогу, которая вывела бы насъ на большое шоссе. Пришлось, такимъ образомъ, отказаться отъ маршрута, даннаго намъ въ Варшавѣ; намъ оставалось руководствоваться указаніями обывателей и отчасти картой; говорю: отчасти, ибо пріобрѣтенные листы карты генеральнаго штаба не захватывали полностью нашего новаго направленія и, кромѣ того, въ книжномъ магазинѣ мы не нашли всѣхъ намъ нужныхъ листовъ. Наши велосипеды и мы были такъ замазаны, что у насъ являлся вопросъ, пустятъ ли насъ въ вагонъ; но на это никто не обратилъ вниманія; намъ было отведено купэ 3-го класса и черезъ часъ съ небольшимъ мы высадились, около 9-ти часовъ вечера, въ Лунденбургѣ. Подправивъ кое-какъ свой искалѣченный фонарь, я зажегъ его, и мы, воспользовавшись указаніями желѣзнодорожнаго носильщика, поѣхали по городу отыскивать рекомендованную намъ гостинницу. Въ городѣ было темно; на улицѣ не встрѣтилось ни единой души, какъ будто городокъ вымеръ; но въ дѣйствительности обыватели въ этотъ часъ уже спали мертвымъ сномъ. Отыскавъ гостинницу, мы, по обыкновенію, попали въ холодную сырую комнату, что доставило намъ мало удовольствія, такъ какъ мы были наполовину мокры. Гостинничная прислуга обѣщала намъ высушить на кухнѣ нашу промокшую одежду, а мы, забравшись подъ громадныя перины, употребляемыя въ дополненіе

къ одѣяламъ, скоро спали крѣпкимъ сномъ, предавъ забвенію наше странствіе по грязи.

ПИСЬМО XI.

Было сѣрое, свѣжее утро, когда мы, ведя рядомъ съ собой велосипеды по улицамъ Лунденбурга, приставали къ каждому, попадавшемуся намъ, обывателю, съ просьбой указать, какъ выбраться на дорогу, ведущую на Никольсбургъ. И гостиничная прислуга, и многіе изъ встрѣчавшихся считали долгомъ пояснить, что черезъ 2 часа можно быть съ поѣздомъ въ Вѣнѣ. Мы это знали, но насъ интересовало взглянуть на окрестности Вѣны; да, кромѣ того, насъ обуялъ, вѣроятно, велосипедный бѣсъ: не хотѣлось оставлять ужъ ставшій привычнымъ намъ способъ передвиженія. Конечно, отправляясь въ поиски за Императорскою дорогой, Kaiserstrasse, мы всецѣло отдавались въ распоряженіе погоды и всякихъ случайностей; мы отрѣзывали себѣ возможность, въ случаѣ необходимости, прибѣгнуть къ желѣзной дорогѣ, ибо вновь избранный путь отдалялъ насъ отъ желѣзнодорожной линіи и вплоть до самой Вѣны, на разстояніи около 100 километровъ, лежалъ въ сторонѣ отъ желѣзнодорожной колеи. Такимъ образомъ, въ виду ненадежности погоды, насъ могли ожидать разныя путевыя неудобства, въ родѣ испытанныхъ, но, во-первыхъ, эти путевыя приключенія, въ сущности, невиннаго характера, затѣмъ у насъ оставалось «авось» и, наконецъ, мы соблазнялись дорогой, носившей громкое названіе Императорской; мы предполагали, что по этой дорогѣ никакая погода намъ не будетъ страшна.

Послѣ тщательныхъ разспросовъ и долгихъ поисковъ, мы очутились на маленькой дорожкѣ, которая, прорѣзывая равнину въ сѣверо-западномъ направленіи, должна была привесть насъ въ Никольсбургъ. Насъ нѣсколько смущало, что показанія встрѣчавшихся относительно направленія дороги были разнорѣчивы; да и рѣчь здѣшнихъ обитателей какъ будто отличалась отъ правильнаго нѣмецкаго языка и была менѣе понятна, чѣмъ раньше слышанная нами. Наконецъ, одобрительные кивки 2-хъ встрѣтившихся простолюдиновъ нѣсколько разъ повторившихъ: «gerode oos» (вмѣсто gerade aus), придали намъ рѣшимости и мы налегли на педали. Путь не былъ легкій, но, усыпанный пескомъ, онъ не былъ грязенъ. Разстояніе до Никольсбурга превышало 20 километровъ; встрѣчавшіеся пѣшеходы опредѣляли разстояніе временемъ и говорили, что намъ предстоитъ 4 или 5 часовъ ходьбы.

Продолжая нашъ путь, мы увидѣли по правую руку живописное озеро, на поверхности котораго плавало множество дикихъ утокъ разнообразнѣйшихъ породъ; за этимъ озеромъ, на горѣ виднѣлся городокъ, который мы, не ошибаясь, приняли за Никольсбургъ. Не доѣзжая до города, мы, черезъ 2 часа послѣ выѣзда изъ Лунденбурга, выѣхали на большую дорогу, обсаженную чудными, старыми каштановыми деревьями. Поднявшись по этой дорогѣ въ гору, мы въѣхали въ городъ. Оставивъ велосипеды въ первомъ встрѣчномъ ресторанѣ, мы пошли въ городъ отыскивать книжный магазинъ. Намъ хотѣлось имѣть недостающіе листы карты генеральнаго штаба, но такихъ —мы не нашли. Зато мы нашли маленькій календарь, въ которомъ, между прочимъ, были изложены правила ѣзды на велосипедѣ по городамъ.

Эти правила всегда необходимо знать велосипедисту, во избѣжаніе всякаго рода недоразумѣній и столкновеній съ полиціей. У насъ, въ Россіи, для права ѣзды на велосипедѣ по городу надо имѣть особое разрѣшеніе отъ мѣстной полиціи и номеръ, привѣшанный къ велосипеду. Вслѣдствіе этого, всякій путешествующій велосипедистъ, неимѣющій разрѣшенія отъ полиціи, поставленъ въ затрудненіе. Строго говоря, онъ лишенъ права ѣздить по городу безъ особаго разрѣшенія. Брать же ему разрѣшеніе во всякомъ городѣ, черезъ который лежитъ его путь, немыслимо. Да и вообще деревенскій обитатель не имѣетъ ровно никакой необходимости пользоваться требуемымъ разрѣшеніемъ полиціи и украшать свой велосипедъ номеромъ. Конечно, предъ путешествіемъ возможно запастись номеромъ и разрѣшеніемъ въ какомъ-нибудь ближайшемъ городѣ, но врядъ-ли это полезно, ибо остается нерѣшеннымъ вопросъ, годно ли свидѣтельство, выданное въ одномъ городѣ, для ѣзды повсюду. Вѣдь номера, полученные въ одномъ городѣ, могутъ совпасть съ номерами, выданными въ другомъ городѣ другимъ лицамъ и, въ такомъ случаѣ, могутъ появиться 2 ѣздока съ однимъ номеромъ, что легко вызываетъ подозрѣніе въ дѣйствительности одного изъ номеровъ, словомъ,— при отсутствіи у насъ точной регламентаціи, всегда остается, въ этомъ отношеніи, поле для недоразумѣній. За границей эта возможность недоразумѣній предусмотрѣна: правила дозволяютъ всякому чужестранному велосипедисту, безъ особаго разрѣшенія и безъ номера, ѣздить сколько ему угодно: конечно, онъ долженъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ: при темнотѣ зажигать фонарь, встрѣчаясь держаться лѣвой стороны и

т. п. Если же чужестранный велосипедистъ остается въ городѣ на жительство, то, во всякомъ случаѣ, онъ обязанъ запастись свидѣтельствомъ и номеромъ. Такимъ образомъ, мы проѣзжали чрезъ иностранные города на легальномъ основаніи. У насъ же, въ Россіи, мы, не имѣя номера и свидѣтельства, въ сущности, проѣзжали черезъ города на незаконномъ основаніи; но счастью неполнота правилъ восполняется тѣмъ, что на велосипедистовъ полиція обычно не обращаетъ вниманія.

Возвратившись въ ресторанъ, я написалъ по-французски телеграмму, извѣщая родныхъ, жившихъ въ окрестностяхъ Вѣны, о своемъ скоромъ пріѣздѣ и просилъ хозяина ресторана отправить эту телеграмму на станцію, онъ вызвалъ свою маленькую дочь, которая быстро исчезла съ телеграммой; самъ же хозяинъ и его жена вступили съ нами въ радушную бесѣду, причемъ послѣдняя съ нѣкоторымъ торжествомъ заявила, что хотя телеграмма и написана по французски, но ея дочь прочитать можетъ, ибо она, посѣщая обыкновенную школу, на сторонѣ еще беретъ уроки французскаго языка. Я не сразу понялъ, что побуждало добродушную мать освѣдомлять насъ объ изученіи ея дочерью иностраннаго языка; я потомъ узналъ, что въ нѣмецкой Австріи французскій языкъ въ большомъ почетѣ; австріецъ любитъ, чтобы думали, что онъ умѣетъ говорить по-французски; это льститъ его самолюбію. Вотъ почему нерѣдко случается, что австріецъ пускается во французскій разговоръ съ запасомъ всего нѣсколькихъ словъ и то плохо произносимыхъ.

Изъ Никольсбурга дорога круто поворачиваетъ на югъ и проходитъ черезъ мѣстность слегка

гористую. Спуски и подъемы здѣсь неособенно страшны для велосипедиста. Погода продолжала держать насъ въ страхѣ; часто налетали тучи, и дождь слегка вспрыскивалъ насъ, но на наше счастье всѣ тучи спѣшили къ долинѣ рѣки Моравы, которая какъ будто ихъ притягивала. По этой долинѣ лежалъ нашъ первоначальный маршрутъ; мы, кажется, во время отъ него отказались. За то Императорская дорога насъ сильно поддѣла: шоссе не было гладкое, на немъ валялись камни, мѣстами оно заросло травой, мѣстами набросанный неутрамбованный камень дѣлалъ путь непроѣзднымъ для велосипеда. Вообще шоссе было такъ плохо, что мы, проѣхавъ верстъ съ десятокъ, усомнились въ томъ, что мы находимся на знаменитой Императорской дорогѣ. Я ѣхалъ впереди и, замѣтивъ пѣшехода, догналъ его, всталъ съ велосипеда и обратился къ нему съ вопросомъ: «Bitte, sagen sie, ist das der Weg nach Wien?» — «Das ist nicht der Weg»; начался отвѣтъ. «Такъ и есть», подумалъ я съ досадой: «заблудились»... Но вопрошаемый мною продолжалъ; «Das ist die Strasse!» Я понялъ, что неинтересный для меня отвѣтъ получился отъ замѣстительства одного слова другимъ. Я быстро повторилъ тотъ же вопросъ, поставивъ вмѣсто Weg Strasse. Незнакомецъ добродушно кивнулъ головой и нѣсколько разъ повторилъ: «gerade aus», произнося по-австрійски на букву о.

Изъ Никольсбурга мы выѣхали послѣ 11-ти часовъ утра; до Вѣны оставалось болѣе 70-ти километровъ. Намъ необходимо было до вечера проѣхать это разстояніе, ибо на пути болѣе не имѣлось города, подходящаго для ночлега.

Вообще послѣ Никольсбурга мѣстность казалась пустынной, малообитаемой; эта часть нѣ-

мецкой Австріи совсѣмъ не походила на Моравію; часто попадающихся моравскихъ городовъ здѣсь не было; не было и постоянно встрѣчавшихся хуторовъ и поселковъ, весело пестрящихъ мѣстность. Сравнительно изрѣдка попадались деревни; большею же частью дорога, то опускаясь, то поднимаясь на возвышенія, пересѣкала голое поле и виноградныя плантаціи.

Послѣ переѣзда черезъ Карпаты, мнѣ бросилась въ глаза противоположность въ способахъ поселенія людей въ гористыхъ и въ степныхъ мѣстностяхъ. Въ первыхъ люди не селятся большими селами; они живутъ въ отдѣльныхъ хуторахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ дворовъ; иногда живутъ также одиноко, образуя, какъ я Вамъ писалъ, отдѣльные дворы-хозяйства. На равнинахъ, поселенія имѣютъ какъ разъ противоположный характеръ: одинокихъ поселенцевъ совсѣмъ нѣтъ, хуторовъ мало; очевидно, здѣсь люди предпочитаютъ селиться большими селами. Такое впечатлѣніе во мнѣ оставила картина видѣннаго на пути отъ Варшавы до Вѣны. О причинахъ этого разнообразія въ способахъ поселенія и объ экономическомъ значеніи того и другого способа позвольте сказать нѣсколько словъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

ПИСЬМО XII.

Еще въ Варшавѣ намъ совѣтовали не въѣзжать ночью въ города съ зажженными фонарями; говорили, что лучше въѣзжать незамѣтно «нишкомъ» и зажигать фонари, уже будучи въ центральныхъ частяхъ города. Такой совѣтъ давался

въ виду того, что фонарь привлекаетъ вниманіе толпы; въ нѣкоторыхъ же фабричныхъ мѣстахъ, въ особенности подъ праздники, толпа подгулявшихъ рабочихъ иной разъ «пошаливаетъ» надъ велосипедистами. До сихъ поръ мы придерживались этого совѣта, но въѣхать такъ въ Вѣну мы не рѣшались, послѣ того какъ познакомились съ правилами для велосипедистовъ, которыя требовали ночью имѣть фонарь зажженнымъ. Кромѣ того, намъ настойчиво совѣтовали въ большіе города ночью совсѣмъ не въѣзжать, ибо, говорили намъ, всякій большой городъ имѣетъ свои темные, опасные закоулки, куда легко заѣхать, не зная города. Вотъ почему, выѣхавъ изъ Никольсбурга, мы, насколько позволяла дорога, ускорили ходъ. Въ началѣ 4-хъ часовъ дня мы уже были въ окрестностяхъ Вѣны и, въѣхавъ въ маленькій городокъ «Floridsdorf», составляющій какъ бы предмѣстье Вѣны, ошибочно приняли его за самую Вѣну. Бывшая на улицѣ публика окружила насъ; появленіе русскихъ на велосипедахъ вызвало здѣсь удивленіе и какъ будто сочувствіе. Всѣ наперерывъ разъясняли, что намъ остается переѣхать черезъ мостъ на Дунаѣ, и тогда мы будемъ уже въ Вѣнѣ. Дѣйствительно, проѣхавъ съ версту, мы попали на большой прекрасный мостъ, пересѣкающій Дунай и предназначенный исключительно для экипажей и пѣшеходовъ; желѣзнодорожный мостъ оставался въ сторонѣ, слѣва. Въѣхавъ въ Вѣну, я обратился къ полицейскому съ просьбой указать, какъ выѣхать на улицу Praterstrasse къ гостинницѣ Continental. Здѣсь опять насъ окружила публика, и опять русскіе велосипедисты были въ диковину. Намъ дали достаточно опредѣленныя указанія: сначала надо было держаться рельсъ конки, и такимъ образомъ мы доѣзжали

до рукава Дуная, затѣмъ надъ рукавомъ мы доѣзжали до самаго Praterstrasse. Руководствуясь этими указаніями, мы безъ всякихъ затрудненій подъѣхали къ гостинницѣ, которую искали.

Гостиничная прислуга была послана за вещами на вокзалъ, и скоро мы, одѣтые обычнымъ порядкомъ, не по-велосипедному, находились въ мірѣ впечатлѣній, ничего общаго не имѣющихъ съ путевыми ощущеніями. Залъ изящной вѣнской оперы, переполненный публикой, насыщался чудными гармоническими звуками, вызванными совмѣстной игрой первоклассныхъ музыкантовъ, составляющихъ оркестръ. Вы знаете, я не изъ болѣзненно-чувствительныхъ къ музыкѣ, но долженъ сознаться, что вѣнская опера можетъ заставить себя слушать камни. Этому, главнымъ образомъ, содѣйствуетъ оркестръ, затѣмъ публика и въ меньшей степени—пѣвцы. Вы спросите: какимъ образомъ тутъ замѣшана публика? Охотно отвѣчаю: здѣшняя публика обратила оперу въ храмъ искусства и ведетъ себя такъ, какъ будто она дѣйствительно находится въ храмѣ. Во время игры среди публики такая тишина, что кажется, будто тысячная толпа затаила дыханіе. Да и по окончаніи представленія одобреніе публики не выражается дикимъ ревомъ, крикомъ, трескотней, отъ которыхъ и уши болятъ, и выбиваются полученныя музыкальныя впечатлѣнія. Краткій антракъ не даетъ времени выйти изъ міра звуковъ, оркестръ снова наполняетъ ими залъ, и вы совсѣмъ въ нихъ утопаете. «Mihi non pudet fateri nescire, quod nesciam». Поэтому не стыжусь сознаться предъ Вами, что я въ музыкѣ—дикарь: и описываю свои впечатлѣнія безъ претензіи на критику; я Вамъ даю сырой матеріалъ: непосредственныя впечатлѣнія непосвященнаго въ музыку. Слу-

шая оперу въ провинціальныхъ театрахъ, какъ у насъ, такъ и заграницей, я приходилъ къ заключенію, что оркестръ существуетъ для того, чтобы заглушать пѣвцовъ. Въ этомъ отношеніи онъ, благодаря трескучимъ инструментамъ, находящимся справа, почти всегда имѣетъ успѣхъ; да и рѣзкій звукъ струны скрипки, которую усердно нажимаетъ сильная рука музыканта, идетъ въ подмогу оркестру. Это торжество оркестра особенно досадно въ русскихъ провинціальныхъ операхъ, гдѣ много пѣвцовъ и пѣвицъ съ прекрасными природными голосами; но, увы, они должны свои пріятные голоса очень часто воспол-нять крикомъ въ неравносильной борьбѣ съ оркестромъ, а иногда и въ конкуренціи другъ съ другомъ; тутъ тоже иногда бываетъ нѣчто похожее на велосипедныя гонки. Въ вѣнской оперѣ въ этомъ отношеніи совсѣмъ иные порядки; оркестръ не только не вызываетъ актеровъ на борьбу, но помогаетъ имъ, восполняетъ ихъ голоса; повидимому, здѣсь между актерами и оркестромъ тѣсная дружба; иной разъ даже кажется, что, если пѣвецъ и совсѣмъ пѣть не будетъ, такъ какъ будто выйдетъ лучше: оркестръ замѣнитъ пѣвца. Между поющими спорта: кто кого заглушитъ, тоже не происходитъ. Голоса пѣвцовъ, поющихъ про сладкую любовь, выдаютъ нѣсколько ихъ возрастъ и обнаруживаютъ, что они въ такихъ лѣтахъ, когда пѣть соловьемъ про любовь конфузно. Впрочемъ, и ихъ вывозитъ оркестръ. Обыкновенно къ 10-ти часамъ опера оканчивается, и зритель оставляетъ этотъ рѣдкій храмъ искусства, очарованный неподражаемыми гармоническими звуками, все еще звучащими въ его ушахъ.

По переѣздѣ русской границы мы были лишены французскихъ и русскихъ газетъ, которыя

представляли въ это время особый интересъ, ибо какъ разъ настали знаменательные дни посѣщенія Державнымъ Вождемъ Русскаго народа дружественнаго намъ Французскаго народа. Ни въ Краковѣ, ни въ какомъ-либо другомъ изъ посѣщенныхъ городовъ до самой Вѣны мы не встрѣтили ни французской, ни русской газеты. Конечно, мы кое какъ разбирались въ нѣмецкихъ газетахъ, но ихъ сообщенія были кратки и сухи, какъ вообще бываютъ сообщенія, когда они касаются непріятнаго предмета. Повидимому, нѣмецкія газеты не имѣли желанія распространяться о происходившемъ во Франціи. Между тѣмъ, совершалось событіе первостепеннаго политическаго значенія; присутствіе Царя освящало сложившійся союзъ 2-хъ народовъ, который налагалъ мощное veto на воинственныя завоевательныя мечты другихъ союзовъ. Возстановлялось равновѣсіе, и въ Европѣ становилось легче дышать. Болѣзни, страху германскаго владычества и произвола поставленъ былъ оплотъ. Понятно, что всякая подробность, каждый штрихъ, касавшійся такихъ событій имѣлъ захватывающій интересъ; поэтому по пріѣздѣ въ Вѣну, я сразу съ жадностью накинулся на французскія газеты, которыя кстати не были скупы свѣдѣніями о подробностяхъ посѣщенія Франціи Царской Семьей.

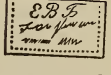
Пріѣзжая въ какой-нибудь большой городъ, мы никогда не извѣщали нашихъ собратьевъ—мѣстныхъ велосипедистовъ—о своемъ пріѣздѣ. Мы не спѣшили, слѣдовательно не нуждались въ ихъ немедленной помощи, которая очень необходима, когда, при выѣздѣ изъ большого города, требуется указаніе надлежащаго пути. Мы знали любезность нашихъ собратьевъ; мы знали, что могли случиться встрѣчи, знакомства, и мы

были бы лишены нашего привилегированнаго положенія – вольныхъ странниковъ. Но хотя о себѣ мы не давали никакого извѣстія, тѣмъ не менѣе уже на слѣдующее утро по нашемъ пріѣздѣ въ Вѣну, въ «N. Wiener Tageblatt» было напечатано извѣстіе о нашемъ пріѣздѣ; газетная замѣтка сообщала о нашемъ маршрутѣ, о томъ, что мы остановились въ гостинницѣ Continental и о томъ, что мы черезъ нѣсколько дней продолжаемъ нашъ путь черезъ Мюнхенъ и Парижъ въ Англію и т. д. Эта газетная замѣтка, доставившая намъ, какъ увидите дальше, пріятное знакомство, была дѣломъ рукъ одного юнаго велосипедиста. При гостинницѣ одинъ изъ служащихъ былъ страстнымъ велосипедистомъ, онъ, какъ оказалось, сообщилъ упомянутыя свѣдѣнія въ редакцію. Объ именахъ же нашихъ онъ узналъ по паспортамъ, которые, по переѣздѣ границы, потребовали единственный разъ только въ Вѣнѣ. Вслѣдъ затѣмъ нашъ неожиданный другъ учинилъ намъ пакость. Воспользовавшись тѣмъ, что мы оставили въ отдѣльной комнатѣ велосипеды незапертыми, онъ ночью отправился на одномъ изъ нихъ кататься по городу. Его шалость была замѣчена, и на утро бѣдняга былъ лишенъ мѣста, несмотря на мое заступничество. Не смѣйтесь, если я скажу, что исчезновеніе велосипеда моего компаньона Г—ва повергло насъ обоихъ въ серьезное безпокойство. Велосипедистъ — страшный ревнивецъ относительно своей машины, и онъ имѣетъ для этого основанія. Велосипедъ очень прочный инструментъ, но только въ опытныхъ рукахъ. Неопытный же ѣздокъ легко можетъ испортить машину. Если же при этомъ онъ скроетъ сдѣланную порчу, кое-какъ ее подправивъ, то, въ такомъ случаѣ, онъ готовитъ путешествен-

нику серьезныя непріятности, какъ напр., паденіе на быстромъ ходу, искалѣченіе и т. п. Вообще для странствующаго велосипедиста ничто такъ не тревожно, какъ неувѣренность въ своей машинѣ. Этимъ и объясняется его ревнивое и бережливое отношеніе къ стальному коню.

Замѣтка въ «Wiener Tageblatt» о нашемъ пріѣздѣ оказалась намъ очень полезной; благодаря ей насъ посѣтилъ поселившійся въ Вѣнѣ бывшій москвичъ С. Ф. Рисъ и вѣнскій представитель Allg. Radfahr. Union г. Бетельгеймъ.

ПИСЬМО XIII.



С. Ѳ. Рисъ, подобно большинству молодыхъ людей, живущихъ за границей, былъ хорошимъ велосипеднымъ ѣздокомъ. Прочитавъ въ газетахъ о нашемъ пріѣздѣ въ Вѣну, онъ сѣлъ на велосипедъ и пріѣхалъ въ избранную нами гостинницу, съ цѣлью, какъ потомъ выяснилось, познакомиться съ нами и предложить намъ свои услуги при осмотрѣ Вѣны. Не заставъ насъ дома, онъ оставилъ записочку съ указаніемъ своего адреса и съ просьбой назначить время, когда мы будемъ дома. На другой день въ назначенный часъ онъ посѣтилъ насъ вторично. С. Ѳ. Рисъ съ юныхъ лѣтъ покинулъ Москву, но по-русски говоритъ хорошо; въ Вѣнѣ онъ занимается спеціально химіей съ практическими цѣлями. Его сестра, Т. Ѳ. Рисъ—извѣстный скульпторъ—также постоянно живетъ въ Вѣнѣ; она, кажется, единственная женщина, допущенная въ вѣнскую академію художествъ. Если не ошибаюсь, ея имя я встрѣчалъ въ русской прессѣ, какъ имя талантливаго скульптора. Къ сожалѣнію, за краткимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, я не могъ воспользоваться ея любезнымъ разрѣ-

шеніемъ побывать у нея въ студіи, гдѣ она ежедневно работаетъ болѣе десяти часовъ. Но приглашенный на «стаканъ русскаго чаю» С. Ѳ. Рисомъ, я, находясь у него, былъ представленъ его сестрѣ, и мнѣ посчастливилось видѣть нѣсколько ея работъ. Это не были лучшія произведенія талантливаго скульптора, хотя и на нихъ лежалъ отпечатокъ мощнаго дарованія. Имѣвшіяся фотографіи лучшихъ произведеній, давали понятіе о высокихъ художественныхъ качествахъ оригиналовъ. Мнѣ кажется, что статуя вѣдьмы должна производить особенно сильное впечатлѣніе. Авторъ изображаетъ эту близкую родственницу чорта очаровательной женщиной, при чемъ только въ глазахъ вѣдьмы удержаны характерныя сатанинскія черты. Представительницы прекраснаго пола не могутъ быть въ претензіи на скульптора: онъ не забылъ традиціонной метлы при вѣдьмѣ и тѣмъ предупредилъ всякое qui pro quo; каждому очевидно, что изображена вѣдьма посредствомъ очаровательной женщины, а не наоборотъ. Г-жа Рисъ—молодая дѣвушка, которой навѣрно предстоитъ блестящій успѣхъ на поприщѣ искусства.

Въ Вѣнѣ есть нѣсколько представителей «Allg. Radf. Union», несущихъ обязанности консуловъ этого общества; я Вамъ уже писалъ, что на ихъ обязанности лежитъ главнымъ образомъ протежированіе странствующимъ велосипедистамъ, принадлежащимъ къ Union. Одинъ изъ Вѣнскихъ «велосипедныхъ консуловъ», г. Бетельгеймъ любезно посѣтилъ насъ, съ цѣлью узнать, не можетъ ли онъ быть намъ полезнымъ. Такая предупредительность со стороны безвозмезднаго агента частнаго союза по отношенію къ чужестранцу была особенно трогательной и симпатичной. На подобную, вѣдь, предупредительность чужестранецъ не въ

правѣ разсчитывать и въ настоящихъ консульствахъ, гдѣ не всегда встрѣчается столько радушія къ соотечественнику; чувствуется иногда чиновничій душокъ и въ воздухѣ носится: «надоѣли вы, милые соотечественники, идите себѣ съ Богомъ, куда угодно, только не къ намъ!»

Послѣ совѣщанія съ г. Бетельгеймомъ, мы рѣшили, при дальнѣйшей поѣздкѣ въ Швейцарію, держать путь на Мюнхенъ. Есть, правда, еще другая дорога, болѣе живописная, черезъ Инспрукъ, но она по своей гористости менѣе удобна для велосипедиста. По выѣздѣ изъ Вѣны мнѣ предстояло прежде всего отыскать одинъ старый замокъ, находившійся въ 80 километрахъ отъ Вѣны. Называется онъ «Meidling». Тамъ жила моя сестра. Мои письма и телеграммы къ ней не доходили, благодаря тому, что въ окрестностяхъ Вѣны есть извѣстное дачное мѣсто того же наименованія. Хотя къ названію розыскиваемаго мною Meidling'а и прибавлялось «im Thal», но это не мѣшало идти телеграммамъ и письмамъ въ Meidling безъ этой прибавки.

Вообще интересовавшій меня замокъ представляетъ изъ себя мѣстечко никому невѣдомое. Въ Вѣнѣ послѣ тщательныхъ розысковъ по книжнымъ магазинамъ, намъ удалось достать прекрасныя географическія карты, спеціально предназначенныя для велосипедистовъ (Tourenkarten für Radfahrer). Въ нихъ подробно обозначены всѣ шоссейныя дороги съ подраздѣленіемъ ихъ на 2 класса. Обозначены также проселочныя дороги и тропинки. При этомъ показаны имѣющіеся на пути подъемы или спуски съ обозначеніемъ степени ихъ крутизны или пологости. Отмѣчены также всѣ города, мѣстечки, деревни, замки, монастыри, пивныя, одинокіе дома, охотничьи пристанища (Jäger-

haus), лѣса, рѣки, переправы, желѣзныя дороги и т. д. Но и на этой, драгоцѣнной для велосипедиста, картѣ не имѣлось отыскиваемаго Meidling'a. Въ Вѣнѣ мнѣ говорили, что интересующаго меня замка, вѣроятно, и на свѣтѣ не имѣется, но въ этомъ убѣдить меня не могли. Я зналъ изъ частныхъ писемъ, что, пріѣхавъ изъ Вѣны въ городъ St. Pölten, надо было повернуть къ городу Krems, стоящему на Дунаѣ, и что между послѣдними 2-мя городами гдѣ-то находился Meidling. Этихъ указаній было достаточно, ибо остальное всегда можно восполнить разспросами мѣстныхъ обывателей.

Нашъ «велосипедный консулъ» изъявилъ согласіе проводить насъ изъ Вѣны на дорогу, ведущую въ St. Pölten. Несмотря на наше краткое пребываніе въ Вѣнѣ, онъ посѣтилъ насъ нѣсколько разъ, и во время одного изъ этихъ посѣщеній оградилъ насъ отъ попытки одного велосипеднаго магазина «содрать» съ неопытныхъ чужестранцевъ.

Пріѣхавъ въ Вѣну, мы отдали наши велосипеды въ довольно большой велосипедный магазинъ съ тѣмъ, чтобы ихъ почистили и придѣлали тормаза. Послѣдніе могли пригодиться въ виду ожидавшаго насъ пути черезъ горы. Намъ сразу не объявили цѣны за предложенную работу и сказали, что пришлютъ счетъ и велосипеды въ гостинницу. Случилось, что этотъ счетъ я какъ разъ получилъ при г. Бетельгеймѣ. Выведенная магазиномъ цыфра показалась мнѣ нѣсколько преувеличенной и, чтобы провѣрить себя, я показалъ ее Бетельгейму. Послѣдній, просмотрѣвъ счетъ, сейчасъ же пошелъ къ телефону и вступилъ въ разговоръ съ хозяиномъ велосипеднаго магазина. О чемъ у нихъ была рѣчь, я не узналъ; знаю только, что послѣ этого разговора пришлось заплатить по счету процентовъ на двадцать меньше противъ

первоначальнаго требованія. Такая быстрая уступка сама по себѣ указывала на желаніе магазина испытать, не удастся ли воспользоваться неопытностью иностранца. И эта некрасивая игра на неопытность въ сущности не могла расчитывать на большой выигрышъ; сумма меньшая 10 гульденовъ была бы всѣмъ ея барышомъ. Эта попытка указала только на практикующійся въ Вѣнѣ очень многими магазинами и вообще торговыми учрежденіями пріемъ введенія въ число средствъ успѣшной торговли систематическаго обмана публики. Повидимому, многіе изъ торговцевъ здѣсь вѣруютъ въ благодѣтельность двухъ руководящихъ правилъ въ торговыхъ дѣлахъ: не запросишь — не продашь, не обманешь — не заработаешь. Мнѣ случилось въ этомъ отношеніи сдѣлать опытъ съ денежными мѣняльными лавками: я заходилъ въ одну лавку и затѣмъ въ сосѣднюю; въ одной, носившей репутацію честной, производили правильный разсчетъ, по существующему курсу дня, въ другой не стѣснялись обсчитать въ предѣлахъ отъ 10 крейцеровъ до 1 гульдена при размѣнѣ 100 рублей. Кромѣ магазиновъ съ указаннымъ направленіемъ имѣются въ Вѣнѣ магазины и лавки съ установившеюся честной репутаціей; въ нихъ игра на обманъ не практикуется, и иностранецъ не попадаетъ въ обидное положеніе овцы, которую, хоть немножко, да надо постричь. Подобной охоты на покупателя я нигдѣ не встрѣтилъ въ другихъ городахъ. Только нѣчто подобное иногда попадается въ большихъ городахъ Швейцаріи; тамъ охота направляется исключительно на иностранца, при чемъ его ловятъ, такъ сказать, съ одной стороны: назначаютъ для него особую цѣну, высшую противъ обычной. Качество же товара остается хорошимъ.

Въ Вѣнѣ же и съ этой стороны грозитъ опасность: можно, напр., легко купить обувь, которая окажется съ бумажными подошвами или какой-нибудь красиво сшитый костюмъ, который разлѣзается, какъ только надѣнутъ, и т. п. При этомъ вѣнскіе торговцы не проявляютъ особеннаго патріотизма: если смогутъ, они надуваютъ такъ же усердно и своего, какъ чужестранца. Вѣна по справедливости считается однимъ изъ красивѣйшихъ и пріятнѣйшихъ городовъ. Но этотъ, введенный въ обиходъ жизни, мелкій обманъ раздражительно дѣйствуетъ на нервы; конечно, не потеря нѣсколькихъ гульденовъ вызываетъ раздраженіе путешественника, а то непріятное положеніе, при которомъ человѣкъ становится объектомъ для продѣлки надъ нимъ разныхъ надувательныхъ манипуляцій. Въ этомъ отношеніи Вѣна нисколько не походитъ ни на Парижъ, ни на Лондонъ. Въ послѣднихъ городахъ на каждомъ шагу вы встрѣчаетесь съ случаями проявленія высокой добросовѣстности.

Мы пріѣхали въ Вѣну по нашему стилю 1 октября вечеромъ; 5 октября утромъ мы назначили нашъ выѣздъ. Въ 8 часовъ утра къ намъ въ гостинницу пріѣли на велосипедахъ консулъ Бетельгеймъ и С. Ѳ. Рисъ. Первый имѣлъ время проводить насъ черезъ Вѣну; г-нъ Рисъ, пожелалъ съ нами ѣхать, на сколько хватитъ у него силъ, и расчитывалъ вмѣстѣ съ нами доѣхать до Мейдлинга.

ПИСЬМО XIV.

Изъ Вѣны мы тронулись въ путь вчетверомъ. «Лидировалъ», т. е. велъ насъ нашъ «консулъ», мы слѣдовали за нимъ. Около часу ѣхали мы по городу то по большимъ улицамъ, то по узкимъ маленькимъ переулкамъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ задержалъ полицейскій, замѣтивъ, что на велосипедѣ Г—ва и моемъ не было номера. «Консулъ» объяснилъ, что мы чужестранцы, и наше безшумное шествіе на велосипедахъ возобновилось. Наконецъ, показался извѣстный всякому, бывавшему въ Вѣнѣ, знаменитый паркъ Шенбрунъ; нашъ лидеръ пояснилъ намъ, что необходимо встать съ велосипедовъ, ибо, по существующимъ правиламъ, недоѣзжая Шенбруна, есть мѣсто, по которому ѣзда на велосипедахъ воспрещена. Это обстоятельство еще разъ показало намъ, какъ важенъ въ большихъ городахъ проводникъ для велосипеднаго странника. Мы выѣхали изъ города; начались дачныя мѣста, въ сущности, составляющія продолженіе города. Г. Бетельгеймъ распрощался съ нами, и мы продолжали путь втроемъ, ибо, какъ я Вамъ писалъ, С. Ѳ. Рисъ рѣшилъ провожать насъ до самаго Мейдлинга. Путешествіе черезъ это дачное мѣсто не было удачнымъ; болѣе пяти километровъ пришлось идти по тротуарамъ пѣшкомъ, ибо дорога была покрыта грязью; по тротуарамъ-же ѣзда нашему брату, конечно, строжайше воспрещена. Послѣ долгой ходьбы мы выбрались на свободу: дачныя мѣста остались позади насъ. Погода смилостивилась; былъ чудный, теплый, солнечный день. Дорога оказалась очень гладкой и пролегала по живописной мѣстности; мы вспрыгнули на велосипеды и были

очень рады очутиться опять въ обстановкѣ велосипедныхъ странниковъ, ставшей для насъ уже привычной. Вообще, за переѣздъ изъ Варшавы въ Вѣну, мы развили выносливость въ большей мѣрѣ, чѣмъ ожидали; мы могли свободно ѣхать 5—6 часовъ на велосипедѣ безъ перерыва и не чувствовать усталости; только при крутыхъ подъемахъ замѣчалась необходимость встать съ велосипеда и пройтись пѣшкомъ. Отправляясь въ предположенное мною, достаточно длинное путешествіе, я нѣсколько опасался за свой ревматизмъ. Я думалъ, что условія нашего путешествія (при которыхъ приходится переносить рѣзкіе переходы изъ жары въ холодъ, попадать подъ дождь, спать въ сырыхъ комнатахъ съ температурой въ 5—6° тепла и т. п.) будутъ благопріятствовать развитію болѣзни, которая могла бы тормазить путешествіе. Къ моему полному удовольствію, эти ожиданія не сбылись, и случилось нѣчто, совсѣмъ обратное: уже подъѣзжая къ Вѣнѣ, я чувствовалъ себя совсѣмъ освобожденнымъ отъ ревматизма. Это былъ неожиданный сюрпризъ, ибо названная, въ сущности, пустая, но непріятная болѣзнь, въ теченіе почти года постоянно напоминала о себѣ и не изгонялась окончательно латинской кухней. Повидимому, продолжительный и постоянный моціонъ на чистомъ воздухѣ является болѣе соотвѣтствующимъ средствомъ.

Путь нашъ сначала лежалъ рядомъ съ линіей желѣзной дороги; по ней безпрерывно мчались короткіе, бойкіе пассажирскіе поѣзда, смѣняемые длинными товарными, которые, пыхтя и шипя, съ трудомъ тащили огромные паровозы. Мы настолько были увѣрены въ своей выносливости, что не особенно берегли силы и сразу пустились въ перегонку съ поѣздами; намъ помогала час-

тая остановка поѣздовъ у станцій и, вѣроятно, мы не скоро прекратили бы эту забаву, еслибы нашъ путь не уклонился въ сторону отъ линіи желѣзной дороги.

Мѣстность здѣсь изрѣзана множествомъ шоссейныхъ дорогъ, среди которыхъ возможно разобраться, лишь благодаря упомянутымъ уже «Tourenkarten für Radfahrer»; безъ нихъ пришлось бы больше разспрашивать о пути, чѣмъ ѣхать. Въ одномъ мѣстѣ мы проѣхались въ сторону, но своевременно исправили ошибку, благодаря тому, что вступили въ разговоръ съ земледѣльцемъ, пахавшимъ землю; изъ разговора выяснилось, что мы потеряли нашу дорогу, при крутомъ ея поворотѣ, и очутились на другой, которая отводила насъ отъ нашего направленія. Пахота земли производилась здѣсь не такъ, какъ у насъ, на югѣ Россіи. Во-первыхъ, въ плугъ были запряжены не волы, а коровы. Упряжь тоже здѣсь особенная: скотъ тянетъ плугъ лбомъ, а не шеей; плугъ маленькій и въ него запряжена всего пара коровъ съ желѣзными сѣтками на мордахъ; это сдѣлано для того, чтобы они на ходу не срывали травы и тѣмъ не задерживали своего шага во время работы. Животныя, повидимому, были хорошо дрессированы, ибо земледѣлецъ пахалъ одинъ безъ помощника. Воздѣлываемая земля не имѣла ни малѣйшаго признака сходства съ нашей; вмѣсто нашего глубокаго, неистощимаго чернозема, здѣсь была какая-то жалкая темножелтая глина, въ которую нашъ южный земледѣлецъ пожалѣлъ бы бросить даже горсть хлѣба: до того, по виду, эта земля внушаетъ мало довѣрія къ своей производительности.

При самомъ въѣздѣ въ St.-Pölten наша дорога поворачивала круто направо, и городъ оставался

на лѣвой сторонѣ. С. Ѳ. Рисъ имѣлъ въ городѣ дѣло, и просилъ насъ подождать на площади; онъ обѣщалъ возвратиться черезъ $^1/_2$ часа. Такимъ образомъ, мы остались на маленькой городской площади, на которую выходили нѣсколько улицъ. Солнце склонялось къ западу, было около 4 часовъ дня, и, повидимому, долженъ былъ настать одинъ изъ рѣдко-хорошихъ, осеннихъ вечеровъ. На площади, съѣзжаясь съ разныхъ улицъ стали собираться компаніи велосипедистовъ и велосипедистокъ. Эта площадь, вѣроятно, была условленнымъ мѣстомъ для компаній велосипедистовъ, отправляющихся совмѣстно въ недалекія поѣздки. Такъ, предъ нашими глазами составилось нѣсколько группъ отъ 6 до 10 ѣздоковъ, которые вслѣдъ затѣмъ быстро исчезли, отправляясь въ разныя стороны. Но прошло уже нѣсколько разъ $^1/_2$ часа, а С. Ѳ. Рисъ не возвращался. Продолжать долгое время наше ожиданіе было невозможно: нашъ путь отъ St.-Pölten велъ насъ въ глухія мѣста, намъ надо было разспросить мѣстныхъ жителей о Мейдлингѣ, котораго никто не зналъ, а все это можно было продѣлать днемъ, ибо, какъ только наступитъ темень, на дорогахъ путники не встрѣчаются; патріархальные обыватели, повидимому, ложатся спать съ заходомъ солнца. Мы рѣшили ждать нашего исчезнувшаго товарища еще полчаса и затѣмъ продолжать путь, если-бы онъ и не прибылъ; отыскивать его было бы безполезно, ибо мы не имѣли никакого представленія, въ какую часть города онъ поѣхалъ. Наконецъ, назначенные полчаса прошли, мы сѣли на велосипеды, какъ вдругъ къ намъ подкатилъ С. Ѳ. Рисъ совсѣмъ не съ той стороны, съ какой мы его поджидали.

Оказывается, что онъ былъ въ большомъ затрудненіи: онъ заблудился въ городѣ и, не зная

названія площади, на которой назначено было наше свиданіе, не могъ обратиться съ разспросомъ къ публикѣ; онъ леталъ въ разныхъ направленіяхъ по разнымъ улицамъ, и ему никакъ не удавалось попасть на тотъ пунктъ, гдѣ мы его ожидали; онъ уже отчаявался во встрѣчѣ съ нами и совершенно случайно наткнулся на насъ, отыскивая улицу, по которой онъ поѣхалъ, разставшись съ нами. Мы потеряли болѣе $1^1/_2$ часа времени на это недоразумѣніе и, по этому, намъ надо было спѣшить.

Разспросы о Мейдлингѣ, по выѣздѣ изъ St.-Pölten, не давали ничего утѣшительнаго: люди или отзывались незнаніемъ, или указывали дорогу на Вѣну, имѣя, очевидно, въ виду дачное мѣсто подъ Вѣною. Уже солнце начинало касаться земли, бросивъ очень эффектно и красиво свои косые лучи на живописную мѣстность, по которой мы ѣхали, а Мейдлинга все не было. За то одинъ встрѣчный далъ намъ благопріятный отвѣтъ, сказавъ обычное «gerade aus», и, пояснивъ, что осталось 2 часа ходьбы. Я ускорилъ ходъ, оторвался отъ своихъ товарищей и оставилъ ихъ позади себя на нѣсколько километровъ; я хотѣлъ разспросить подробно встрѣчныхъ, какъ пробраться въ Мейдлингъ, разсчитывая, что, пока я буду объясняться, меня догонятъ. Опускаясь въ долину у опушки лѣса надъ ручьемъ, я замѣтилъ даму; настали ужъ сумерки, и нельзя было отчетливо ее разсмотрѣть. Я рѣшилъ обратиться къ этому единственному встрѣчному и, подъѣхавъ къ нему, готовился произнести обычную фразу: «Bitte, sagen Sie..», но эта дама оказалась моей сестрой, которая возвращалась въ Мейдлингъ послѣ вечерней прогулки. Минутъ черезъ десять послѣ нашей встрѣчи къ намъ присоединились и ѣхавшіе сзади

мои товарищи. Сестра повела насъ по живописнѣйшей тропинкѣ черезъ горы, и черезъ четверть часа мы очутились въ чудномъ уголкѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ значительными горами. Еще черезъ нѣсколько минутъ мы перешли черезъ почернѣвшій отъ старости мостъ, переброшенный черезъ столь же старый, наполненный водою, ровъ, который окружалъ замокъ и затѣмъ мы вошли внутрь дома носившаго названіе «Замокъ Мейдлингъ».

ПИСЬМО XV.

«Meidling» — замѣчательный уголокъ; замѣчателенъ онъ, прежде всего, тѣмъ, что онъ забытъ всѣми, и никто ничего про него не знаетъ. Этимъ только и объясняется то обстоятельство, что это чудное, живописное мѣсто, окруженное горами, лѣсомъ и находящееся въ 5 часахъ ѣзды, по желѣзной дорогѣ, отъ Вѣны, никѣмъ необитаемо. Пустынно стоитъ старинный домъ въ 2 этажа, называемый здѣсь замкомъ, съ большимъ числомъ комнатъ, балконовъ, и никого въ немъ нѣтъ. На всемъ отпечатокъ далекой старины; видимо, стѣны этого замка пережили не мало поколѣній и были свидѣтелями разныхъ событій, а теперь среди нихъ сохранился только глухой резонансъ, такъ что вы сами не узнаете собственнаго голоса. Къ этому старому зданію очень подходитъ окружающій его широкій ровъ, наполненный водою; онъ вымощенъ прекраснымъ камнемъ, время не могло его разрушить, оно только окрасило камни чернымъ цвѣтомъ. По этому рву, наполненному прозрачной, чистой водой, теперь не плаваетъ изящныхъ лодокъ; зато цѣлый день здѣсь весело купаются домашнія утки. Замокъ и

окружающая его земля принадлежатъ католическому монастырю, который ведетъ небольшое хозяйство и содержитъ здѣсь нѣсколько молочныхъ коровъ. Пристройки замка служатъ для нихъ помѣщеніемъ; равно здѣсь же живутъ работники монастырскаго хозяйства. Старшій изъ нихъ всегда немного пьянъ и по ночамъ обычно гуляетъ возлѣ стѣнъ, окружающихъ дворъ замка. Вмѣсто него работаетъ его жена; самъ же онъ на работу негоденъ.—Онъ очень торжественно при встрѣчахъ раскланивался съ моей сестрой и охотно вступалъ въ безконечный разговоръ, начиная чуть ли ни каждое слово съ обращенія: «gnädige Frau Gräfin!» Конца разговора никогда не удавалось дождаться. Меня поразило, что здѣсь не только зданія, но и люди сохранили отпечатокъ старины. Въ фигурѣ всякаго простолюдина вы не встрѣчаете здѣсь чертъ человѣка, вступающаго въ 20-е столѣтіе, вы не видите спѣшности, нервности, напряженія энергіи, вызванныхъ къ жизни осложнившеюся экономической борьбой; все здѣсь идетъ потихонько да помаленько, растетъ спокойно, какъ тѣ чудныя деревья, которыя окружаютъ Мейдлингъ. Только спугнутая, во время прогулокъ по лѣсу, дикая коза стремительностью своихъ движеній нарушаетъ общую картину успокоенія. Говорятъ, что люди здѣсь живутъ еще представленіями 2-й половины прошлаго столѣтія, и это отчасти сказывается въ слѣдующей нелѣпости: титулъ, званіе производитъ здѣсь до сихъ поръ сильное впечатлѣніе. Слова: графъ, князь и т. п., въ особенности, если лицо съ этимъ званіемъ пріѣзжаетъ въ вагонѣ 1-го класса, производятъ на населеніе такое очарованіе, какъ блестящая погремушка на новорожденнаго. Нетрудно разобраться въ этой странной психологіи

обитателя посѣщенной нами мѣстности; заброшенный въ забытый уголъ, онъ живетъ въ атмосферѣ, которая не фильтруется новыми теченіями, его почитаніе къ аристократическому титулу имѣетъ корни въ его прошломъ: въ его душѣ отражаются преданія старины, когда титулованный его билъ, грабилъ, а иногда и убивалъ, ибо онъ обладалъ могуществомъ магната. Лицо съ такимъ направленіемъ дѣятельности всегда вызывало внѣшніе знаки почета. Теперь, конечно, дѣла добраго, стараго времени исчезли навсегда, но внѣшній признакъ былыхъ отношеній сохранился въ удивленіи и внѣшнемъ почитаніи къ титулу. Такова несложная психологія, объясняющая трепетное состояніе простолюдина предъ титуломъ. Но почему здѣсь нѣкоторые носители титуловъ сами трепещутъ, при мысли о своемъ званіи или состояніи, въ этомъ не такъ легко разобраться; но попытаемся.

Извѣстно, что западно-европейская аристократія на континентѣ, исключая нѣсколькихъ мѣстъ, несетъ на себѣ одинъ тяжкій историческій грѣхъ.

Въ то время, какъ англійская аристократія, опираясь на народъ, обновляясь имъ, представляла оппозицію королевской власти, покушавшейся на народныя вольности, аристократія на континентѣ примкнула къ центральной власти, пытаясь, при ея помощи, создать себѣ привилегированное положеніе, положеніе внѣ закона, которое открывало бы ей всегда возможность эксплуатировать народъ. Различная историческая роль аристократіи въ Англіи и на континентѣ создала и различное ихъ положеніе. Въ Англіи аристократія была и остается силой, то сдерживающей народныя увлеченія, то дѣйствительно руководящей народомъ. Въ Австріи же она стала прислужни-

цей центральной власти. Но времена перемѣнились, перемѣнился политическій строй и между аристократіей нашлись дѣйствительно благородные представители, которые поняли, что прошлое кануло въ вѣчность, что измѣнившійся строй не терпитъ дѣленія людей на породы, на людей черной и бѣлой кости. Они увидѣли, что наши дни требуютъ общей, дружной, безъ различія состояній, работы для достиженія возможно широкихъ общихъ цѣлей и задачъ. Понявъ это, они, не кичась мишурой титула, пошли на эту общую работу, неизбѣжную для всѣхъ людей, и украсили свои имена собственными силами добытымъ титуломъ добрыхъ общественныхъ работниковъ. Но не таковы всѣ потомки старыхъ родовъ; есть между ними также представители, которые всего этого не уразумѣли, и вотъ имъ осталось тѣшиться тѣмъ, что они производятъ указанный шумъ погремушки въ глухихъ мѣстахъ, да въ гостинницахъ, гдѣ всегда надѣются получить съ нихъ «благородно» на чай. Они держатся въ сторонѣ, серьезнаго ничего не дѣлаютъ, но зато вѣчно брюзжатъ. Во всемъ сохраняютъ высокій тонъ и подвергаютъ анаѳемѣ нарушителя этого тона; а въ этотъ грѣхъ впасть не трудно, достаточно для этого подружиться съ человѣкомъ не ихъ круга, хотя бы онъ былъ геній, поѣхать въ вагонѣ не 1-го класса и т. д.

Эти господа держатся только своего общества, помѣшаннаго на этикетѣ, принимающемъ иной разъ идіотскую физіономію. Говорятъ обыкновенно высоковѣжливо и обычно награждаютъ собесѣдника любезными пошлостями. Они, повидимому, высокаго мнѣнія о тонкости своихъ душевныхъ качествъ. Надо отдать имъ справедливость: ихъ природѣ глубоко противенъ всякій морально-

дурной поступокъ; они на него неспособны не только потому, что это имъ не комфортабельно, но и по принципу. Если бы все населеніе страны дѣлить по группамъ, соотвѣтственно роду дѣятельности и духовному направленію, то для сейчасъ упомянутой части западно-европейской аристократіи пришлось бы отмѣтить особую графу съ оглавленіемъ: *«благовоспитанные трупы»*.

Не думайте, пожалуйста, что я хочу бросить въ кого-нибудь слово осужденія. Я только передаю свои впечатлѣнія, частью вынесенныя изъ видѣннаго, изъ слышаннаго, изъ случайно поразившаго вниманіе словца во время разговора съ какимъ-нибудь незнакомцемъ и т. д.; словомъ, это неуловимыя для меня самого впечатлѣнія; тѣмъ не менѣе, надѣюсь, они отражаютъ въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительность. Конечно, насъ, русскихъ, такія впечатлѣнія должны были болѣе рѣзко поразить. Намъ несвойственно міровоззрѣніе, основанное на кичливости, на превознесеніи самихъ себя; у насъ христіанское значеніе слова: «братъ» менѣе искалѣчено теоріями о тонкости обращенія, объ изяществѣ манеръ и тому подобнымъ вздоромъ, плохо прикрывающимъ дѣйствительные инстинкты, породившіе эти теоріи. Конечно, и у насъ есть жертвы спеси: но, во 1-хъ, въ число этихъ жертвъ занесены большей частью выскочки; лучшіе родовитые люди не попадаютъ въ столь недостойное ихъ положеніе, и, кромѣ того, спесь эта у насъ выражается какъ-то забавно, по-шутовски; напр., въ способѣ отвѣчать на привѣтствіе особымъ кивкомъ головы, подачей нѣсколькихъ пальцевъ, вмѣсто цѣлой руки, и тому подобнымъ комедіантствомъ. Но въ общемъ русскій человѣкъ питаетъ отвращеніе къ этому шутовству; для него всякій, прежде всего, человѣкъ

и братъ. Помните рѣчь Достоевскаго, при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, которую я Вамъ давно читалъ вслухъ: помните, какъ онъ хорошо опредѣляетъ эту сторону русскаго духа, говоря: «стать настоящимъ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*» ...

Въ свѣтлую лунную ночь Г—въ и я, руководимые моей сострой, отправились гулять въ горы, окружавшія Мейдлингъ. Сестра съ ловкостью и знаніемъ мѣстности, свойственными настоящему проводнику, провела насъ черезъ чащу лѣса на вершину горы, откуда растилался видъ далеко на окрестности; здѣсь же на полянѣ стояла маленькая часовня, именуемая «Maria Elend» (скорбящая Богоматерь). Чудно и торжественно здѣсь было. Внутри часовни теплилась лампада, у подножія распятія Христа набожная рука положила нѣсколько букетовъ цвѣтовъ. Все здѣсь говорило о братствѣ, о любви, о мирѣ всего міра. Душа наполнялась впечатлѣніями, далеко уносящими отъ той «суеты суетъ», которая составляла содержаніе этого моего затянувшагося письма.

ПИСЬМО XVI.

Какъ я Вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ, мое велосипедное странствіе завело меня въ заброшенную непосѣщаемую мѣстность, среди которой находился замокъ Мейдлингъ. Здѣсь я провелъ нѣсколько дней. Если бы не длинный путь, остававшійся еще впереди, мы бы такъ скоро не разстались съ этимъ очаровательнымъ и симпатичнымъ уголкомъ. Симпатиченъ этотъ уголокъ, прежде всего, благодаря своему населенію: оно доброе, благонравное, набожное и необыкновен-

ной честности. Говорятъ, что здѣсь брошенный на улицу кошелекъ съ деньгами останется неприкосновеннымъ и будетъ возвращенъ его владѣльцу. Въ этомъ отношеніи насъ, велосипедныхъ странниковъ, не могъ не поразить контрастъ между тѣмъ, что мы видѣли въ Вѣнѣ, и порядками, господствовавшими въ Мейдлингѣ. Отъ Вѣны до Мейдлинга, что называется, рукой подать, нѣсколько часовъ ѣзды, а какая разница во внутреннихъ свойствахъ обитателей этихъ сосѣднихъ мѣстностей. Откуда эта разница?

И въ большихъ городахъ, въ такъ называемыхъ бойкихъ, культурныхъ, прогрессирующихъ пунктахъ, населеніе охвачено эгоистической жаждой, какъ только затрогиваются его матеріальные интересы, той жаждой, которая, по мѣткому слову Шопенгауэра, готова «жиромъ своего ближняго смазать себѣ сапоги». А въ деревнѣ бѣдный человѣкъ, часто полу-нищій народъ отдаетъ нетронутымъ кошелекъ, содержимое коего составило-бы для него цѣлое состояніе, которое могло-бы его обезпечить на всю жизнь. Какъ ни комбинировалъ я поразившіе меня факты, бродя по живописнымъ окрестностямъ Мейдлинга, все же я не могъ найти удовлетворительнаго объясненія. Собесѣдованіе съ мѣстными обитателями не просвѣтило меня въ этомъ отношеніи. Говорили, что такъ обыкновенно бываетъ въ мѣстахъ, не посѣщаемыхъ путешественниками. Такимъ образомъ, по этому объясненію, выходило, что мы чуть-ли не являлись піонерами, въ смыслѣ внесенія въ Мейдлингъ и его окрестности деморализующихъ теченій, ибо, кажется, мы были первыми чужестранцами-путешественниками, сюда забравшимися. Какъ ни прискорбно для насъ такое толкованіе, но въ немъ доля правды имѣется. Года два

тому назадъ, я странствовалъ на велосипедѣ по Крыму и наблюдалъ явленіе, какъ разъ подтверждающее это объясненіе. Помню, во время моихъ остановокъ по крымскимъ деревнямъ, я поражался примѣрами рѣдкой честности мѣстныхъ жителей, называемыхъ обыкновенно татарами, хотя они, большею частью, потомки первоначальныхъ обитателей острова, принявшихъ впослѣдствіи исламъ. Добросовѣстность иногда здѣсь доходила до щепетильности; вотъ примѣръ: въ одной деревнѣ мальчикъ подалъ мнѣ стаканъ мѣстнаго напитка «бузы» (достаточно отвратительнаго), и, когда я ему досталъ изъ кармана 15 коп., онъ отказался ихъ взять, объясняя, что стаканъ стоитъ 2 коп., и что у него нѣтъ сдачи. То же самое населеніе въ фешенебельныхъ, часто посѣщаемыхъ мѣстахъ имѣетъ совсѣмъ иную физіономію. Тамъ все сводится къ деньгѣ, и тѣ же люди имѣютъ видъ коршуновъ, только не гордо парящихъ въ воздухѣ, а тѣхъ, ходящихъ низко по землѣ, коршуновъ, которые подобострастно бѣгаютъ за всякимъ, кто имъ бросаетъ деньги.

Понятно, приведенное выше объясненіе о различіи нравственнаго облика населенія бойкихъ мѣстъ и забытыхъ не является достаточнымъ; присутствіе путешественниковъ не разрѣшаетъ вопроса полностью. Развѣ не мало на свѣтѣ глухихъ деревень, мѣстечекъ, куда никто не заглядываетъ и, кажется, заглядывать не будетъ, а между тѣмъ въ нихъ, для испытанія честности, не только не надо бросать кошелька на улицу, но достаточно только плохо прикрыть карманъ: можно поручиться, что кошелекъ исчезнетъ. Въ этомъ отношеніи, любители добраго стараго времени не могутъ заполучить аргумента, они не

могутъ сказать: въ этихъ честныхъ мѣстахъ живутъ преданія старины, ибо въ дѣйствительности случается, что съ такими преданіями уживается не только пзлюбленная палка, но и разныя отрицательныя черты.

Въ концѣ концовъ такъ мнѣ и не удалось опредѣлить причины указаннаго различія въ свойствахъ населенія. Возможно, вѣроятно, допустить, что въ данномъ случаѣ немаловажную роль играетъ скромность потребностей деревенскаго обитателя, его смиреніе предъ жизненной судьбой, меньшая стремительность къ «наслажденіямъ жизнью», свойственная въ большей степени городскому обывателю. При этомъ, мнѣ кажется также, что для каждаго даннаго пункта есть особыя мѣстныя условія, содѣйствовавшія сохраненію счастливо установившихся добрыхъ традицій и искренняго религіознаго чувства, не ограничивающагося однимъ соблюденіемъ обрядности. Что касается глухихъ мѣстъ западной Европы, то могло случиться, что въ такихъ мѣстахъ католическое духовенство не имѣло значенія политической партіи, и, благодаря этому, оно правдиво, «токмо за совѣсть», служило религіи, не превращая ее въ орудіе политики и не внося въ нее условностей, столь неизбѣжныхъ при политиканствѣ и при вмѣшательствѣ въ партійную жизнь политическихъ сторонъ. Поэтому ничто здѣсь не подрывало искренняго, правдиваго отношенія къ велѣніямъ религіи, обезпечивающимъ моральное состояніе человѣка. Не было условій для развитія той «Conventionnelle Lüge», когда люди такъ научаются лгать предъ собою, что оказываются способными идти на преступленіе, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Извѣстно, что наибольшею опасностью религіозному чувству грозитъ лице-

мѣріе вообще и въ особенности лицемѣріе, исходящее отъ духовенства, которымъ оно не можетъ не быть преисполненнымъ, становясь агентомъ борющихся политическихъ партій съ ихъ интересами и съ ихъ средствами борьбы. Католическое духовенство въ западной Европѣ представляетъ изъ себя громадную силу. Эта сила могла бы имѣть морализирующее вліяніе, если бы духовенство не измѣняло завѣтамъ Евангелія. Но, кажется, измѣна есть правило, вѣрность — исключеніе.

Итакъ, я врядъ ли ошибусь при рѣшеніи поднятаго мною вопроса, если скажу, что въ данномъ случаѣ надо считаться со множествомъ причинъ и имѣть въ виду ихъ конкретный характеръ, объясняющій только отдѣльный случай.

По воскреснымъ днямъ и праздникамъ все населеніе Мейдлинга и его окрестностей, обычно около 8 часовъ утра, уходитъ въ церковь на богослуженіе. Послѣдній день нашего пребыванія въ Мейдлингѣ былъ воскресенье (по нашему стилю это было 6 октября); мы пошли вмѣстѣ съ народомъ въ сосѣдній монастырь, называющійся «Stift Gottesweihe». Народъ имѣлъ праздничный видъ, пріодѣлся. Всѣ, богатые и бѣдные, шли пѣшкомъ и учтиво привѣтствовали другъ друга при встрѣчѣ.

Приходилось идти мѣстами среди лѣса и въ гору, такъ какъ монастырь находится на вершинѣ горы, откуда открывается чудный видъ на окрестности и на Дунай. Отъ Мейдлинга до монастыря было около 7 километровъ и, когда мы пришли, служба уже началась. Архитектура храма, живопись, служба, мелодичные звуки органа и благоговѣйное настроеніе молящихся все придавало богослуженію высокоторжественный харак-

теръ. Съ общимъ благолѣпіемъ не гармонируетъ неэстетическое скульптурное изображеніе распятаго Христа.

Это неудачное произведеніе дешеваго искусства непріятно поражаетъ глазъ своимъ грубымъ реализмомъ. Вбитые въ тѣло гвозди, кровь, прободенный бокъ—все это производитъ грубое впечатлѣніе, не соотвѣтствующее ни общему благолѣпію храма, ни возвышенной идеѣ объ искупленіи порока и грѣха праведной жертвой Спасителя міра. Все время отъ Варшавы мы странствовали по католическимъ землямъ, гдѣ существуетъ обычай выставлять распятіе не только въ храмахъ, часовняхъ, молитвенныхъ домахъ, но и по перекресткамъ дорогъ. Въ провинціяхъ съ польскимъ населеніемъ мы обыкновенно встрѣчали кресты или деревянные, или высѣченные изъ камня, безъ всякаго на нихъ изображенія. Въ нѣмецкихъ католическихъ странахъ распятіе изображается посредствомъ креста съ прибитымъ къ нему человѣческимъ тѣломъ. Такія изображенія встрѣчаются также и въ храмахъ, и на перекресткахъ дорогъ. Всѣ эти изображенія сдѣланы плохо и непріятно поражаютъ глазъ; въ особенности неудачными являются фигуры, которыя сдѣланы не въ натуральную величину человѣка.

По окончаніи богослуженія мы, благодаря протекціи моей сестры, познакомились съ настоятелемъ монастыря и его ближайшимъ помощникомъ и другомъ барономъ N, который, презрѣвъ свѣтскую жизнь, вступилъ въ монастырь. На мое счастье баронъ говорилъ по-французски, и мнѣ представилась возможность завести съ нимъ разговоръ. Настоятель монастыря любезно пригласилъ насъ въ свою комнату, гдѣ очень радушно началъ насъ угощать кофе и въ особенности ви-

номъ и разными ликерами. Оказалось, что баронъ былъ знатокъ по этой части, хотя самъ онъ не «угощался». Онъ умѣлъ приготовлять до 80 сортовъ разныхъ ликеровъ изъ травъ. Баронъ вѣрилъ въ ихъ цѣлительныя свойства; въ послѣднемъ убѣдиться я не могъ, но что касается вкусовой стороны, то, кажется, все обстояло благополучно. Монастырь, оказавшій намъ гостепріимство, существуетъ болѣе 800 лѣтъ; кажется, въ началѣ этого столѣтія онъ сгорѣлъ и затѣмъ вновь возстановленъ. По предложенію настоятеля монастыря, баронъ повелъ насъ осматривать монастырь; къ сожалѣнію, монашескихъ келій намъ не показали; мы посѣтили богатую библіотеку, видѣли нѣкоторые рѣдкіе монускрипты, были въ комнатѣ, въ которой спалъ Наполеонъ I, находясь у «стѣнъ покорной Вѣны», и видѣли еще нѣкоторыя достопримѣчательности.

Меня интересовало, главнымъ образомъ, ознакомленіе съ внутреннимъ строемъ монастырской жизни, но это мнѣ не удалось, а на остальное, на внѣшнюю обстановку, я не обращалъ особаго вниманія. Замѣтилъ только, что обширное зданіе монастыря, чудная мѣстность, окружающее приволье представляли для жизни не мало удобствъ. Обходя зданіе монастыря, я завелъ рѣчь съ барономъ о замѣченномъ мною способѣ разселенія обитателей по одиночкѣ въ горахъ и большими селами на равнинахъ. Этотъ вопросъ меня интересовалъ по тому экономическому значенію, какое онъ имѣетъ у насъ, и о немъ позвольте коснуться въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО XVII.

У насъ, на югѣ Россіи, не рѣдкость многолюдное село численностью въ 5—7 тысячъ человѣкъ; такая скученность людей въ деревняхъ имѣетъ большія и административныя, и экономическія неудобства. Первыя заключаются въ томъ, что въ такихъ селахъ, растянутыхъ часто на нѣсколько верстъ, очень трудно созвать людей на сельскіе, волостные сходы въ числѣ, требуемомъ закономъ, вслѣдствіе чего сходы составляются рѣдко, а между тѣмъ нужды общественнаго быта могутъ требовать частаго обсужденія общихъ дѣлъ. Экономическія невыгоды еще болѣе ощутительны. Общества государственныхъ крестьянъ обычно щедро надѣлены землей, до 20 десятинъ на семью; вслѣдствіе этого жители большого села сообща пользуются обширнымъ пространствомъ земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, простирающихся отъ села на десятки верстъ. При раздѣленіи этой земли между членами общества, по необходимости, получаются полосы, отводимыя въ отдѣльное пользованіе, которыя отстоятъ на десятки верстъ отъ села (отъ 10 до 25 верстъ). Не трудно представить себѣ потери сельскаго крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе такого удаленія воздѣлываемаго поля отъ дома. При посѣвѣ и въ особенности при свозкѣ хлѣба на гумно, приходится непроизводительно тратить время и силы рабочаго скота на большіе переѣзды. Вычисленія изслѣдователей сельскаго экономическаго быта о размѣрѣ потерь отъ такого положенія хозяйства выражаются положительно въ колоссальныхъ цифрахъ. Это отрицательное условіе крестьянскаго хозяйства составляло предметъ за-

ботъ М—ва Государственныхъ Имуществъ въ 40—50 годахъ. Недавно объ этой-же сторонѣ экономическаго быта велась рѣчь въ нѣкоторыхъ земствахъ. Также точно, въ послѣднее время, сами крестьянскія общества нерѣдко толкуютъ о разселеніи, какъ единственномъ средствѣ, которое можетъ избавить деревенскаго обывателя отъ дурныхъ послѣдствій, вызываемыхъ образованіемъ многолюдныхъ поселеній. Дѣйствительно, при небольшихъ поселеніяхъ и при хуторскомъ хозяйствѣ земля, принадлежащая обществу, представляетъ небольшой участокъ, и этотъ участокъ, находящійся вблизи села, не трудно такъ распредѣлить между членами общества, что воздѣлываемое поле и хозяйство каждаго будетъ противъ его дома. Вотъ почему, нѣсколько знакомый со значеніемъ величины селъ, я обратилъ вниманіе во время пути на хуторскія хозяйства, встрѣтившіяся въ гористыхъ мѣстностяхъ, и на большія поселенія на равнинахъ, которыя все-таки не были такъ велики, какъ наши. Какъ я Вамъ писалъ, меня интересовало, почему въ горахъ люди разселялись болѣе удобно въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ на равнинахъ. У насъ образованіе большихъ поселеній объясняется рѣдкостью водныхъ удобныхъ усадебныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего всякій стремился поселяться на этихъ рѣдкихъ по удобству мѣстахъ.

Въ Австріи-же, по объясненію показывавшаго намъ монастырь барона, группированіе населенія на равнинахъ возникло благодаря набѣгамъ турецкихъ шаекъ, которыя часто случались въ 1-ой половинѣ XVII ст. до пораженія турокъ подъ Вѣной Яномъ Собѣскимъ въ 1683 году. Извѣстно, что въ это время турки успѣли занять такіе города, какъ Ольмютцъ, Горюпъ и др.; отдѣльныя

же ихъ шайки, бродя по равнинамъ, заставляли населеніе сплочиваться, чтобы быть въ силахъ, въ случаѣ нужды, давать отпоръ непрошеннымъ пришлецамъ. Въ гористыя мѣстности эти блуждающія шайки не заглядывали. Оттого здѣсь населеніе располагалось такъ, какъ ему было удобнѣе въ хозяйственномъ отношеніи, но неудобства большихъ поселеній на равнинахъ заграницей не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ у насъ; прежде всего, при отсутствіи свободной земли и при пользованіи малыми участками, здѣсь воздѣлываемое поле не можетъ быть отброшено на большое разстояніе отъ жилища, затѣмъ самыя разстоянія, благодаря шоссейнымъ дорогамъ, не имѣютъ такого значенія, какъ у насъ; наконецъ, интенсивное хозяйство, требующее большей затраты труда и времени на единицу пространства, заставляетъ земледѣльца работать на одномъ ограниченномъ мѣстѣ и избавляетъ его отъ необходимости переѣздовъ.

Есть еще заграницей одно преимущество въ сельскомъ экономическомъ быту. Здѣсь меньше праздниковъ и вольныхъ, и вынужденныхъ. Послѣдніе неизбѣжны, когда рабочая способность земледѣльца не находитъ себѣ полностью приложенія въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ, т.-е., когда выпадающая на долю земледѣльца сельскохозяйственная работа не поглащаетъ всей его рабочей силы, тогда земледѣлецъ, въ случаѣ отсутствія иного рода, внѣ хозяйства дѣятельности, вынужденъ на праздное времяпрепровожденіе. Также точно, если по климатическимъ или инымъ условіямъ земледѣлецъ оканчиваетъ полевыя работы въ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ и не имѣетъ при этомъ иныхъ занятій, то тогда онъ опять попадаетъ въ обстановку праздничнаго бездѣлья.

На Западѣ, благодаря существованію развитой промышленности интенсивнаго хозяйства, требующаго въ большей степени приложенія труда, благодаря знанію ремеслъ и мастерства, такого вынужденнаго бездѣлья имѣется меньше, чѣмъ у насъ. По затронутому вопросу въ нашей сельскохозяйственной литературѣ можно найти интересное вычисленіе, опредѣляющее потери, которыя отсутствовали-бы, если бы удалось создать полное соотвѣтствіе между количествомъ труда, требуемымъ хозяйствомъ, и его предложеніемъ со стороны сельскаго населенія, т.-е. если бы сельскія работы поглощали всѣ силы населенія, не оставляя того излишка свободнаго времени, которое является часто для населенія долгимъ, вынужденнымъ праздникомъ. По приблизительной схемѣ, нестрадающей наклонностью къ преувеличеніямъ, сельское хозяйство всей Россіи ежегодно теряетъ отъ существующаго въ дѣйствительности несоотвѣтствія (между рабочей силой крестьянской семьи и областью ея приложенія) 4 милліарда рублей. Конечно, эта грандіозная цыфра уменьшается, по мѣрѣ развитія заводской и фабричной промышленности, по мѣрѣ распространенія въ деревнѣ знанія ремеслъ, мастерства и т. д. Сокращеніе этого вынужденнаго убыточнаго праздпованія удобно наблюдать теперь на югѣ Россіи. Здѣсь земледѣліе требуетъ напряженія всѣхъ силъ крестьянской семьи въ теченіе не болѣе 5 мѣсяцевъ. Обычно съ мѣсяцъ или немного болѣе тянутся весеннія работы, заканчивающіяся, смотря по наступленію весны, около половины апрѣля, и затѣмъ горячая пора настаетъ съ первыхъ чиселъ іюня до половины сентября. Въ остальное время большинство крестьянскихъ силъ прежде не находили себѣ приложенія. Съ развитіемъ-же заво-

довъ, фабрикъ, горной промышленности, открываются работы на сторонѣ отъ хозяйства, и такимъ образомъ въ свободное отъ сельскихъ работъ время теперь люди находятъ заработокъ внѣ хозяйства. По мѣрѣ развитія такого положенія вещей, время бездѣлья сокращается и не трудно замѣтить въ такихъ случаяхъ улучшеніе экономическаго благосостоянія населенія. Но то, что у насъ начинается, заграницей, повидимому, уже установилось, и сельская экономическая жизнь тамъ поставлена уже въ болѣе благопріятныя условія. Къ числу такихъ условій прежде всего относится отсутствіе, какъ я сказалъ, вынужденнаго праздничнаго времени, а также и отсутствіе нашихъ многочисленныхъ вольныхъ и установленыхъ и неустановленныхъ праздниковъ, которые, не допуская человѣка къ работѣ, сгоняютъ людей къ кабаку. Но у насъ остается одно неизмѣняемое преимущество, это—неистощимость естественныхъ богатствъ и въ нѣдрахъ земли, и на ея поверхности; видѣвшій только заграничное поле не можетъ составить себѣ вѣрнаго представленія о нашемъ богатомъ черноземѣ. Съ этой стороны, будущее Россіи не внушаетъ тревогъ. Грознымъ на Западѣ опасеніямъ, выражающимся въ словахъ *безработица*, *пролетаріатъ*, *отсутствіе заработка* и др., кажется, не суждено будетъ разспространиться по русской землѣ.

Километрахъ въ 25 отъ Мейдлинга находится на Дунаѣ городъ Кремсъ. Мы рѣшили поѣхать въ этотъ городъ, сѣсть тамъ на пароходъ и подняться по Дунаю вверхъ до гор. Линца. Мы знали, что противъ сильнаго теченія Дуная пароходы идутъ очень медленно, но это насъ не пугало; мы разсчитывали любоваться живописными берегами Дуная, которые, какъ говорятъ, особенно хороши

между Кремсомъ и Линцемъ. При осуществленіи этого невиннаго намѣренія возникло серьезное затрудненіе; оказалось, что въ Мейдлингѣ не легко узнать, въ которомъ часу выходитъ пароходъ изъ Кремса. Я просилъ достать мнѣ рѣчной путеводитель, но меня увѣряли, что на него положиться нельзя, ибо путеводители, «будучи рекламой», обычно лгутъ. Мнѣ предложили болѣе надежное средство—обратиться на желѣзнодорожной станціи къ одному служащему, ибо «онъ все знаетъ: онъ былъ въ Америкѣ». Признаюсь, что эта логика внушала мнѣ мало довѣрія, но за отсутствіемъ путеводителя надо было подчиниться данному мнѣ совѣту. Розыскали «американца», объяснили ему, что вотъ, молъ, всѣ свѣдѣнія не внушаютъ довѣрія, а вотъ вы знаете, вы были въ Америкѣ и т. д. Американецъ вскинулъ взоръ къ небу и рѣшительно заявилъ: «пароходъ отходитъ ровно въ 11 часовъ дня изъ Кремса». На другой день до 11-ти часовъ мы были въ Кремсѣ; пароходъ ушелъ въ 6 часовъ утра и, кромѣ того, вслѣдствіе осенняго времени, пассажирскіе пароходы начали дѣлать рейсъ разъ въ сутки. Такъ наше partie de plaisir по Дунаю и не удалось, благодаря дѣйствительно рекламированному «американцу».

ПИСЬМО XVIII.

Русскіе, побывавшіе въ западной Европѣ, любятъ, по возвращеніи на родину, сравнивать чужіе порядки, касающіеся поверхностныхъ сторонъ жизни (ѣзда, ѣда, гостинницы и т. д.), съ своими и разносятъ эти послѣдніе. Замѣчательно при этомъ, что иностранцы, посѣщающіе Россію, менѣе стро-

ги и подмѣчаютъ нѣкоторыя особенныя стороны нашей жизни и нашихъ порядковъ, къ которымъ мы, благодаря привычкѣ, остаемся нечувствительными, такъ, напр., они очень часто упоминаютъ о нашемъ широкомъ гостепріимствѣ, о нашемъ доброжелательствѣ по отношенію къ иноземцу; также наша прислуга трогаетъ иностранца своей искренней и ревностной заботливостью о «барипѣ»; «ваша прислуга», говорили мнѣ, «это какіе-то добродушнѣйшіе дядьки — опекуны; ничего подобнаго вы нигдѣ болѣе не встрѣтите». — Конечно, наши путешественники, сравнивающіе и обвиняющіе наши порядки, бываютъ иной разъ правы и всегда почитаются правыми, когда они разносятъ наши климатическія условія. У насъ климатъ нехорошій — часто жалуются они; «на день бываетъ десять перемѣнъ; все зависитъ отъ того, откуда вѣтеръ подуетъ и никогда, исключая жаркаго лѣта, не знаешь, какое время года на дворѣ. Раннею осенью можетъ нежданно-негаданно ворваться зима, можетъ и лѣто загоститься на мѣсяцы дольше обыкновеннаго; тоже въ обратномъ порядкѣ бываетъ весной. Словомъ, —то, что древніе римляне говорили про женщину: разнообразна и измѣнчива, можно сказать про нашу погоду. Иное дѣло на западѣ: тамъ рѣзкихъ перемѣнъ нѣтъ, времена года строго отмежеваны». «А какова осень?» часто спрашивали мы обвиняющихъ наши атмосферическіе распорядки; при этомъ мы впередъ сочувствовали разносу нашего климата, ибо знали, что такой разносъ поведетъ къ сравненію съ небесными порядками запада, и тогда мы надѣялись услыхать, что и осень на западѣ не такая, какъ у насъ, а особенная, добронравная и, какъ дама изъ «Мертвыхъ душъ», пріятная во всѣхъ отно-

шеніяхъ. Такое показаніе для насъ, странствующихъ осенью, являлось особенно пріятнымъ; и утѣшительнымъ; и дѣйствительно, получаемыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи насъ баловали: намъ говорили, что дождливая осень начинается обыкновенно съ половины ноября по нашему стилю и что за октябрь всегда можно поручиться; въ это время бываетъ тепло, солнечно, и путешественникъ не долженъ ожидать невзгодъ съ неба. Мы охотно вѣрили этимъ отраднымъ для насъ показаніямъ и не спѣшили окончить наше путешествіе; мы предполагали пріѣхать въ Лондонъ не раньше первыхъ чиселъ ноября по нашему стилю.—Довѣріе къ пріятнымъ для насъ свидѣтельствамъ о погодѣ нѣсколько подрывало то обстоятельство, что вѣтеръ и бури порядкомъ насъ мучили, прежде чѣмъ мы пріѣхали въ Вѣну; но на этотъ счетъ у насъ имѣлось утѣшеніе; еще раньше намъ говорили, что сосѣдняя къ намъ часть Австріи подражаетъ Россіи, а что послѣ Вѣны начнется настоящая благодать. Дѣйствительно, выѣхавъ изъ Линца 8 октября по нашему стилю, мы не могли не восхищаться чудной погодой. Было около 17 тепла по Р.; дулъ пріятный попутный намъ вѣтерокъ, прогонявшій по чистому небу куски темноватыхъ сѣрыхъ тучъ. Солнце то пряталось, то привѣтливо свѣтило изъ чистой голубой лазури, бросая свѣтъ своихъ лучей на обрисовывавшіяся впереди остроконечныя Альпы, неособенно высокія и скудно покрытыя снѣгомъ. Гонимые попутнымъ вѣтромъ и попавъ на превосходное шоссе, мы, очарованные чудной окружающей обстановкой, не замѣтили, какъ пріѣхали въ городъ Вельсъ, сдѣлавъ 35 километровъ менѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ часа. Уже въѣхавъ въ городъ, мы почувствовали странную перемѣну въ атмо-

сферѣ. Теплаго мягкаго воздуха сразу не стало. Солнце заволокло тучами. Пріятный попутный вѣтеръ смѣнился холодными стремительными потоками воздуха, которые неслись къ намъ на встрѣчу. Мы не сразу догадались, что на насъ налетаетъ штормъ и сначала предположили, что мы потеряли, проѣзжая по улицамъ Вельса, наше направленіе, и что мы повернули обратно. Но выѣхавъ изъ города, мы справились съ картой, разспросили встрѣтившихся и тогда для насъ выяснилось, что прежнее направленіе не было утеряно. Стало очевиднымъ, что погода сразу перемѣнилась и что вмѣсто теплаго юго-восточнаго вѣтра сталъ дуть навстрѣчу сильный, холодный, западный вѣтеръ. Температура сразу пала до 0. Послѣ Вельса мы, согласно нашему маршруту, свернули на боковую маленькую дорогу, или, какъ здѣсь говорятъ, на шоссе 2-го разряда, которое оказалось столь плохимъ, что напоминало мало укатанную проселочную дорожку. Пробравшись по такому шоссе черезъ поляну, мы были очень рады попасть въ небольшой лѣсъ, немного защищавшій насъ отъ свирѣпости вѣтра. Надѣвъ теплыя рубахи, мы, благодаря усиленному моціону, не зябли; тѣмъ не менѣе быстрый переходъ отъ тепла къ холоду препятствовалъ свободному дыханію; было какъ-то больно дышать этимъ холоднымъ воздухомъ. Но въ концѣ концовъ ничего болѣе не оставалось, какъ двигаться впередъ. Путь пролегалъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги по сравнительно глухой гористой мѣстности, и карта намъ указывала, что ближайшій городъ Ридъ, гдѣ было-бы удобно заночевать, отстоялъ отъ насъ километрахъ въ 50. Сѣвъ на велосипеды, мы повели отчаянную борьбу съ бурей и съ отвратительной дорогой; къ этимъ 2-мъ

врагамъ вскорости присоединился третій—дождь. Мелкій, густой, онъ закуталъ всю окрестность въ сѣроватую мглу и падалъ на землю со стремительностью гнавшаго его вѣтра. Мы нѣсколько досадовали, что погода, не оправдавшая рекомендаціи о ея постоянствѣ, мѣшала намъ хорошо разсмотрѣть живописную, гористую мѣстность, покрытую стройнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Но надо признать, что для любителя живописи представлявшаяся намъ картина могла-бы показаться очень эффектной. Прежде всего, въ данномъ случаѣ, вѣроятно, имѣлась полностью картина шторма въ горахъ. — Прорываясь черезъ ущелья, черезъ долины, вѣтеръ съ какой-то особенной бѣшеностью опрокидывалъ все на своемъ пути. Печально было смотрѣть на гордый, хвойный лѣсъ, который смиренно гнулъ свои высокія верхушки. Сѣрое небо опустилось къ землѣ и посылало волну за волной мелкаго дождя, подхватываемаго разсвирѣпѣвшими порывами бури. Когда дорога поворачивала, и вѣтеръ дулъ сбоку, мы налегали изъ всей мочи на педали и только быстротой хода удерживали равновѣсіе, иначе буря насъ опрокинула бы. Продолжая наше странствіе, мы опустились въ долину, гдѣ какъ бы спряталась отъ вѣтра небольшая деревушка. Но, повидимому, буря проникла и сюда и успѣла оставить кое-какіе, правда, легкіе, слѣды разрушенія: лежало нѣсколько сорванныхъ вывѣсокъ, валялись стекла вырванныхъ оконъ, дерево было сломано и т. д. На одномъ угловомъ домѣ мы замѣтили уцѣлѣвшую вывѣску съ надписью «restauration». Подойдя къ этому дому, мы были встрѣчены миловидной женщиной, открывшей намъ двери въ ресторанъ; таща съ собой велосипеды, мы вошли въ маленькую, убогую, но очень опрятную комнату.

Наставшій холодъ былъ особенно ощутителенъ, вѣроятно, не столько вслѣдствіе легкости нашего одѣянія, сколько вслѣдствіе нашей непривычки. Вѣдь въ теченіе какихъ-нибудь 5 минутъ настала разница въ температурѣ градусовъ почти что на двадцать; мы, благодаря тяжелымъ условіямъ ѣзды, усиленно работали и это насъ согрѣвало. Тѣмъ не менѣе холодный и рѣзкій вѣтеръ какъ-то пронизывалъ насквозь и, очутившись въ ресторанѣ, мы чувствовали потребность въ «горячемъ». «Хорошо бы русскаго «борщу», поддразнивалъ я своего пріятеля; «хоть бы чаю», отвѣчалъ онъ безнадежно, ругая при этомъ заграничные небесные порядки. Я охотно къ нему присоединялся и оба мы заканчивали: «вотъ тебѣ и хваленый климатъ,не знающій нашихъ рѣзкихъ переходовъ».

Просить въ ресторанѣ борщу или чаю, конечно, мы не рѣшались, зная, что перваго слова западно-европейское ухо никогда не слыхало; а что касается второго слова, то хотя оно и очень распространенное, тѣмъ не менѣе чая въ ресторанахъ обыкновенно не бываетъ, вслѣдствіе чего просьба дать таковой сопровождается отказомъ; если же отказа не послѣдуетъ, такъ это много хуже, ибо тогда наступитъ угощеніе мутнымъ настоемъ изъ какихъ-то вываренныхъ травъ или листьевъ, весьма удобнымъ для вызыванія тошноты.

Пустивъ въ ходъ свой скудный запасъ нѣмецсихъ словъ, я попросилъ молоденькую хозяйку дать намъ горячаго вина. «Глинтвейнъ», воскликнула она, показывая, что это ресторанное слово ей знакомо, и отправилась на кухню. Подогрѣтые горячимъ виномъ, мы сразу почувствовали себя болѣе сильными и рѣшили продолжать путь, благо, шоссе было каменистое и не покрывалось грязью. Накинувъ непромокаемые плащи, мы въ

тѣхъ же условіяхъ продолжали наше путешествіе. Только, видимо, мы уже успѣли пообвыкнуться съ холодомъ и поэтому чувствовали себя болѣе крѣпкими. Послѣ города Гаагъ шоссе стало болѣе ровнымъ; къ 4 часамъ дня мы пріѣхали въ гор. Ридъ, не чувствуя, послѣ пути въ 85 километровъ, ровно никакой усталости .Сейчасъ же по пріѣздѣ мы отправились купить себѣ немного теплаго бѣлья въ виду наставшаго холода.

ПИСЬМО XIX.

Маленькій городокъ Ридъ, въ которомъ мы заночевали, отличается отъ ранѣе видѣнныхъ нами своимъ роскошнымъ электрическимъ освѣщеніемъ, которое здѣсь вытѣснило всякіе иные способы освѣщенія; куда вы не зайдете: въ гостинницу, въ маленькую лавочку, въ частный домъ,—вездѣ одинъ только электрическій свѣтъ. Оставивъ Ридъ раннимъ утромъ, мы черезъ нѣсколько часовъ, попали въ послѣдній, на нашемъ пути, австрійскій городъ—Браунау. Онъ находится на правой сторонѣ рѣки Иннъ; на противоположной сторонѣ стоитъ маленькій баварскій городокъ Зимбахъ. Наши вещи были отправлены на станцію Браунау. Ихъ слѣдовало отправить прямо въ Зимбахъ, гдѣ не трудно было бы получить вещи въ таможнѣ. Теперь же намъ приходилось самимъ заняться перевозкой вещей изъ Браунау въ Зимбахъ. Остановившись въ маленькой гостинницѣ, мы, съ помощью прислуги, доставили наши вещи съ вокзала въ гостинницу. Хозяинъ послѣдней взялся переправить насъ черезъ границу; онъ запрегъ лошадь и повезъ вещи на баварскую таможню.

Мы слѣдовали за нимъ на велосипедахъ. Границей между Австріей и Баваріей въ этомъ мѣстѣ служитъ р. Иннъ; черезъ названную рѣку переброшенъ превосходный мостъ, соединяющій Браунау съ Зимбахомъ. Слѣдуя за хозяиномъ гостинницы, мы, подъѣхавъ къ мосту, остановились около зданія австрійской таможни. Здѣсь мы должны были получить обратно пошлину въ 29 гульденовъ съ велосипеда, внесенную въ австрійскую таможню послѣ переѣзда изъ Россіи въ Австрію въ Михайловицѣ.

Австрійскіе чиновники осмотрѣли наши велосипеды, сняли привѣшанныя въ Михайловицѣ пломбы, взяли представленныя нами удостовѣренія австрійской таможни и, послѣ того какъ мы расписались въ какихъ-то книгахъ, выдали намъ по 29 гульденовъ обратно. Формализма здѣсь было меньше, чѣмъ на австрійской таможнѣ въ Михайловицѣ, и насъ не особенно долго задержали. Сѣвъ на велосипеды, мы послѣдовали за возницей нашихъ вещей черезъ мостъ; подъѣзжая къ концу моста, мы были задержаны баварскимъ чиновникомъ; начался осмотръ вещей, который, повидимому, дѣлался болѣе для виду. Хотя чиновникъ и предложилъ намъ отпереть чемоданы, но внутрь онъ не заглядывалъ, не запускалъ руки и не производилъ того терзанія вещей и безпорядка, которыми отличаются наши нѣкоторыя ревностныя таможни. На баварской границѣ налогъ на велосипеды, приходящіе изъ Австріи, не существуетъ, и поэтому здѣсь мы ничего не платили за велосипеды. Отправивъ наши вещи въ послѣдній по нашему пути баварскій городъ Линдау, я обратился къ хозяину гостинницы, который перевезъ наши вещи на баварскую сторону и провелъ насъ черезъ всѣ нужныя намъ пограничныя учрежденія,

съ вопросомъ, сколько я ему долженъ за его трудъ. Меня нѣсколько удивилъ его отвѣтъ: онъ предоставилъ разрѣшеніе этого вопроса моему усмотрѣнію. Я передалъ ему два гульдена, и эта скромная сумма привела его въ полное удовольствіе. Онъ поѣхалъ обратно на австрійскую землю, пожелавъ намъ счастливаго пути. Къ этому пожеланію присоединился и баварскій пограничный чиновникъ. Очутившись на германской землѣ, мой пріятель и я стали наблюдать, чѣмъ отличается эта страна отъ австрійской. Но никакихъ отличительныхъ признаковъ мы не нашли. Замѣтили только, что форма у военныхъ людей была здѣсь иная, да на мосту, на противоположныхъ его концахъ, были прибиты разныя фигуры. На австрійской сторонѣ красовался противоестественный чернаго цвѣта орелъ о двухъ головахъ, держащій въ лапахъ воинственное орудіе невѣроятной величины. На баварской сторонѣ была какая-то другая фигура, но она отъ времени полиняла, и я не могъ разсмотрѣть, что она изображала. Во всемъ остальномъ никакой разницы замѣтно не было: оставались тѣ же люди, тотъ же языкъ, та же живописная мѣстность.

Выѣхавъ изъ Браунау, мы попали на хорошее шоссе, которое пролегало по долинамъ рѣкъ Инны и Альцъ и часто заводило насъ въ рощи чуднаго хвойника. Иной разъ обстановка позволяла воображать, что мы находимся въ первобытномъ дремучемъ бору, куда человѣческій глазъ не заглядываетъ и гдѣ могутъ обитать только дикіе звѣри. Стройный лѣсъ, казалось, тянулся безъ конца, и изгибавшаяся между ними дорожка, какъ будто, утопала и терялась въ древесной чащѣ. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе обнаруживало, что въ этомъ лѣсу за каждымъ деревомъ ухаживаетъ

человѣческая рука: ни на одномъ деревѣ нельзя было замѣтить сухой вѣтки, стволъ каждаго дерева былъ украшенъ чернымъ кольцомъ аршина на два отъ земли. Вѣроятно, это было кольцеобразное смазываніе какимъ-то составомъ, препятствующимъ распространенію паразитовъ по дереву. Эти чудныя деревья, создавшія картину вѣкового дремучаго бора, были дѣтищемъ правильнаго лѣсного хозяйства. Видимо, культура не всегда убиваетъ поэзію, и поэты, воспѣвающіе только первобытную дикую старину, напрасно налагаютъ ограниченія на свою музу.

Дорога вывела насъ изъ темнаго лѣса, и мы, проѣхавъ немного по крутому правому берегу рѣки Альцъ, пересѣкли эту рѣку; наша дорога, пройдя затѣмъ вновь черезъ большой лѣсъ, спустилась на гладкую равнину.—Къ полудню настала чудная погода. Солнце ослѣпительно освѣщало всю мѣстность, на которой, какъ изящная игрушка, вырисовывался маленькій городокъ Альтеттингъ. Лучи солнца особенно ярко освѣщали этотъ городокъ, благодаря его чистымъ, ослѣпительной бѣлизны, домикамъ. Дорога наша проходила черезъ этотъ городокъ, и мы рѣшили заѣхать немного отдохнуть и подкрѣпить пищей наши силы. Мы зашли въ небольшой ресторанъ, въ которомъ находилось много простого рабочаго люда, окончившаго уже свой завтракъ. Хозяинъ ресторана, бритый, красивый, пухлый и добродушный баварецъ, подсѣлъ къ намъ и, вступивъ въ разговоръ, объяснилъ, что въ ихъ городѣ есть достопримѣчательности, интересныя для иностранца. По моей просьбѣ, онъ нашелъ для насъ проводника и распорядился подать намъ пива и завтракъ. Во время завтрака хозяинъ намъ объяснилъ, что въ Альтеттингѣ нѣсколько болѣе 3,000 жителей, но что

въ этотъ городъ съѣзжаются многіе иностранцы для ознакомленія съ его достопримѣчательностями. Руководимые проводникомъ, мы отправились ихъ осматривать. Сначала мы попали въ старинную церковь, сооруженную въ VII столѣтіи; затѣмъ католическій патеръ, вокругъ котораго собралась публика, повелъ всѣхъ въ отдѣльную комнату, гдѣ были какія-то драгоцѣнныя вещи; останавливаясь передъ каждой вещью, патеръ передавалъ что-то, повидимому, заученное и неоднократно повторенное; онъ говорилъ монотоннымъ, ровнымъ голосомъ, не спѣша, какъ заведенная машина. Мы его рѣчей не разобрали и не могли узнать, какого рода это были памятники, и въ чемъ состояла цѣнность показываемыхъ вещей. Проводникъ, съ которымъ мой пріятель могъ объясниться, также, повидимому, былъ безсиленъ просвѣтить насъ относительно видѣннаго и повторилъ фразу патера, единственную, которую мы поняли и которая сообщала, что за какую-то вещь французы предлагали милліонъ франковъ. По окончаніи объясненій патера, всѣ благодарили его ничтожными приношеніями. Когда мы выходили изъ комнаты, въ которой помѣщались драгоцѣнности, къ намъ приблизилась громадная, неуклюжая, рослая дѣвушка и предложила слѣдовать за ней. Мы не сразу поняли ея требованіе, но проводникъ, таща меня за рукавъ, указалъ намъ идти за ней. Остальная публика не присоединилась къ намъ; мой пріятель и я, слѣдуя за проводницей, стали опускаться въ подземелье.

ПИСЬМО XX.

Я въ прошломъ письмѣ писалъ вамъ о нашемъ осмотрѣ достопримѣчательностей въ Альтеттингѣ. Вы знаете уже, что мы въ концѣ-концовъ не поняли объясненій патера относительно показанныхъ намъ вещей и что отдѣлившаяся отъ него дѣвушка пригласила насъ двухъ слѣдовать за нею въ подземелье. Мы опустились не особенно низко и очутились въ тѣсномъ склепѣ, посреди котораго находился большой свинцовый гробъ съ стеклянной крышкой. Изъ продѣланнаго сверху склепа окошка падали лучи свѣта прямо на гробъ, внутри котораго лежали слегка потлѣвшія человѣческія кости. Наша проводница, рослая, громадная дѣвица, направила свой взоръ на потолокъ и спѣшно заговорила что-то трескучимъ, кричащимъ голосомъ. Если бы я не видалъ, что рѣчь исходила отъ стоящей передъ нами ораторши, я бы подумалъ, что пущена въ ходъ громкая трещетка, или что сорвался будильникъ въ часахъ. Конечно, мы не дерзали даже пытаться что-нибудь разобрать въ этомъ потокѣ словъ и смиренно ожидали его конца. Но очень скоро мы услыхали слово Тилли и тогда мы догадались, что намъ показываютъ кости грознаго героя кровавой эпохи, извѣстной въ исторіи подъ именемъ 30-лѣтней войны. Такъ вотъ гдѣ, подумалъ я, нашли покой на вѣчныя времена кости нѣкогда страшнаго воина и человѣка. И предъ глазами возставалъ образъ суроваго, безпощаднаго полководца, лицо коего никогда не смягчалось улыбкой, и который посвятилъ свою жизнь сѣянію смерти и пролитію человѣческой крови. У этого гроба сами

собой напрашивались картины прошлаго и вызываемыя ими мысли, а разсыпавшіяся кости возстанавливали въ памяти личность историческаго воина. Вспоминался историческій генералъ Тилли, который, какъ вѣрный сынъ своей эпохи, обратилъ любвеобильное, всепрощающее, кроткое ученіе Христа въ кощунственную систему жестокости и кроваваго насилія. Тилли обратилъ богатые дары своей духовной природы на служеніе «діаволу», искренно, быть можетъ, увѣренный, что служитъ правдѣ. Вѣроятно, допустимо предположеніе, что искусная система политиканствующей западной церкви успѣла въ то время такъ опутать лицемѣріемъ души людей, что они потеряли чувство правды и могли искренно вѣрить въ справедливость дикаго положенія, имѣвшаго такую формулу: «лучше пустыня, чѣмъ страна, населенная еретиками», т. е. не приверженцами болѣе сильной въ то время церкви. Быть можетъ, жервой такой пропитанной ложью и развратомъ системы былъ и Тилли, который побѣждалъ враговъ, потому что прежде *«побѣдилъ себя»* (ipse sui victor), какъ объясняетъ надпись надъ его изображеніемъ. Быть можетъ, онъ не понималъ ужъ преступности своихъ словъ, когда, истребивъ жителей взятаго штурмомъ города Магдебурга, выражалъ радость о случившемся. Все это могло случиться, и все это поддается объясненію. Но какъ изъ святого ученія Христа католическая церковь сумѣла создать систему для проявленія и оправданія всего того, что запрещаетъ Христово ученіе, вотъ проблема, предъ которой становится втупикъ испуганная мысль... Но она склонна къ скачкамъ, и, оставляя трудную проблему, она вновь переходитъ отъ лежащихъ въ гробу костей къ фигурѣ мощнаго, грознаго Тилли, вѣровавшаго только въ силу

воинскаго меча и въ необходимость истребленія враговъ Габсбургскаго дома—протестантскихъ князей. Рядомъ съ фигурой этого суроваго воина возстановляется симпатичный образъ «снѣжнаго короля», Густава Адольфа, внесшаго въ безконечную, безпощадную кровавую борьбу, благородное стремленіе къ свободѣ совѣсти и, насколько въ то время возможно, къ человѣчности. Чувство удовлетворялось, когда вспоминалось, что носитель этихъ отрадныхъ началъ, быть можетъ, благодаря имъ сокрушилъ торжество того направленія, которое несло попраніе лучшихъ сторонъ человѣческой души. Незамѣтно затѣмъ представлялись картины ряда пораженій, нанесенныхъ непобѣдимому Тилли.

Въ концѣ концовъ, смотря на пожелтѣвшія кости, мирно нынѣ покоющіяся въ гробу, я невольно задался вопросомъ: что же осталось отъ неустанно работавшаго меча великаго и жестокаго воина, отъ его кроваваго тріумфа? Столько усилій этого героя, столько его жертвъ—что оставили они послѣдующимъ поколѣніямъ? Распавшіяся кости, показываемыя за 20 пфенниговъ, которые мы заплатили нашей проводницѣ.

Мы незамѣтно провели въ Альтеттингѣ около 3-хъ часовъ времени и, когда мы выѣхали, день склонялся къ концу. Нашъ путь пролегалъ по холмистой и лѣсистой мѣстности съ живописными полянами и долинами. Послѣднія представляли изъ себя тщательно воздѣланное поле, на которомъ зеленымъ ковромъ разстилался взошедшій осенній посѣвъ. По этому, какъ я сказалъ, зеленому ковру, мѣстные земледѣльцы разъѣзжали на бочкахъ, возомыхъ лошадьми, и поливали его нечистотами въ жидкомъ видѣ. На каждомъ воздѣланномъ клочкѣ замли дѣйствовала такая бочка,

распространяя въ воздухѣ невыносимый смрадъ. Когда такое орудіе попадалось намъ на дорогѣ, мы съ проклятіями его объѣзжали, стараясь какъ можно дольше не дышать. Въ это время мы совсѣмъ не вѣрили словамъ добродѣтельнаго «Никиты» изъ «Власти тьмы», увѣрявшимъ, что можно «тае», «тае»... «попривыкнуть». Но баварцы думали одинаково съ Никитой; они старательно поливали поля и слегка кропили себя пользительной для растительности и въ общемъ весьма омерзительной влагой.

Мы ѣхали, не спѣша, разсчитывая воспользоваться луннымъ вечеромъ и продолжать путь ночью. Заходящее солнце въ послѣдній разъ освѣтило намъ вдали виднѣвшіяся Альпы и скрылось за сосѣднюю гору. Но на чистомъ безоблачномъ небѣ уже выплылъ мѣсяцъ и посылалъ на землю достаточно свѣта. Съ заходомъ солнца, люди удалились съ полей, а съ наступленіемъ ночи и на дорогѣ путники болѣе не встрѣчались. Но мы на этотъ разъ не нуждались въ помощи людей: предъ нами лежалъ прекрасный путь, карта намъ помогала, когда этотъ путь пересѣкался другими, что, впрочемъ, случалось рѣдко. Переѣхавъ рѣку Иннъ у Мюльдорфа, мы продолжали нашъ путь по направленію къ Мюнхену и рѣшили заночевать въ первомъ удобномъ мѣстѣ. Путешествіе ночью, когда вокругъ нѣтъ живой души, когда настаетъ величавая ночная тишина, можетъ казаться страшнымъ только для пугливаго воображенія. Въ дѣйствительности-же нѣтъ ровно никакой опасности; говорятъ, что здѣсь не бываетъ примѣровъ нападеній на одинокаго странника ни днемъ, ни ночью, и что вообще здѣсь, въ глуши, человѣкъ въ большей безопасности, чѣмъ на нѣкоторыхъ улицахъ большихъ городовъ, гдѣ въ извѣстные часы про-

хожденіе положительно рискованно. Вотъ почему въ этихъ мѣстахъ, какъ бы ни трепетало воображеніе путника, ничего страшнаго или опаснаго встрѣтить нельзя. Хотя мы и были вооружены револьверами, но намъ никогда не приходилось даже подумывать о нашемъ оружіи; въ немъ рѣшительно не было никакой надобности. Даже неизбѣжные враги велосипедиста—собаки, послѣ Кракова, перестали кидаться на ѣздоковъ, съ намѣреніемъ поймать ихъ за ногу. Надежнѣйшая защита противъ этихъ враговъ — хорошій хлыстъ совершенно безполезенъ для путешествующаго по Западной Европѣ. Съ наступленіемъ ночи стало холоднѣе, и мы, пользуясь мягкимъ луннымъ освѣщеніемъ, ускорили подъ конецъ ходъ. Только проѣзжая по лѣсу мы ѣхали осторожно, ибо тамъ было очень темно, а фонарей зажигать не хотѣлось.

Пріѣхавъ около 10-ти часовъ вечера въ Гаагъ, отстоявшій отъ Браунау въ 75 килом., мы рѣшили заночевать; сначала мы попали нѣсколько въ затрудненіе, ибо на улицѣ не встрѣчалось ни души и не было у кого разспросить о томъ, гдѣ находится гостинница. Полиція отсутствовала. По счастью для насъ, мы замѣтили уже въ концѣ городка домъ, изъ 2-хъ большихъ оконъ котораго падалъ свѣтъ на улицу. Подойдя къ этому дому, мы замѣтили на немъ вывѣску, указывающую, что это была гостинница. Занявъ комнату, гдѣ по обыкновенію было сыро и холодно, какъ въ ледникѣ, и поставивъ въ ней наши велосипеды, мы отправились въ ресторанъ ужинать. 10 часовъ вечера для маленькаго городка составляетъ позднее время; въ этотъ часъ уже ничего нельзя достать, и мы были ради найти въ ресторанѣ хлѣбъ и пиво; прислуга спала; толстая старая хозяйка приняла на себя трудъ ухаживанія за нами и успѣла

гдѣ-то розыскать немного ветчины, впрочемъ, даже для велосипедистовъ несъѣдобной. Вообще съ хозяйкой, несмотря на ея добродушіе, оказалось труднымъ сговориться: у нея былъ замедленный ходъ представленій; такъ, напр., на обращенное къ ней слово, она не сразу отвѣчала, какъ обыкновенно это дѣлаютъ люди, а нѣкоторое время погодя. Кое-какъ приглушивъ голодъ, мы отправились спать, прося разбудить насъ въ 5 часовъ утра.

ПИСЬМО XXI.

Раннее вставаніе при свѣчахъ, когда въ комнатѣ сыро и всего 5—6 градусовъ тепла, обыкновенно представляется событіемъ, если не мучительнымъ, то достаточно непріятнымъ. Впрочемъ, такое представленіе есть слѣдствіе недостаточнаго опыта въ этомъ отношеніи и дѣйствія предвкушающаго непріятность воображенія. На самомъ же дѣлѣ раннее вставаніе очень скоро входитъ въ привычку и не причиняетъ никакихъ неудобствъ. За нашъ путь мы такъ привыкли подыматься рано, что не измѣняли этому порядку и при остановкахъ, несмотря на то, что иной разъ приходилось ложиться спать послѣ полуночи. Страданій или какихъ-либо недомоганій отъ казавшагося недосыпанія мы ни въ малѣйшей степени не испытывали. Вообще наша выносливость, наши силы возросли до неузнаваемой нами степени; слова: холодъ, голодъ, усталость не имѣли уже того смысла и значенія, какой они имѣютъ при образѣ жизни, хотя бы кое-какъ согласованномъ съ комфортомъ. Здоровье и самочувствіе не оставляли желать ничего лучшаго; о

своемъ ревматизмѣ я успѣлъ совершенно позабыть, ибо состояніе здоровья ничѣмъ о немъ не напоминало. Вообще я былъ вполнѣ удовлетворенъ осуществленіемъ своей мысли о дальнемъ странствіи на велосипедѣ, и мнѣ казалось, что я не ошибся, предполагая, что избранный мною способъ отдыха былъ и пріятнѣй, и полезнѣй для здоровья общепринятыхъ способовъ, заключающихся въ такъ называемыхъ поѣздкахъ ради развлеченія и съ обязательнымъ и томительнѣйшимъ пребываніемъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль на какихъ-нибудь цѣлебныхъ водахъ, въ общемъ всетаки болѣе полезныхъ для курорта, чѣмъ для здоровья. Вѣроятно, даже временное созданіе болѣе грубыхъ условій жизни, исполненной физическихъ упражненій, останется навсегда однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ сохраненія и поддержанія силъ человѣка. Люди, преуспѣвающіе въ изнѣженности, покоряющіеся привычкамъ къ такъ назыв. комфорту, сводящемуся обычно къ жизни въ нездоровыхъ искусственныхъ условіяхъ, забываютъ, что каждый шагъ успѣха на этомъ пути есть каждый разъ заемъ у законовъ природы и что, въ концѣ концовъ, единственная правильная бухгалтерія природы подведетъ неумолимый итогъ, отъ котораго не откупятъ ни воды, ни латинскіе препараты, ни старательныя постукиванія и выслушиванія первоклассныхъ знаменитостей. Очень поэтому люди ошибаются, приписывая тонкости и благородству своей натуры наклонность къ комфортабельности, къ искусственнымъ условіямъ жизни. Это просто дурныя привычки, плохая гигіена.

Вѣроятно, на необходимости упрощенія и физическаго оздоровленія жизненныхъ условій держится извѣстный успѣхъ лѣчебницы Кнейпа,

весьма популярной въ Баваріи. Трудно разобраться въ противорѣчивыхъ толкахъ объ этой лѣчебницѣ, о ея пользѣ и дѣйствительности ея средствъ и пріемовъ. Несомнѣнно, что есть случаи, когда люди входили въ нее больными и выходили поправившимися. И я думаю, что такой результатъ, вѣроятно, имѣлъ мѣсто въ случаяхъ, которые подходятъ подъ слѣдующій общій типичный примѣръ. Лицо мужскаго или женскаго пола,— это безразлично—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведетъ жизнь такъ, что ночь превращается въ день и большая часть дня проводится не въ крѣпкомъ снѣ, но въ какомъ-то дремотномъ состояніи. Позднее вставаніе, отсутствіе моціона и физическихъ упражненій, считающихся утомительными и изнурительными для нѣжной натуры,— все это неумолимая бухгалтерія природы записываетъ на дебетъ такого образа жизни. Но особенно быстро возрастаетъ долгъ, когда вводимое питаніе начинаетъ несоотвѣтствовать затраченнымъ усиліямъ. Мы часто слышимъ съ искренней интонаціей произносимыя, но по существу лживыя слова: «я не могу ходить безъ отдыха въ теченіе 2-хъ часовъ; это выше моихъ силъ». Рядомъ съ такими словами слышатся сердечныя завѣренія: «я умру съ голоду, если въ такой-то часъ мнѣ не дадутъ завтрака, обѣда, ужина». А между тѣмъ совсѣмъ игнорируется попытка опредѣлить надлежащую дозировку ѣды, соотвѣтствующую расходованію силъ при работѣ. Хотя такое веденіе человѣкомъ хозяйства своей личности признается нѣкоторыми, какъ я сказалъ, за признакъ утонченности натуры, но законы природы не считаются съ вздорными словами и предъявляютъ свой счетъ. На первое время являются спасительные порошки, пилюли, воды,

массажи и т. д.; къ сожалѣнію, это не погашаетъ предъявленнаго счета, это только отсрочиваетъ короткіе часы уплаты, ибо причина недомоганій—образъ жизни—остается прежній. Тогда случается, что потрепанный физически и морально субъектъ, хватаясь подобно утопающему за соломенку, обращается въ лѣчебницу Кнейпа. Здѣсь его прежде всего патеръ Кнейпъ обругаетъ, при объясненіи своего метода лѣченія, посадитъ на простую, грубую пищу и въ заключеніе создаетъ режимъ, издѣвающійся надъ представленіями о тонкости и изнѣженности избранныхъ натуръ. Больной, славившійся своей нервностью, разными причудами, неспособностью заснуть безъ особой возни, такой больной получаетъ строгое приказаніе лечь спать въ 10 часовъ вечера, встать съ восходомъ солнца и для почина пройтись раннимъ утромъ босякомъ верстъ съ пятокъ. Цѣлый день его гоняютъ, поливаютъ водой, выпариваютъ согрѣвающими компрессами. Онъ былъ-бы готовъ бѣжать отъ такого способа лѣченія, но сначала его задерживаетъ вѣра, что здѣсь единственное спасеніе, а затѣмъ онъ свыкается съ режимомъ лѣченія, ибо этотъ режимъ (помимо спорной стороны о дѣйствительности самаго лѣченія патера Кнейпа), какъ полезный, далеко не такъ мученъ при его исполненіи. Несомнѣнно, что этотъ режимъ надо признать полезнымъ, ибо онъ вноситъ въ нашу искусственную обстановку упрощеніе и оздоровленіе физическихъ условій жизни, и такимъ образомъ онъ создаетъ для больного время, когда является возможность погашать свой долгъ, согласно требованіямъ названной мною бухгалтеріи природы. Вотъ гдѣ, вѣроятно, кроется, главнымъ образомъ, секретъ удачныхъ случаевъ лѣченія въ лѣчебницѣ Кнейпа. Что ка-

сается насъ, то мы, по условіямъ нашего странствія, недалеко уходили по существу отъ образа жизни, рекомендуемаго Кнейпомъ, и, вѣроятно, въ этомъ образѣ жизни заключается причина, почему ничто намъ не было вредно. Казалось бы, что мы тысячу разъ должны были простудиться, схватить воспаленіе легкихъ и всякія подобныя пакости, быть изнуренными, а, на самомъ дѣлѣ, мы ни разу не чувствовали даже намека на какое-нибудь легкое болѣзненное нерасположеніе; напротивъ, силы наши крѣпли; а въ вѣсѣ мы не потеряли ни одного фунта.

Какъ я Вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ, мы заночевали въ Гаагѣ. Когда аккуратная прислуга, согласно нашей просьбѣ, въ 5 часовъ утра постучалась въ дверь, мы уже не спали. За время нашего путешествія мы научились просыпаться какъ разъ въ этотъ часъ. Еще не разсвѣло, когда мы выѣхали изъ города. Но скоро на восточной сторонѣ небо начало понемногу свѣтлѣть, и оттуда свѣтъ распространился по всему небесному своду; наступилъ день; взвивавшаяся предъ нами дорога стала хорошо видимой.

Красное солнце не успѣло отдѣлиться отъ земли, какъ его закрыли тучи; сталъ моросить мелкій дождь. Но здѣсь онъ не былъ намъ такъ страшенъ, какъ въ Австріи; здѣсь шоссе несравненно лучше и по немъ возможно продолжать путь во время дождя. Въ скорости, по выѣздѣ изъ Гаага, мы попали въ лѣсъ, гдѣ представилась возможность слѣдовать по хорошо протоптанной тропинкѣ, проложенной среди высокаго лѣса вблизи шоссе. Лѣсъ тянулся долго и, когда мы выѣхали изъ него, мы замѣтили, къ своему удовольствію, что небо очищалось отъ тучъ и что предстоялъ хорошій солнечный день. Дѣйствительно, солнце

скоро залило своимъ свѣтомъ всю окрестность. Часа черезъ три послѣ выѣзда изъ Гаага мы проѣхали 50 километровъ, и нашимъ глазамъ предсталъ городъ Мюнхенъ.

ПИСЬМО XXII.

Километровъ за десять до Мюнхена дорога наполовину вымощена камнемъ и представляетъ собою негладкую мостовую, неудобную для ѣзды на велосипедѣ; другая половина пути шоссирована, но, какъ и повсюду, возлѣ большого города, шоссе было плохое. Поэтому послѣдніе 10 километровъ, приближаясь къ Мюнхену, мы двигались медленно. Тѣмъ не менѣе въ началѣ десятаго часа утра мы уже переѣхали рѣку Изаръ и находились въ предмѣстьи города. Замѣтивъ полицейскаго, мы остановились около него съ цѣлью разспросить, какъ проѣхать въ центръ города и узнать названіе какой-нибудь гостинницы, ближайшей отъ нашего пути. Статный, щегольски одѣтый полицейскій по молодцеватой внѣшности, согласно представленіямъ стараго времени, могъ бы быть принятъ за настоящаго генерала. Этотъ нижній чинъ съ начальственной внѣшностью очень внимательно относился къ нашимъ разспросамъ; узнавъ, что мы интересуемся увидать знаменитую Мюнхенскую галлерею картинъ (Пинакотека), онъ полѣзъ рукой въ какой-то потайной карманъ сзади и досталъ изъ него небольшую книгу. Въ ней значилось: въ какіе часы и какія учрежденія открыты доступу публики. Поблагодаривъ за эти нужныя намъ въ то время указанія, мы поѣхали дальше. Мостовая была мокрая и скользкая; я не обратилъ вниманія на это обстоятельство, и на поворотѣ велосипедъ у меня поскользнулся; я

упалъ вмѣстѣ съ велосипедомъ въ грязь; это было единственное паденіе за все время пути, но и оно оказалось благополучнымъ: велосипедъ остался цѣлъ и невредимъ. Я опять вспрыгнулъ на него и осторожно продолжалъ путь, избѣгая крутыхъ поворотовъ. Скоро мы очутились на большой прекрасной улицѣ, одной изъ лучшихъ въ Мюнхенѣ.

Тамъ мы встрѣтили посыльнаго, которому предложили провести насъ въ ближайшую гостинницу. Слѣдуя за нимъ пѣшкомъ, мы черезъ четверть часа были въ гостинницѣ. При входѣ въ нее я повстрѣчался съ толстымъ незнакомцемъ, который, замѣтивъ грязь на моемъ пиджакѣ, сочувственно замѣтилъ по нѣмецки: «Вы упали; это не трудно, когда скользко, я тоже вчера упалъ съ велосипеда». Неспособный по-нѣмецки выразить сочувствіе упавшему собрату, я поклонился и прошелъ въ указанную мнѣ комнату.

Кое какъ оправивъ нашу одежду, которая краснорѣчиво заявляла о пройденномъ далекомъ пути при всякаго рода невзгодахъ, и наскоро позавтракавъ, мы отправились разыскивать знаменитую Мюнхенскую картинную галлерею. Въ это время года она была открыта для публики отъ 3 до 5 часовъ дня. Мнѣ кажется, что такія картины, какъ собранныя въ Пинакотекѣ, надо разсматривать съ опытнымъ художникомъ или съ солиднымъ знатокомъ искусства живописи. Обозрѣніе же самостоятельное, безъ руководства, въ теченіе какихъ-нибудь 2-хъ часовъ, представляется мнѣ отчасти легкомысленнымъ; глазъ теряется среди массы картинъ; не знаешь, на какой остановиться; съ сожалѣніемъ замѣчаешь, что назначенные 2 часа ужасно скоро проходятъ и въ концѣ концовъ приходится оставить залъ по

усиленному къ этому приглашенію прислуги, съ чувствомъ досадной неудовлетворенности: кажется, и, вѣроятно, справедливо, что многаго не досмотрѣлъ, многое пропустилъ и еще больше не понялъ. Руководство же и указанія художника въ такихъ случаяхъ навѣрно были-бы очень поучительны, и ихъ объясненія, быть можетъ, дали бы больше, чѣмъ чтеніе какого-нибудь многотомнаго сочиненія о живописи.

Мюнхенская Пинакотека съ произведеніями такихъ художниковъ, какъ: Рафаэль, Ванъ-Дейкъ, Рубенсъ и др. слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы о ней можно было что-нибудь сказать.

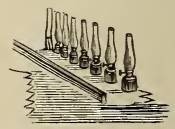
Послѣ Мюнхена наше странствіе продолжалось обычнымъ порядкомъ. Только въ наше настроеніе иногда врывался новый и нежелательный въ пути моментъ: спѣхъ. Мы чувствовали свою развившуюся выносливость и поэтому не берегли силъ, какъ въ началѣ путешествія; часто мы увлекались испытаніемъ быстроты, которую мы были въ силахъ развивать. Кромѣ того, насъ манила Швейцарія, до которой оставалось, какъ говорятъ, «рукой подать», не болѣе какихъ-нибудь 200 километровъ. Мы предполагали, доѣхавъ до Цюриха, повернуть на югъ и держать путь по живописной мѣстности, покрытой озерами, на города: Цугъ, Альтдорфъ. Слѣдуя этому маршруту, мы должны были перевалить черезъ С.-Готардъ и спуститься въ долину р. Роны вблизи ея истоковъ. По этой долинѣ затѣмъ надо было бы ѣхать до самаго Женевскаго озера. Мы знали, что избранный нами маршрутъ былъ одинъ изъ труднѣйшихъ. Спеціальная для велосипедистовъ карта Швейцаріи обозначала особыми условными знаками этотъ путь, какъ трудно проходимый и опасный. Но мы надѣялись, что все будетъ искуплено

картинами безподобной швейцарской природы; мы совершенно мирились съ мыслью, что большую часть пути придется идти пѣшкомъ. Зато насъ страшила непогода, хотя по даннымъ намъ свѣдѣніямъ можно было вполнѣ надѣяться на хорошую погоду; вѣдь по нашему стилю наступила только первая половина октября, а въ это время года и у насъ бываетъ недурно, въ это время входитъ въ свои права такъ называемое «бабье лѣто». И мы спѣшили, что-бы воспользоваться хорошими осенними днями въ Швейцаріи.

Послѣ Кемптена путь пролегаетъ по долинѣ, стѣсненной горами, и опускается прямо на югъ до города Именштадта; затѣмъ дорога поворачиваетъ на западъ по направленію къ Боденскому озеру. Не смотря на то, что мѣстность принимаетъ все болѣе горный характеръ, ѣхать здѣсь велосипедисту очень удобно: шоссе прекрасное, а спуски и подъемы неособенно крутые. Мы безъ особаго труда ѣхали со скоростью 20 километровъ въ часъ, не считая времени, которое уходило, когда мы останавливались, или когда шли пѣшкомъ. Помнится, что послѣ Кемптена мы впервые услыхали за горой, на которую подымались, трезвонъ колоколовъ. Я подумалъ, что за горой находится населенное мѣсто и что какое-нибудь праздничное событіе вызываетъ этотъ колокольный трезвонъ. Но поднявшись на гору, я вмѣсто населеннаго мѣста повстрѣчалъ съ полсотни коровъ съ привязанными къ шеѣ колоколами; нѣкоторыя изъ этихъ звенящихъ орудій были неимовѣрной величины и казались немногимъ меньше обыкновеннаго ведра. Лазя по горамъ, коровы каждымъ движеніемъ производятъ колокольный звонъ, который, положительно, веселитъ мѣстность; къ этому

слѣдуетъ прибавить, что звукъ колоколовъ мягкій, пріятный, и, сливаясь въ одинъ общій гулъ, онъ далеко и пріятно разносится по окрестности.

Приближаясь къ Швейцаріи и находясь уже километрахъ въ сорока отъ Боденскаго озера, мы были удивлены, увидѣвъ снѣгъ, тонкимъ слоемъ покрывшій невысокіе холмы, между которыми извивалась наша дорога. Мы еще не были на такой высотѣ, на которой раннее появленіе снѣга не представляетъ ничего необычнаго. Но снѣгъ въ долинахъ въ первой половинѣ октября представлялся намъ чѣмъ-то ненормальнымъ. Впрочемъ, онъ гармонировалъ съ состояніемъ воздуха; было пронзительно холодно, и небо заволоклось сѣрыми тучами, отъ которыхъ вѣяло зимой и холодомъ. На наше счастье, вѣтеръ былъ попутный, и мы, не чувствуя его рѣзкаго дыханія, ѣхали по хорошему шоссе достаточно быстро и безпрепятственно. Мы подгоняли нашъ пріѣздъ въ Линдау къ 3 часамъ дня, такъ какъ въ 4 часа уходилъ пароходъ на другую сторону озера въ швейцарскій городъ Романсхорнъ. Намъ хотѣлось воспользоваться этимъ пароходомъ, чтобы перебраться въ Швейцарію.



ПИСЬМО XXIII.

Мы были всего въ километрахъ 40 отъ Линдау, когда сразу полилъ на землю сильный, проливной дождь. Наши плащи не могли насъ защитить отъ ливня, и мы рѣшили остановиться въ первомъ убѣжищѣ для странниковъ. Таковымъ оказался небольшой двухъэтажный домъ, стоявшій у дороги. Въ маленькой комнатѣ, пріютившей насъ

съ нашими велосипедами, находился пожилой человѣкъ, у ногъ котораго лежала большая сумка. Вступивъ съ нимъ въ разговоръ, мы узнали, что онъ мѣстный почтальонъ. Въ 70-хъ годахъ онъ участвовалъ во Франко-Прусской войнѣ, и у него осталось очень живое воспоминаніе о стремительности и отчаянной храбрости французовъ. Въ его словахъ не выражалось вражды къ побѣжденному, но всегда мощному врагу нѣмцевъ; это были самыя равнодушныя воспоминанія. Съ поля битвы этотъ старикъ-баварецъ возвратился цѣлымъ и невредимымъ, а теперь, на старости лѣтъ, онъ ежедневно долженъ, неся на плечахъ сумку съ письмами и газетами, обойти по горамъ извѣстное число деревушекъ и отдѣльныхъ домовъ, вслѣдствіе чего ему ежедневно предстоитъ прогулка въ 28 километровъ. За этотъ трудъ онъ получаетъ на наши деньги около 20 рублей въ мѣсяцъ. Старикъ баварецъ пилъ изъ поданнаго ему стакана мѣстное вино и курилъ отвратительную сигару; намъ подали кофе, сливки и обширныхъ размѣровъ кусокъ швейцарскаго сыру, который, вѣроятно, оказался-бы способнымъ вызвать умиленіе гастрономовъ. Мы же отнеслись къ нему по-варварски, превративъ эту тонкую закуску въ единственное кушанье, которое должно было составить на этотъ день нашъ обѣдъ.

Мы всѣ трое, загнанные дождемъ подъ кровлю, съ унынiемъ поглядывали на окна, въ которыя немилосердно и учащенно били крупныя капли дождя. Наконецъ старикъ-баварецъ поднялся съ мѣста, проговорилъ, махнувъ рукою, что нѣтъ надежды на прекращеніе дождя, и, распустивъ зонтъ, поплелся по скользкому покрытому водою шоссе.

Оставшись вдвоемъ, мы принялись за обсу-

жденіе нашего положенія. До Линдау оставалось около 40 километровъ; шоссе было скользкое, но каменистое и не грязное; движеніе поэтому по немъ было легкое; оставалась только опасность поскользнуться. Карта указывала всего на одно опасное мѣсто, при спускѣ къ Линдау. Поэтому, мы рѣшили попытать счастье—прокатить подъ дождемъ остававшіеся намъ 40 километровъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы были мокры до послѣдней ниточки; дождь лилъ какъ изъ ведра. Холодъ заставлялъ насъ пренебрегать осторожной ѣздой по скользкому шоссе; мы ѣхали быстро и предполагали проѣхать тихо и осторожно только тогда, когда подъѣдемъ къ указанному на картѣ опасному мѣсту. Часа черезъ два мы въѣзжали въ Линдау, не замѣтивъ этого опаснаго мѣста и не зная, гдѣ оно осталось. Мы, вѣроятно, представляли изъ себя очень смѣшныя фигуры, ибо двѣ дамы, стоявшія у окна и увидѣвшія насъ, покатились отъ хохота, когда мы проѣзжали мимо нихъ. Подъѣхавъ къ гостинницѣ «Линдау», находившейся у самаго Боденскаго озера и вставъ съ велосипедовъ, мы замѣтили, что мы были не только мокры, но и покрыты толстымъ слоемъ грязи положительно съ ногъ до головы. Поэтому мы серьезно стали опасаться, что насъ, столь добросовѣстно вымазанныхъ грязью, не пустятъ въ гостинницу; тогда-бы наше положеніе оказалось дѣйствительно затруднительнымъ. Мы такъ прозябли въ это время, что оставаться еще подъ проливнымъ дождемъ было бы ужъ не въ моготу. Но повидимому здѣсь люди привыкли ко всякаго вида велосипедистамъ; замѣтивъ, что мы озябли и намочены дождемъ, намъ спѣшно открыли двери въ гостинницу, и скоро мы очустились въ обычно холодной, какъ ледникъ, комнатѣ, но въ

ней оказалась желѣзная печь, которую я поспѣшилъ растопить; около нея мы и грѣлись, и сушили нашу пропитанную водою и грязью одежду. Пока мы привели себя въ нѣсколько сносное положеніе, прошло часа три. Пароходъ, которымъ мы хотѣли воспользоваться, чтобы переѣхать въ Романсхорнъ, ушелъ, и намъ пришлось остаться на ночь въ Линдау. Гостиничная прислуга объявила намъ, что сегодня въ 8 часовъ вечера, начнется въ ресторанѣ концертъ странствующей національной труппы. За полчаса до начала концерта мы спустились въ ресторанъ, гдѣ насъ внимательно встрѣтилъ хозяинъ, предложившій карту кушаній и также объявившій, что у него въ этотъ вечеръ состоится концертъ. За право входа на этотъ концертъ публика ничего не платила. Вскорѣ послѣ нашего прихода стала собираться мѣстная публика маленькаго городка; всѣ столики ресторана были заняты собравшимися; не оставалось ни одного свободнаго мѣста въ 2-хъ маленькихъ смежныхъ комнатахъ, составляющихъ ресторанную залу. Собравшееся общество немилосердно дымило, закуривъ отвратительныя сигары. Трудно было въ этомъ дымномъ воздухѣ дышать и еще болѣе смотрѣть: рѣзало больно глаза, какъ будто кто-нибудь бросилъ въ нихъ горсть пепла или песку. Въ назначенный часъ вошли въ залу концертанты; ихъ было 7 человѣкъ; 4 мужчины и 3 женщины; всѣ они оказались вооруженными разными музыкальными инструментами. Занявъ отведенныя имъ мѣста, они сейчасъ же приступили къ игрѣ и пѣнію. Въ залѣ мгновенно воцарилась мертвенная тишина. Эта дисциплина разнородной публики, среди которой было много простого люда, не можетъ не поразить иностранца. До начала игры и пѣнія народъ шумно раз-

говаривалъ, перебрасывался громко словами, но, какъ только начался такъ называемый концертъ, всѣ имѣли видъ, будто они превратились во вниманіе и слухъ. Кончался номеръ концерта, раздавались не особеннно бурные апплодисменты и опять наступала тишина. Но еще болѣе поразили меня концертанты. Въ теченіе 4 часовъ они, съ меленькими перерывами, непрестанно пѣли въ такой дымной атмосферѣ, въ которой положительно трудно было дышать. Каждый изъ публики, казалось, превратился въ огнедышущую гору и, не переставая, пускалъ клубы того одуряющаго и удушливаго дыма, какой получается отъ плохихъ и крѣпкихъ сигаръ.

На слѣдующее утро мы были въ Романсхорнѣ; здѣсь погода приготовила намъ совершенно неожиданный сюрпризъ. Не переставшій дождь превратился въ снѣгъ, который покрылъ всю мѣстность и шоссе настолько толстымъ слоемъ, что ѣзда на велосипедѣ оказалась невозможной. Мы вынуждены были искать убѣжища на первой желѣзнодорожной станціи. Тщетно мы ожидали перемѣны погоды; снѣгъ валилъ, какъ у насъ въ добрую зиму, и скоро весь пейзажъ принялъ зимній видъ. Хорошо памятуя, что въ Швейцаріи зима не наступаетъ въ половинѣ октября, я обратился къ мѣстнымъ жителямъ, прося ихъ разрѣшить мнѣ мое недоумѣніе. Они мнѣ пояснили, что весь этотъ годъ погода у нихъ невѣроятно дождливая, что въ этотъ годъ и лѣтомъ солнца почти не было видно и что вообще болѣе 60 лѣтъ не было такой невѣроятно дурной погоды. Мнѣ совѣтовали воспользоваться поѣздомъ и переѣхать въ Цюрихъ, откуда я предполагалъ повернуть на югъ, чтобы черезъ С.-Готардъ

спуститься въ долину рѣки Роны и держать путь на Женеву. Слѣдуя этому совѣту, мы менѣе чѣмъ черезъ два часа были въ Цюрихѣ, проѣхавъ по желѣзной дорогѣ около 80 километровъ. Въ Цюрихѣ мы получили свѣдѣнія, повергшія насъ въ полное разочарованіе. Намъ пояснили, что предположенный нами маршрутъ на югъ, о которомъ я Вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ, совершенно неосуществимъ, благодаря массѣ выпавшаго снѣга въ горахъ. Мы поняли тогда, что поѣздка по живописнѣйшимъ мѣстамъ Швейцаріи, о которой мы такъ много мечтали, не удалась. Какъ это не было для насъ непріятно, но стихіи не переспоришь, и намъ оставалось только прибѣгнуть къ поѣзду и выбраться изъ области снѣговъ. Мы рѣшили, поэтому, поѣздомъ доѣхать до Лозанны и оттуда продолжать нашъ путь на велосипедахъ, не прямо на Женеву, а кружнымъ путемъ, повернувъ на Веве и проѣхавъ сначала по Савойѣ. Въ виду такого рѣшенія мы взяли билеты до Лозанны, и сами бережно уложили наши велосипеды въ багажный вагонъ. Но мы не долго ѣхали: первый лучъ солнца, прорвавшійся сквозь снѣжныя тучи, побудилъ насъ оставить поѣздъ и попытаться продолжать невольно прерванное велосипедное странствіе. Мы возвратили удивленному кондуктору наши билеты и при первой остановкѣ добыли обратно свои велосипеды изъ багажнаго вагона.

ПИСЬМО XXIV.

Переѣздъ изъ Фрибурга въ Женеву окупилъ наши невзгоды и разочарованія, испытанныя нами въ путешествіи по Швейцаріи. Благодаря безоблачному, солнечному дню, въ теченіе 10 ча-

совъ, на всемъ протяженіи отъ Фрибурга до Женевы, передъ нами смѣнялся рядъ горныхъ пейзажей, одинъ безподобнѣе другого. Швейцарія, избавившаяся на денекъ отъ дождя, тумана и снѣговъ, являла себя во всей своей красѣ.

Помнится, намъ пришлось заночевать во Фрибургѣ. Мы попали во вновь отстроенную гостинницу. Отведенная намъ комната, отоплявшаяся паромъ, привела насъ въ изумленіе; за все время нашего долгаго пути мы единственный разъ во Фрибургѣ нашли жилую комнату, которая напоминала намъ наши русскіе дома. Правда, отведенная намъ комната отоплялась не по нашему, а парами, какъ наши желѣзнодорожные вагоны, но тѣмъ не менѣе въ ней была такая температура, какъ и въ нашихъ комнатахъ. Западно-Европейская привычка жить въ холодныхъ помѣщеніяхъ, болѣе вентилируемыхъ, чѣмъ согрѣваемыхъ имѣющимися въ нихъ каминами, сперва очень непріятна для насъ, русскихъ, привыкшихъ къ нашей (наилучшей изъ всѣхъ выдуманныхъ) простой русской печкѣ. Впрочемъ, побывъ немного за границей, быстро свыкаешься съ этими холодными порядками, и, кажется, они предохраняютъ человѣка отъ простуды: при нихъ не бываетъ рѣзкихъ переходовъ изъ тепла въ холодъ. Для насъ встрѣча съ русскими порядками въ смыслѣ тепла въ комнатѣ, была пріятной неожиданной новинкой; тѣмъ болѣе пріятной, что къ вечеру стало морозить; мы же по-велосипедному были легко одѣты.

Приближаясь къ Фрибургу, я замѣтилъ, что французскій языкъ постепенно вытѣсняетъ нѣмецкій. Такая перемѣна языка была мнѣ на руку; наконецъ-то странствіе привело меня въ земли, гдѣ я могъ быть «человѣкомъ съ языкомъ» и могъ свободно объясняться. Я Вамъ уже писалъ, что

переходъ изъ одного государства въ другое былъ бы совершенно незамѣтенъ, если-бы не существовало пограничной стражи и вообще пограничныхъ обрядностей; нѣтъ рѣзкой разницы въ людяхъ, живущихъ по одну и по другую сторону границы. То же самое впечатлѣніе я вынесъ, переѣхавъ изъ Баваріи въ Швейцарію. И тамъ, и здѣсь оставались европейскіе люди почти съ тождественными привычками, интересами, стремленіями, заботами объ устроеніи своего житья-бытья. Мнѣ говорили, между прочимъ, будто швейцарцы нѣмецкой Швейцаріи относятся къ французамъ съ большей симпатіей, чѣмъ сосѣдніе къ Франціи швейцарцы французской Швейцаріи. Лично я въ этомъ отношеніи не имѣлъ случая наблюдать что-либо подтверждающее такое предположеніе. Но и мнѣ бросилось въ глаза, что швейцарецъ французской Швейцаріи, говорящій по французски, все-таки отличается отъ француза; въ сравненіи съ послѣднимъ онъ менѣе впечатлителенъ, и кажется болѣе апатичнымъ, спокойнымъ и менѣе интеллектуально развитымъ.

Во Фрибургѣ слышится преимущественно французская рѣчь, но къ ней часто примѣшивается нѣмецкій языкъ и рѣже итальянскій. Всѣ эти три языка я слыхалъ, находясь въ ресторанѣ гостинницы, гдѣ, какъ и въ Линдау, давался безплатный концертъ. Здѣсь онъ давался странствующей итальянской труппой; послѣдняя состояла человѣкъ изъ десяти мужчинъ и женщинъ. Все было, какъ въ Линдау, только концертанты были иные: чрезъ ихъ игру и пѣніе пробивался вопль страсти, той не сдержанной, не успокоивающейся и вѣчно стонущей страсти, которая характеризуетъ южныя горячія племена. У баварцевъ все было спокойно, апатично и педантично, отбиваемый тактъ торже-

ствовалъ надъ всякими иными проявленіями. Здѣсь, во Фрибургѣ, на помощь пѣнію приходили разныя тѣлодвиженія и позы, продѣлываемыя исключительно концертантками, между которыми наиболѣе отличалась одна, обращавшая на себя преимущественное вниманіе публики. Послѣ каждаго номера одинъ изъ «артистовъ» съ тарелочкой въ рукѣ обходилъ, и кое-что ему перепадало отъ доброхотныхъ приношеній. Я усѣлся съ моимъ пріятелемъ Г—вымъ за небольшимъ столикомъ; рядомъ со мной помѣстились два швейцарца, одѣтые въ традиціонныя французскія синія блузы. Оба пришли послушать концертъ; старшій изъ нихъ привелъ съ собой двухъ маленькихъ дѣвочекъ—своихъ дочерей. Онъ былъ, повидимому, простой рабочій; его поношенная одежда, его скромное требованіе въ ресторанѣ подать ему стаканъ бѣлаго вина, стоившій на наши деньги 2 или 3 копейки, обнаруживалъ въ немъ человѣка, которому рокъ судилъ имѣть счетъ съ нуждой. Онъ пришелъ отвести хоть немного душу музыкой, дѣйствующей обычно на человѣка ободрительно. Его маленькія дочери лѣтъ 8—10 сопровождали своего отца; дѣти скромно усѣлись на одномъ стулѣ вмѣстѣ и боязливо окидывали взоромъ окружающую ихъ обстановку. Онѣ видѣли, что всѣ что-нибудь себѣ заказывали, ѣли, пили, только имъ ничего не перепадало. Хоть Швейцарія республика и всѣ въ ней равны, тѣмъ не менѣе и на ея территоріи господствуетъ повсемѣстные ресторанные законы: кто больше ѣстъ, пьетъ и, такимъ образомъ, обнаруживаетъ наклонность больше заплатить, тотъ попадаетъ въ ресторанѣ въ первые люди; на остальныхъ же ложится репутація плохенькихъ людей, на которыхъ ресторанные люди не обращаютъ вниманія. Вотъ по-

чему мой сосѣдъ въ поношенной блузѣ третировался нѣсколько свысока, и онъ съ своими маленькими дѣвочками казался совершенно незамѣтнымъ; прислуга проходила мимо него безъ всякой надежды на заработокъ и на его обращеніе не подбѣгала съ трепетной торопливостью. Бѣдныя же дѣвочки, бросая исподлобья взгляды по сторонамъ, въ концѣ-концовъ, остановили свои дѣтскіе глаза на поданной мнѣ большой вазѣ, наполненной разнообразными вкусными и сочными фруктами. Пользуясь перерывомъ концерта, я высыпалъ передъ дѣтьми фрукты изъ вазы и просилъ малютокъ распорядиться этимъ угощеніемъ по своему усмотрѣнію; онѣ покраснѣли, смутились и глазами обратились къ своему отцу, какъ бы ожидая, что онъ ихъ выведетъ изъ затрудненія. Къ послѣднему обратился и я, прося его убѣдить дѣтей взять фрукты; онъ исполнилъ мое желаніе, и дѣти, кажется, не безъ удовольствія повиновались такому требованію. Но фруктовъ они не съѣли; на мой вопросъ, почему не кушаютъ, они совсѣмъ просто отвѣтили, что у нихъ больная мать, которой онѣ хотятъ отнести эти вкусные фрукты. Этотъ фактъ остался прочно въ моей памяти, благодаря нѣкоторымъ послѣдующимъ моимъ наблюденіямъ. Посѣщая первоначальныя школы, я замѣтилъ отчасти въ Женевѣ и особенно во Франціи ярко выраженную тенденцію первоначальнаго воспитанія—развить въ дѣтяхъ и крѣпить чувство неограниченнаго почтенія и любви къ родителямъ и горячую привязанность къ семьѣ. Вслѣдствіе этого напрашивался вопросъ: встрѣтившійся мнѣ случай трогательной заботливости маленькихъ дѣтей о своей больной матери не былъ ли однимъ изъ первыхъ подарковъ новаго школьнаго воспитанія, стремящагося къ моральному просвѣщенію

дѣтей? Впрочемъ, объ этомъ предметѣ я надѣюсь побесѣдовать съ Вами подробнѣе въ будущемъ. Теперь же продолжаю прерванное сообщеніе. Старикъ щвейцарецъ, побывъ часикъ въ концертѣ, ушелъ домой. Другой мой сосѣдъ въ синей блузѣ оказался зажиточнымъ человѣкомъ; онъ занимается доставленіемъ въ Россію нѣкоторымъ польскимъ землевладѣльцамъ породистаго рогатаго скота, вслѣдствіе чего онъ часто посѣщалъ наши западныя губерніи; онъ сообщилъ намъ, что онъ только наканунѣ пріѣхалъ изъ Россіи и вновь собирается везти туда нѣсколько экземпляровъ скота улучшенной породы. Хотя мы и засидѣлись на концертѣ, но рѣшили на утро, до восхода солнца, выѣхать по направленію къ Лозаннѣ и держать путь на Женеву.

ПИСЬМО XXV.

Я уже писалъ Вамъ въ прошломъ письмѣ, что переѣздъ изъ Фрибурга въ Женеву былъ очень удачнымъ. Вставши до восхода солнца и взглянувъ чрезъ окно на небо, мы съ большимъ удовольствіемъ замѣтили, что на немъ не было ни одного облачка. Наскоро одѣвшись и выпивъ по стакану кофе, мы поспѣшили оставить гостинницу, чтобы, какъ можно раньше, начать наше путешествіе.

Когда мы сѣли на велосипеды, на дворѣ стало уже совсѣмъ свѣтло, но солнца мы не могли видѣть: его заслонила вѣчно снѣжная вершина высокой горы, оставшейся позади насъ. Вслѣдствіе этого мы долго оставались въ тѣни, но это не

мѣшало намъ видѣть игру утреннихъ лучей восходящаго солнца, упадавшихъ изъ-за горы на вершины высокаго кряжа горъ, окутаннымъ свѣжевыпавшимъ снѣгомъ. Въ воздухѣ царила неизвѣстная намъ, обитателямъ славящейся вѣтрами степи, тишина; казалось, что въ атмосферѣ замерли всякія колебанія. Не смотря на порядочный морозъ, сковавшій грязь, покрывшій легкимъ слоемъ льда лужи съ водой, горный воздухъ былъ безподобенъ, имъ легко дышалось, онъ казался напоеннымъ какимъ-то веселящимъ газомъ. При такой тишинѣ морозъ не былъ чувствителенъ; не смотря на легкую одежду, мы не зябли и ѣхали, не торопясь. Въ долинахъ выпавшій снѣгъ достаточно толстымъ слоемъ держался на травѣ, но на шоссе онъ быстро стаялъ; покрытое пескомъ шоссе столь же быстро впитало воду и, затѣмъ замерзши, представляло изъ себя очень хорошій путь для велосипедиста. Но зато при выѣздѣ изъ долинъ на возвышенныя мѣста и въ лѣсахъ ѣзда на велосипедѣ стала совсѣмъ невозможной. Тамъ снѣгъ не успѣлъ потаять и лежалъ толстымъ замерзшимъ слоемъ, вслѣдствіе чего въ такихъ мѣстахъ приходилось идти пѣшкомъ и тащить велосипедъ по снѣгу. Встрѣчавшіеся на дорогѣ путники сообщали намъ, что до города Лозанны намъ придется постоянно считаться съ такого рода препятствіями. Но, благодаря хорошей погодѣ, эти препятствія не создавали большихъ затрудненій, ибо они измѣняли только родъ прогулки: вмѣсто того, чтобы ѣхать на велосипедѣ, мы въ горахъ шли пѣшкомъ. Такимъ образомъ, намъ пришлось пройти около 15—20 километровъ; остальные 60—65 километровъ до Лозанны мы ѣхали на велосипедахъ. Пейзажъ, представлявшійся нашимъ глазамъ, оказался въ высшей степени оригинальнымъ: вся мѣст-

ность была покрыта свѣже-выпавшимъ толстымъ слоемъ снѣга ослѣпительной бѣлизны; этотъ бѣлый пушистый снѣгъ и морозный воздухъ создавали обстановку, соотвѣтствующую зимѣ; казалось, что холодная гостья вступила во всѣ свои права, и въ тоже время получавшееся впечатлѣніе разрушилось видомъ лѣса, не лишившагося еще своей зеленой листвы, и особенно видомъ нѣкоторыхъ фруктовыхъ деревьевъ, увѣшанныхъ фруктами. Словомъ, пейзажъ представлялъ собою странную картину смѣшавшагося лѣта и зимы. Такія картины, казалось, могутъ встрѣтиться только на полотнѣ художниковъ—декадентовъ самой чистой воды; но, повидимому, природа такъ всеобъемлюща, что въ ней, кажется, можно найти и декадентскіе моменты.

Часамъ къ десяти утра поднялся сильный западный вѣтеръ; онъ былъ холоденъ, рѣзокъ, силенъ и препятствовалъ нашей ѣздѣ. Врядъ ли онъ чѣмъ-либо отличался отъ обычно свирѣпствующаго въ нашихъ мѣстахъ восточнаго вѣтра, имѣющаго свою печальную репутацію. Какъ только поднялся вѣтеръ, сразу исчезъ поразившій меня утромъ чудный горный воздухъ. Стало совсѣмъ такъ, какъ и у насъ бываетъ при сильномъ вѣтрѣ; съ одной стороны грѣло теплое солнце, съ другой стороны пронизывалъ холодный рѣзкій вѣтеръ; на солнцѣ таяло, въ тѣни же морозъ держался крѣпко.

Къ двумъ часамъ дня мы стали спускаться къ Лозаннѣ, и вдали заблистали чистыя воды Женевскаго озера, вѣтеръ слегка взволновалъ его поверхность, которая то ярко блестѣла, когда съ высокаго голубого неба солнце разливало на ней свои свѣтлые лучи, то становилась темной и мрачной, когда гонимыя вѣтромъ тучи закрывали

солнце. Мы долго любовались открывавшейся намъ чудной картиной, совмѣстившей и снѣжныя горы, и лѣса, и живописное озеро.

Спускаясь съ горъ къ озеру, мы замѣтили рѣзкое измѣненіе температуры; чѣмъ мы ниже опускались, тѣмъ становилось теплѣе; на послѣднемъ спускѣ съ горъ, приводившемъ къ самому озеру, уже не было слѣдовъ мороза; къ нашему огорченію здѣсь шоссе становилось неудобнымъ, покрытымъ грязью, которую избороздили колеса экипажей.

Около 2-хъ часовъ дня мы выѣхали въ Лозанну; нашъ путь пролегалъ черезъ небольшую площадку, по которой осторожно двигались наполненные публикой вагоны электрическаго трамвая. Пріѣздъ изъ горъ въ Лозанну какъ бы перенесъ насъ въ совершенно другой климатъ; здѣсь было тепло, даже жарко; снующая, жужжащая публика обоего пола, одѣтая по-лѣтнему, настежь открытыя въ домахъ окна, ярко горячее солнце, все это производило впечатлѣніе лѣта, и съ трудомъ вѣрилось, что всего съ часъ тому назадъ пришлось быть въ снѣгахъ, испытывать морозъ, словомъ, находиться въ совершенно зимнихъ условіяхъ. Такія рѣзкія и быстрыя перемѣны обыкновенно случаются только во снѣ. По первоначальнымъ нашимъ предположеніямъ мы думали сдѣлать стоянку въ Лозаннѣ. Но, пріѣхавъ сюда, мы измѣнили нашъ проектъ; мы рѣшили оставить поѣздку въ Савойю и держать путь по-надъ озеромъ прямо въ Женеву; тамъ я хотѣлъ увидѣть прежде всего близкихъ своихъ родственниковъ, временно проживающихъ въ Женевѣ; они могли меня ожидать, такъ какъ я извѣстилъ ихъ о своей поѣздкѣ, находясь еще въ Австріи.

Въ Швейцаріи мы впервые встрѣтили на доро-

гахъ такъ называемые указатели пути (indicateurs): при выходѣ шоссе изъ города и при перекрещеніи дорогъ стоятъ столбы съ прикрѣпленными къ нимъ дощечками, на которыхъ четко написаны названія ближайшихъ деревень и городовъ, чрезъ которые пролегаетъ та или иная изъ встрѣчающихся дорогъ; такимъ образомъ путнику не представляется необходимости разспрашивать встрѣчныхъ, какая изъ дорогъ ведетъ въ желаемомъ для него направленіи. Поэтому здѣсь возможно движеніе и ночью, когда всѣ спятъ и никто не встрѣчается на дорогахъ, ибо при скрещиваніи дорогъ достаточно бросить свѣтъ велосипеднаго фонаря на дощечку, и тогда не трудно прочитать, куда приведетъ та или другая дорога. Принимая во вниманіе такія удобства, мы рѣшили пользоваться выпавшими часами хорошей погоды и ѣхать, не останавливаясь, до самой Женевы, хотя бы насъ захватила и ночь. Оставивъ Лозанну, мы попали на убійственное шоссе: изрытое съ затвердѣвшими глыбами грязи оно исключало возможность ѣхать по немъ на велосипедѣ. Мы кое-какъ пробирались по боковымъ тропинкамъ и часто шли пѣшкомъ. Дулъ сильный вѣтеръ въ лицо и очень затруднялъ движеніе на велосипедѣ: но здѣсь вѣтеръ былъ теплый и не отличался той рѣзкостью, какой онъ насъ поразилъ нѣсколькими часами ранѣе, когда мы находились въ горахъ. Послѣ Лозанны стали часто встрѣчаться велосипедисты. Насъ нѣсколько удивила встрѣтившаяся намъ парочка; онъ и она шли, обнявшись; правой рукой онъ обнималъ ее, лѣвой тащилъ изящный малоподержанный тандэмъ; онъ сохранялъ бравую осанку; парочка казалась подозрительной: это была или новенькая съ иголочки законная пара, справлявшая медовый мѣсяцъ, или просто влюбленная парочка.

Километрахъ въ пяти отъ Лозанны мы нагнали одного юношу велосипедиста; онъ тоже ѣхалъ въ Женеву. Я обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами, и мы согласились ѣхать вмѣстѣ. Километрахъ въ десяти отъ Лозанны шоссе стало превосходнымъ, лучшимъ, какое можетъ желать велосипедистъ. Мы всѣ трое, несмотря на противный вѣтеръ, развили порядочную скорость. До Женевы оставалось около 60 километровъ.

ПИСЬМО XXVI.

Нашъ путь отъ Лозанны до Женевы все время вился невдалекѣ отъ берега Женевскаго озера и проходилъ черезъ часто встрѣчавшіеся небольшіе города: Mornes, Rolle, Nyon, Coppet и др. За ничтожными исключеніями подъемовъ на пути не встрѣчается, что позволяло намъ, несмотря на сильный противный вѣтеръ, быстро переѣзжать изъ одного маленькаго городка въ другой. Нашъ случайный попутчикъ предупредилъ насъ, когда мы подъѣзжали къ городку Rolle, что черезъ этотъ городъ ѣхать на велосипедѣ воспрещено. Недавно въ этомъ городкѣ велосипедистъ попалъ подъ экипажъ и былъ раздавленъ до смерти. Впечатлительный муниципалитетъ издалъ послѣ этого обязательное постановленіе, воспрещающее по городу ѣзду на велосипедѣ, что и объявлено громадной афишей, которой, впрочемъ, мы не замѣтили бы, если-бъ нашъ случайный попутчикъ не обратилъ на нее нашего вниманія. Хорошо, что не всѣ муниципалитеты столь чувствительны, иначе почти по всѣмъ городамъ велосипедному страннику пришлось бы идти пѣшкомъ, ибо вездѣ, гдѣ есть большое движеніе, велосипедистовъ понемногу давятъ.

Въ этотъ день, спѣша въ Женеву, мы не сдѣлали привала и почти ничего не ѣли. Проѣзжая мимо ресторановъ, мы почти на ходу подкрѣплялись какимъ-нибудь бутербродомъ и стакановъ вина. Чувствовали мы себя бодро и не замѣчали признаковъ усталости. Только подъ конецъ этого дня мы чуть не пострадали, сдѣлавшись жертвой собственнаго любопытства.

Мы замѣтили, что мѣстные жители усердно пили какое-то мутное сѣрое вино. Нашъ спутникъ пояснилъ намъ, что это молодое вино, полученное изъ винограда послѣдняго осенняго сбора. Уподобляясь путешественникамъ, которые стремятся ознакомиться со всякой новинкой, встрѣчающейся на пути, Г-въ и я выпили по большому стакану этой мутной кисленькой влаги. Напитокъ показался пріятнымъ, но едва мы оставили ресторанъ, какъ почувствовали себя неважно. Опьянѣнія не было, но получилось какое-то преподлое состояніе, которое я назвалъ бы предвкушеніемъ морской болѣзни. Силы меня покидали, я едва вскарабкался на велосипедъ и неясно помню, какъ я на немъ держался нѣкоторое время. Въ такомъ полуопьяненномъ состояніи я пребывалъ съ полчаса, автоматически нажимая ногами на велосипедныя педали. Затѣмъ быстро наступило прояснѣніе. Хотя мы и спѣшили, но ночь захватила насъ километрахъ въ 15 отъ Женевы. Нашъ попутчикъ указалъ намъ на необходимость зажечь фонари въ виду того, что это строго требуется мѣстными властями. Мы тщетно пытались быть послушными распоряженію властей, ибо, во-первыхъ, у одного изъ насъ совсѣмъ не было фонаря, а у другого вѣтеръ поминутно задувалъ огонь; нашъ попутчикъ имѣлъ фонарь, лучше боровшійся съ вѣтромъ, но въ концѣ концовъ и онъ погасъ. Между тѣмъ, на

дворѣ стало темно, хоть глазъ выколи. Путь изъ Лозанны въ Женеву представлялъ въ сущности прекрасную аллею, обсаженную деревьями и кустами, и потерять его даже въ темнотѣ было невозможно, поэтому, разсчитывая, что «авось» насъ власти не примѣтятъ, мы безшумно, не зажигая фонарей, продолжали наше движеніе. Небо заволокло тучами, и настала черная осенняя ночь; ничего не было видно; только шумъ отъ плеска волнъ давалъ намъ знать, что путь нашъ по прежнему лежалъ по берегу озера. Темнота ночи вдругъ прорѣзалась заблиставшимъ вдали бѣлымъ электрическимъ свѣтомъ; нашъ попутчикъ объяснилъ намъ, что это видно освѣщеніе Женевы, и дѣйствительно, черезъ какихъ-нибудь минутъ двадцать мы выбрались изъ темноты и очутились на прекрасной набережной, ярко освѣщенной электрическими фонарями; по правую руку начался рядъ большихъ домовъ. Вѣтеръ здѣсь не былъ такъ силенъ, озеро лѣниво колебалось, и его безшумныя волны красиво отражали свѣтъ электрическаго солнца, поставленнаго на набережной. По городу мы не рѣшались ѣхать, не имѣя зажженныхъ фонарей, намъ совсѣмъ не желалось вступить въ принудительныя сношенія съ женевской полиціей. Поэтому мы шли пѣшкомъ и катили съ собою велосипеды, что дозволено дѣлать, хотя бы послѣдніе были безъ фонарей. Я былъ освѣдомленъ, что мои родственники живутъ въ гостинницѣ, носившей названіе «Hôtel de la Paix» и поэтому рѣшилъ въ этотъ же вечеръ ихъ розыскать. По привычкѣ я зналъ, что извѣстныя гостинницы обыкновенно расположены около центра города и вслѣдствіе этого, находясь на набережной, я полагалъ, что разспрашивать встрѣчную публику, гдѣ находится Hôtel de la Paix, преждевременно;

набережная находилась въ началѣ города, а самый центръ города былъ расположенъ, какъ мнѣ показалось почью, далеко впереди. Продолжая шествовать по набережной, я нечаянно замѣтилъ на одномъ большомъ домѣ вывѣску съ названіемъ отыскиваемой мною гостинницы. Я подошелъ къ этому дому и, поставивъ велосипедъ, поднялся на невысокое крыльцо къ стеклянной двери. Я увидѣлъ черезъ нее обширный вестибюль; въ немъ стояло много кругленькихъ столиковъ, за которыми сидѣла публика, курившая сигары и пившая черное кофе. За однимъ столикомъ я примѣтилъ мою сестру, брата и его жену. Когда я, не спѣша, обозрѣвалъ черезъ стеклянную дверь освѣщенную комнату и публику, швейцаръ меня замѣтилъ и, быстро отворивъ дверь, обратился ко мнѣ строго съ вопросомъ: «Que desirez-vous, monsieur?»

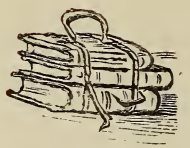
Выбитый, такимъ образомъ, изъ своей наблюдательной позиціи, я быстро двинулся предъ удивленнымъ швейцаромъ и скорымъ шагомъ подошелъ къ столику, за которымъ мирно пили кофе послѣ обѣда мои родные. Я былъ сразу узнанъ, но не сразу признанъ: меня не ожидали; думали, что дурная погода заставитъ Г-ва и меня отказаться отъ нашего велосипеднаго странствія. Былъ 8-й часъ вечера вначалѣ, когда мы пріѣхали въ Женеву; въ этотъ день мы противъ вѣтра и частью по снѣгу и по грязи преодолѣли разстояніе въ 150 километровъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ мы не чувствовали утомленія.

Спѣшно пообѣдавъ, Г-въ и я, въ сопровожденіи моихъ родныхъ, отправились въ городъ, съ цѣлью посмотрѣть кинематографъ. Посредствомъ этой новѣйшей выдумки въ это время въ Женевѣ изображались нѣкоторые моменты пребыванія

Русской Царственной Четы во Франціи. Такимъ образомъ, мы видѣли прибытіе Государя въ Шербургъ, шествіе Царственнаго поѣзда по Парижу и смотръ войскамъ въ Шалонѣ.

Публики, собравшейся смотрѣть кинематографъ, было много, и она шумно апплодировала послѣ каждой картины. Посѣщеніе Франціи Русскимъ Монархомъ продолжало оставаться фактомъ, вызывавшимъ большой общественный интересъ; объ этомъ событіи продолжали говорить, хотя уже прошло въ то время болѣе 2-хъ недѣль послѣ знаменательныхъ празднествъ во Франціи. Мнѣ говорили, что швейцарское общественное мнѣніе не раздѣляло восторженнаго настроенія всей Франціи. Въ этомъ отношеніи дали себя почувствовать понятія и представленія, которыя часто кажутся людямъ вѣчно непогрѣшимыми, а на самомъ дѣлѣ являютъ изъ себя отраженіе вкусовъ извѣстнаго и часто короткаго промежутка времени и могутъ служить удостовѣреніемъ ограниченности тѣхъ, кто въ этихъ временныхъ понятіяхъ видитъ послѣднее слово мудрости. Невиданная ранѣе картина торжественнаго и грандіознаго пріема республикой Монарха приводила въ смущеніе республиканскія убѣжденія нѣкоторой части швейцарскаго общества. Мумифицировавшіяся*) отъ времени понятія не допускали такихъ картинъ, и новизна факта ударила по застарѣвшимъ представленіямъ; эти послѣднія, задѣланныя въ ограниченныя, заплѣснѣвшія отъ времени, рамки закрывали доступъ къ пониманію, что единенію народовъ форма правленія можетъ не создавать препятствій, и что жизнь идетъ своей широкой дорогой, игнорируя тѣ жиденькія идеи и «направленія», въ которыя самомнящіе праздноглагольствующіе политиканы хотятъ ее заключить.

*) Обращающіяся въ муміи.



ПИСЬМО XXVII.

Пріѣхавъ въ Женеву, я имѣлъ въ виду остаться тамъ съ недѣлю и воспользоваться этимъ временемъ для осмотра мѣстныхъ первоначальныхъ школъ (écoles primaires), соотвѣтствующихъ нашимъ народнымъ училищамъ. Меня особенно интересовали два вопроса въ дѣлѣ школьнаго преподаванія. Во-первыхъ, мнѣ любопытно было прослѣдить, какъ на практикѣ выразилась идея, добытая новѣйшей педагогической теоріей, о необходимости воспитанія, согласованнаго съ изученіемъ психологическихъ свойствъ души ребенка, и хотѣлось, въ то же время, посмотрѣть, какимъ образомъ осуществляется на практикѣ основное требованіе современной педагогики о томъ, что воспитаніе и образованіе должны исключительно сводится къ саморазвитію ребенка, не причиняя ему страданій ни въ малѣйшей степени. Словомъ, мнѣ казалось интереснымъ понаблюдать, какой всходъ дали добрыя сѣмена, посѣянныя такими благородными тружениками, какъ отецъ современной педагогики, Генрихъ Песталоци, Фребель и Спенсеръ, выразившій свои мысли о воспитаніи въ замѣчательной книгѣ, озаглавленной «Education». —Я врядъ ли преувеличиваю, утверждая, что эта книга, объединяющая новѣйшія педагогическія положенія и требованія, есть замѣчательное и въ то же время практически удобное руководство для всякаго педагога, семьянина и вообще всякаго человѣка, соприкасающагося съ вопросомъ о лучшей системѣ обученія и воспитанія. Отраженіе теоретическихъ идей по педагогикѣ на практикѣ преподаванія и воспитанія, установившейся въ какой-нибудь маленькой неизвѣстной школѣ, пред-

ставляло для меня всегда интересное наблюденіе во время моего странствія по Швейцаріи, Франціи и Англіи. Но я забѣгаю; объ этомъ скажу Вамъ своевременно. Во вторыхъ, меня особенно интересовало введенное въ западно-европейскія первоначальныя школы обученіе элементарнѣйшимъ даннымъ о правѣ и морали, такъ называемое «instruction civique et morale». Этимъ особеннымъ интересомъ я обязанъ Вамъ, ибо Вы первый, во время одной изъ нашихъ бесѣдъ, бросили идею о необходимости въ настоящее время ознакомливать населеніе черезъ народную школу съ дѣйствующими законами и съ учрежденіями страны. Вы знаете, я подхватилъ эту идею: кажется, я Вамъ послалъ по этому вопросу свой докладъ М-му земскому собранію, принятый сочувственно этимъ послѣднимъ. Конечно, сейчасъ же нашлись люди, объявившіе мысль объ элементарномъ ознакомленіи учениковъ народной школы по преимуществу съ узаконеніями и порядками, нормирующими жизнь сельскаго населенія, непозволительной утопіей. Обыкновенно на автора проводимой имъ мысли такіе рѣшительные приговоры, въ извѣстной мѣрѣ, дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ—является мысль: «вѣроятно, увлекся, со стороны виднѣе; правильнѣе бы отказаться отъ своей мысли, какъ безполезной» и т. д. Правда, опытъ съ годами научаетъ, что такіе приговоры являютъ изъ себя не всегда строго обдуманное слово; иной разъ такіе приговоры вылетаютъ то какъ праздное, то какъ самомнящее фразерство.

Но какъ бы то не было, я и заинтересовался, и просто обрадовался, увидѣвъ въ первоначальныхъ школахъ Швейцаріи, Франціи и Англіи старательнѣйшую заботу и законодателя, и педагоговъ ознакомить ученика съ дѣйствующими уза-

коненіями и учрежденіями страны. Во Франціи и въ Англіи instruction civique et morale стоитъ на первомъ планѣ; такой порядокъ вещей установился съ начала 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Мнѣ удалось достать книги и учебники, практикующіеся въ первоначальныхъ школахъ женевскаго кантона, Франціи и Англіи. Французскіе и англійскіе учебники замѣчательны по своему содержанію и по приспособленности къ свойствамъ дѣтскаго ума и дѣтскаго интереса. По вопросу объ instruction civique et morale мнѣ пришлось дѣлать сообщеніе въ частномъ кружкѣ; оно мною возстановлено, и я пытаюсь его напечатать. Если осуществленію этого моего предпріятія не воспрепятствуютъ условія, внѣ меня лежащія, то я Вамъ пришлю напечатаннымъ свое сообщеніе, и поэтому я теперь пріостановлюсь съ сообщеніемъ данныхъ объ instruction morale et civique.

Я опять забѣжалъ впередъ; въ порядкѣ хронологическаго сообщенія мнѣ слѣдовало бы поставить вопросъ, интересующій странника при его попыткѣ проникнуть въ какое-нибудь встрѣчающееся ему учрежденіе. Этотъ вопросъ не сложенъ и состоитъ изъ 2-хъ словъ: «какъ проникнуть?». При разрѣшеніи такихъ вопросовъ я имѣлъ кой-какой свой личный опытъ, согласно которому я всегда предпочиталъ непосредственно обращаться къ лицамъ, завѣдующимъ тѣмъ учрежденіемъ, которое я хотѣлъ осмотрѣть. Этотъ опытъ меня убѣдилъ, что такъ всего легче достигается желаемое. Помнится, сейчасъ по окончаніи университета, я попалъ въ иностранный городъ, въ которомъ была замѣчательная тюрьма. Мнѣ очень захотѣлось ее осмотрѣть; я обратился въ наше консульство съ ходатайствомъ о посодѣйствованіи къ проникновенію въ тюрьму. Основаніемъ сво-

его прошенія я выставилъ то обстоятельство, что я изучалъ юридическія науки, какъ это удостовѣрялось паспортомъ, въ коемъ я значился кандидатомъ правъ. «Все это такъ», высоковѣжливо отвѣтилъ мнѣ по-русски элегантно одѣтый господинъ, «но изъ вашего паспорта не видно, что вы спеціально (элегантный господинъ налегъ на послѣднее слово) изучаете тюремный вопросъ; поэтому мы не можемъ съ надеждой на успѣхъ ходатайствовать предъ мѣстнымъ тюремнымъ начальствомъ о допущеніи васъ къ обозрѣнію тюрьмы; вотъ если бы на вашемъ паспортѣ значилось»... Но я его пересталъ слушать, какъ не слушалъ и заключительныхъ высоковѣжливыхъ словъ о горячемъ сожалѣніи въ невозможности удовлетворить мое ходатайство. Получивъ отказъ, я отправился прямо въ тюрьму, разыскалъ контору директора тюрьмы и обратился къ директору съ словесной просьбой о дозволеніи осмотрѣть тюрьму, выставивъ тѣ-же мотивы, что и предъ чиновникомъ нашего консульства. Директоръ не только не заговорилъ высоковѣжливо, но ничего не сказалъ; онъ позвонилъ въ колокольчикъ; изъза двери вышелъ человѣкъ, которому былъ отданъ приказъ пригласить помощника начальника тюрьмы. Послѣдній не замедлилъ явиться, и ему директоръ отдалъ распоряженіе самымъ тщательнымъ образомъ показать мнѣ тюрьму. Вслѣдъ затѣмъ мы ходили по тюрьмѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и, кажется, не было ни одного угла, котораго я не посѣтилъ бы, и по поводу котораго я не получилъ бы самаго подробнаго объясненія.

По окончаніи осмотра я уѣзжалъ изъ города навсегда и очень затруднялся способомъ, какъ отблагодарить моего любезнаго проводника. Принятые имъ безъ жеманства десять франковъ очень

успокоили мою совѣсть. Въ виду такого опыта и нѣсколькихъ ему подобныхъ, я всегда старался обращаться непосредственно къ мѣстнымъ властямъ безъ помощи и покровительства нашихъ агентовъ. Въ данномъ случаѣ, находясь въ Женевѣ, я, кажется, дѣлалъ ошибку, придерживаясь своего опыта, ибо, какъ говорятъ, женевское консульство очень любезно и предупредительно; но здѣсь, благодаря знакомству моей сестры съ проф. Emile Jung, мнѣ открывалась возможность при посредствѣ его получить разрѣшеніе учебнаго начальства посѣтить школы и присутствовать во время преподаванія. Отправившись въ женевскій университетъ, я безъ особаго труда разыскалъ кабинетъ профессора сравнительной анатоміи Emile Jung.

Въ 2-хъ комнатахъ, заставленныхъ скелетами нѣкоторыхъ небольшихъ животныхъ, разными препаратами и шкафомъ съ книгами, никого не было. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего пребыванія въ одиночествѣ въ этихъ комнатахъ, вошелъ мужчина, брюнетъ, въ бѣломъ балахонѣ, наброшенномъ на обыкновенный костюмъ. Это былъ профессоръ, возвращавшійся послѣ работы надъ нѣкоторыми опытами.

Узнавъ о моемъ желаніи посѣтить школы, профессоръ любезно и охотно далъ мнѣ письмо къ своему хорошему знакомому, несшему службу директора первоначальныхъ школъ Женевы.

ПИСЬМО XXVIII.

Заручившись письмомъ проф. Jung, я на другой день, ранѣе 8 часовъ утра находился уже въ

школѣ. Безъ всякихъ затрудненій я былъ допущенъ къ директору первоначальныхъ училищъ Женевы; онъ, узнавъ о моемъ желаніи, познакомилъ меня съ однимъ изъ старшихъ преподавателей посѣщенной мною школы г. Фавромъ. Для меня это было очень интересное и полезное знакомство. Г. Ф—ръ опытный знающій педагогъ и, какъ это часто случается на Западѣ, весь преданный своему дѣлу, ставшему главной жизненной цѣлью; его отношеніе къ педагогическимъ своимъ занятіямъ представляло тотъ счастливый случай, когда несомый человѣкомъ трудъ, исполненіе имъ своихъ обязанностей становится цѣлью жизни, а не только ея средствомъ. Кромѣ преподавательскихъ обязанностей, г. Ф—ръ несетъ на себѣ трудъ, какъ издатель педагогическаго журнала «l'Educateur» и какъ корреспондентъ одного тоже педагогическаго журнала, издаваемаго въ нѣмецкой Швейцаріи на нѣмецкомъ языкѣ. Въ началѣ моего ознакомленія съ школой меня нѣсколько смущало то обстоятельство, что г. Ф—ръ ради меня оставилъ преподаваніе въ своемъ классѣ; несмотря на то, что проходили часы во время бесѣдованія со мною и хожденія по школѣ, мой любезный проводникъ не выражалъ намѣренія возобновить прерванныя занятія въ классѣ и оставить что-нибудь мнѣ не показаннымъ, не объясненнымъ. Онъ только сказалъ мнѣ, что въ одинъ день мы не успѣемъ всего разсмотрѣть и назначилъ часы встрѣчъ, въ послѣдующіе два дня.

Въ Женевскомъ кантонѣ Швейцаріи первоначальное обученіе дается послѣдовательно въ такъ называемыхъ écoles enfantines, écoles primaires и écoles complémentaires (дѣтскія первоначальныя дополнительныя школы). Обученіе въ названныхъ школахъ даровое и обязательное для дѣтей въ возрастѣ

отъ 6 до 15 исполнившихся лѣтъ. Обязательность распространяется не только на швейцарскихъ подданныхъ, но вообще на всѣхъ, живущихъ въ Швейцаріи. Уклоненіе отъ исполненія требованія закона объ обязательномъ обученіи сопровождается въ 1-й разъ штрафомъ отъ 2-хъ до 5 франковъ, во 2-ой разъ штрафомъ отъ 5 до 50 франковъ и въ 3-ій разъ арестомъ виновнаго; если онъ иностранецъ, его могутъ удалить изъ предѣловъ Швейцаріи. Впрочемъ, этотъ законъ не имѣетъ примѣненія, ибо всѣ лица, на коихъ лежитъ попеченіе о дѣтяхъ, будь то родители или опекуны, безъ всякаго посторонняго давленія, обычно преисполнены заботъ объ обученіи и воспитаніи дѣтей. Кромѣ того, въ Женевскомъ кантонѣ законъ дозволяетъ отнимать у родителей дѣтей и отдавать ихъ на воспитаніе въ общественныя учрежденія, разъ компетентная коллегіальная власть признаетъ, что родители неспособны дать дѣтямъ такую обстановку, которая способствуетъ выработкѣ изъ ребенка будущаго добропорядочнаго гражданина. Благодаря такому закону, всѣ пропойцы, гуляки, безшабашные люди, если они имѣютъ несчастье быть родителями, могутъ лишиться своихъ дѣтей, ибо создаваемая ими домашняя обстановка врядъ-ли можетъ благотворно дѣйствовать на душу ребенка. Въ смыслѣ выбора способовъ обученія дѣтей законъ не налагаетъ никакого стѣсненія: въ Швейцаріи обученіе свободное. Отъ желанія родителей или ихъ замѣстителей зависитъ, чтобы дѣти обучались въ государственномъ училищѣ или въ частной школѣ, или на дому. Въ извѣстномъ возрастѣ только дѣти должны выдержать экзаменъ и обнаружить опредѣленныя закономъ знанія, извѣстное развитіе. Конечно, обязательность обученія не падаетъ на

дѣтей, больныхъ, на признанныхъ идіотами, на глухо нѣмыхъ и т. д. Въ écoles enfantines дѣти могутъ пребывать съ трехъ до семилѣтняго возраста. Согласно системѣ Фребеля здѣсь, въ легкихъ развлекающихъ разговорахъ, интересныхъ для дитяти разсказахъ, ребенокъ пріучается къ усвоенію нѣкоторыхъ словъ и понятій. Такъ, напр., дѣтямъ передаются простые разсказы, имѣющіе задачей развитіе моральнаго чувства, укрѣпленіе хорошихъ привычекъ. Это такъ называемыя «causeries morales», приспособленныя для дѣтей двухъ возврастовъ: отъ 3 до 5 лѣтъ и отъ 5 до 7 лѣтъ. Затѣмъ въ программѣ для école enfantine обозначены слѣдующіе предметы: leçons de choses, родной языкъ, писаніе, ариѳметика, геометрія, рисованіе, пѣніе, гимнастика. Ариѳметика для дѣтей отъ 3 до 5 лѣтъ состоитъ въ томъ, что они научаются считать до 6 и дѣлить цѣлое на $^1/_2$ и $^1/_4$, и для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ въ томъ, что они научаются считать до 20 и дѣлить цѣлое на $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$. Изученіе геометріи сводится къ попыткѣ научить рисовать линію, поставить точку и т. п.; практикующееся въ школѣ рисованіе должно служить средствомъ, которое облегчитъ обученіе писанію. По окончаніи école enfantine ребенокъ умѣетъ кое-какъ читать и писать отдѣльныя слова. Вообще école enfantine имѣетъ, какъ мнѣ показалось, отчасти задачей замѣнить дѣтямъ ихъ семью, въ которой они очень часто не могутъ получать воспитанія, ибо взрослые члены семьи заняты работой и не могутъ удѣлить времени малымъ дѣтямъ, которымъ предстоитъ оставаться въ рабочіе дни безъ надзора и присмотра. Замѣняя семью, école enfantine, главнымъ образомъ, стремится воспитать добрыя привычки и кой-какое пониманіе окружающихъ ребенка явленій.

Въ смыслѣ обученія эта школа имѣетъ въ виду только подготовить дѣтей къ тому, чтобы ребенокъ, вступая въ слѣдующую école primaire, не чувствовалъ себя въ совершенно новой, чуждой ему обстановкѣ. Въ названной сейчасъ школѣ съ ея шестилѣтнимъ курсомъ, ученикъ получитъ свѣдѣнія по предметамъ, о которыхъ онъ уже кое-что слыхалъ, едва начавъ лепетать. Программа école primaire показалась мнѣ очень обширной. Мальчики изучаютъ слѣдующіе предметы: родной языкъ, на который тратится всего больше времени; изученіе родного языка заключается: 1) въ такъ называемыхъ «leçons de choses», то-есть въ собесѣдованіи учителя съ учениками, посредствомъ котораго дѣти знакомятся съ окружающими ихъ явленіями и предметами; такъ, напримѣръ, въ первыхъ классахъ собесѣдованіе ведетъ къ объясненію словъ: одежда, человѣческое тѣло, пища, животное и т. п.; въ собесѣдованіяхъ же сообщаются правила о морали, гигіеническія понятія и говорится о значеніи чистоты. Затѣмъ уже въ старшихъ классахъ даются болѣе связныя понятія о человѣкѣ и животномъ съ нѣкоторыми элементарными свѣдѣніями по физіологіи и анатоміи и съ объясненіями нѣкоторыхъ понятій естествознанія. Въ старшихъ же классахъ ученикъ знакомится съ разными видами промышленности и съ домашнимъ хозяйствомъ. Затѣмъ къ изученію родного языка еще относится: 2) чтеніе, изложеніе прочитаннаго и 3) изученіе грамматики и умѣніе писать сочиненія.

Послѣ родного языка программа перечисляетъ слѣдующіе предметы: ариѳметику, геометрію, нѣмецкій языкъ, географію, исторію, рисованіе и каллиграфію; къ числу школьныхъ занятій относятся также: гимнастика, игры, пѣніе, ручныя рабо-

ты. Дѣвочки изучаютъ тѣ же предметы, въ томъ же объемѣ и, сверхъ того, на шестой годъ пребыванія въ школѣ имъ преподается спеціально одинъ урокъ по домашнему хозяйству. Въ недѣлю бываетъ 30 уроковъ; въ четвергъ занятій нѣтъ и ученики свободны. Лѣтомъ занятія начинаются въ 7 ч. утра и при двухчасовомъ перерывѣ, отъ 11 до 1 часа дня, оканчиваются въ 3 часа дня; зимою занятія начинаются и оканчиваются часомъ позже; уроки, требующіе усиленнаго вниманія учениковъ, не должны, ни подъ коимъ видомъ, продолжаться болѣе получаса и прерываются пѣніемъ, играми, гимнастикой. Законъ Божій, какъ обязательный предметъ, не преподается. Новѣйшая педагогія держится того взгляда, что преподаваніе религіи нельзя ставить на ряду съ другими предметами, изучаемыми въ школѣ; законъ Божій долженъ изучаться не по обязательности, а добровольно, согласно тѣмъ убѣжденіямъ, той религіи, которую дѣти выносятъ изъ семьи или которую исповѣдуютъ ихъ родители.

По закону въ классѣ на одного учителя не должно быть болѣе 50 учениковъ, но обыкновенно на учителя приходится не свыше 32 учениковъ. Учебный годъ состоитъ изъ 42—46 недѣль и раздѣляется на 2 семестра: первый длится отъ августа до конца января, второй отъ 1 февраля до начала іюля. На каникулы удѣляется 7 недѣль въ году, причемъ въ деревнѣ каникулы стараются назначить въ такое время, которое совпадаетъ съ разгаромъ земледѣльческихъ работъ.

Окончивъ école primaire, ученикъ еще не исполнилъ совсѣмъ наложеннаго на него государствомъ обязательнаго ученія. Если онъ не поступаетъ въ какое-нибудь среднее учебное заведеніе, онъ долженъ еще пробыть 2 года въ école complémentaire.

Но письмо мое, напоминающее сухой канцелярскій докладъ, слишкомъ затянулось. О школѣ этого вида, равно какъ и о методѣ обученія, въ слѣдующій разъ.

ПИСЬМО XXIX.

Я Вамъ писалъ въ прошломъ письмѣ о преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ Женевскаго кантона. Кажется, я уже упомянулъ, что первоначальное обученіе дается въ école enfantine, primaire и что окончаніе послѣдней школы (école primaire) еще не погашаетъ положенной государствомъ повинности обязательнаго ученія. Если ученикъ, окончившій école primaire, не имѣетъ въ виду продолжать своего обученія въ профессіональныхъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ долженъ два года пробыть въ école complémentaire. Въ этой школѣ учебный годъ, начинаясь съ конца августа, продолжается до половины іюня слѣдующаго года: зимнія каникулы, Рождественскіе праздники, длятся около 3-хъ недѣль. Уроки въ этой школѣ даются ежедневно по одному часу отъ 11 до 12 дня, и въ четвергъ урокъ длится 2 часа, съ 10 до 12 дня. Программа называетъ четыре обязательныхъ предмета, преподаваемыхъ въ этой школѣ: французскій языкъ, ариѳметику, географію и рисованіе. Подробности программы указываютъ, что эта школа стремится снабдить ученика необходимыми въ жизни практическими свѣдѣніями, дать ему нѣкоторую практическую подготовку. Такъ, напримѣръ, на урокѣ французскаго языка ученики упражняются въ писаніи писемъ по вопросамъ, вытекающимъ изъ коммерческихъ и торговыхъ отношеній между

людьми; на урокѣ ариѳметики ученики пріобрѣтаютъ свѣдѣнія по счетоводству, упражняются въ задачахъ счетоводства и сверхъ того имъ даются первоначальныя свѣдѣнія по двойной бухгалтеріи; на урокѣ географіи они получаютъ свѣдѣнія о добывающей и обрабатывающей промышленности швейцарскаго союза и о его международной торговлѣ; на этомъ же урокѣ преподается такъ назыв. instruction civique.

Уже въ école primaire ученики, при посредствѣ изустныхъ объясненій преподавателя, получаютъ элементарныя свѣдѣнія о дѣйствующихъ законахъ, учрежденіяхъ страны и въ самыхъ общихъ чертахъ получаютъ понятіе объ организаціи швейцарскаго союза. Въ école complémentaire эти свѣдѣнія даются въ расширенномъ видѣ, болѣе полно. Такимъ образомъ, по выходѣ изъ школы, ученикъ знаетъ основныя требованія закона и тѣ правовыя условія, среди которыхъ онъ живетъ и съ которыми должно сообразоваться его поведеніе. Кромѣ того, онъ не будетъ въ потемкахъ, разъ ему приходится считаться съ какими нибудь вопросами изъ юридической сферы, онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, куда ему обратиться за разрѣшеніемъ тяготѣющаго надъ нимъ дѣла, у кого искать помощи или совѣта. Одно, что непріятно поражаетъ въ преподаваніи instruction civique—это сухость и громоздкость учебника, по которому ученики изучаютъ юридическій строй своей страны. Въ этомъ отношеніи учебники, видѣнные мною въ школахъ Франціи и Англіи, по своимъ противоположнымъ качествамъ, положительно приводятъ въ восхищеніе наблюдателя. Но объ этомъ послѣ. Теперь же я хотѣлъ Вамъ сказать нѣсколько словъ о методѣ обученія и воспитанія.

Пріятно было смотрѣть на учениковъ женев-

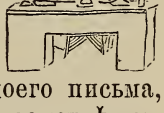
ской школы; это были здоровыя, веселыя, рѣзвящіяся дѣти, которыя непринужденно и привѣтливо встрѣчались съ своими учителями. Получалось впечатлѣніе, что наука здѣсь не ложилась на дѣтей непосильнымъ бременемъ; казалось, что здѣсь собралась товарищеская семья, въ которой учителя и ихъ помощники слегка и незамѣтно присвоили себѣ положеніе руководящихъ товарищей. Испытываемое при посѣщеніи школы отрадное впечатлѣніе, невольно, по закону контраста, вызывало въ памяти скорбную исторію тѣхъ заблужденій и ошибокъ, которыми было преисполнено, да и по настоящее время во многихъ мѣстахъ преисполнено, дѣло обученія и воспитанія юношества. Какихъ только опытовъ и экспериментовъ не выдерживали дѣти! Какія только цѣли не ставила себѣ школа! Было время, когда строгостью и свирѣпостью предполагалось воспитать благонадежный образъ мыслей въ юношахъ, и тогда высшей задачей ставилось пріуготовленіе такихъ юношей, которые навсегда не смогутъ «смѣть свое сужденіе имѣть». Была также въ обращеніи попытка напитать мозгъ ребенка мертвымъ матеріаломъ въ видѣ, съ тоской и мученіемъ усвоиваемыхъ, грамматическихъ формулъ, массы именъ и названій и т. п. логически несвязнымъ хламомъ, который ошибочно называли то изученіемъ языковъ, то изученіемъ исторіи, географіи и т. д. Весь этотъ матеріалъ при невѣжественности практиковавшихся педагогическихъ пріемовъ, могъ только разрушительно дѣйствовать на юныя душевныя силы. Гербертъ Спенсеръ мѣтко назвалъ этотъ матеріалъ «неорганизованными фактами» (unorganizable facts), изъ которыхъ нельзя вывести никакого сужденія, расширяющаго кругозоръ учащагося.

Извѣстно, что на практикѣ еще и понынѣ держится идея сохраненія такихъ учебныхъ заведеній, которыя уже съ первыхъ классовъ имѣли бы въ виду такъ воспитать ученика, чтобы изъ него вышелъ субъектъ, приспособленный къ какой-нибудь узкой практической цѣли; такъ напримѣръ, у насъ есть учрежденія, имѣющія цѣлью изготовить будущихъ приличныхъ чиновниковъ, проникнутыхъ отмѣннымъ чинопочитаніемъ по таблицѣ о рангахъ и приспособленныхъ къ бюрократической атмосферѣ. Такія и подобныя цѣли, понятно, ничего общаго не могутъ имѣть съ задачей воспитанія и обученія юношества. По преимуществу начальная и средняя школа прежде всего должны отказаться отъ преслѣдованія и спеціальныхъ, и практическихъ цѣлей, ибо школа преслѣдуетъ болѣе широкую задачу, поглощающую всякія узкія практическія соображенія. Принимая на себя великое дѣло обученія и воспитанія юношества, школа должна морально и интеллектуально просвѣтить душу своего питомца; просвѣщеніе души—это ея единственная цѣль. Мнѣ казалось, послѣ моихъ наблюденій, что въ Швейцаріи, Франціи и Англіи эта идея настолько созрѣла, что теперь она изъ книгъ пересажена на практическую почву ея осуществленія; эта идея въ названныхъ странахъ—девизъ школы, ея знамя; во имя возможно широкаго осуществленія этой идеи работаетъ усердно весь педагогическій персоналъ отъ министра народнаго просвѣщенія до учителя самой маленькой школы. Опасаюсь, что, читая это мѣсто моего письма, Вы усмотрите съ моей стороны увлеченіе и мысленно замѣтите мнѣ: «упоминаемая вами цѣль почитается необходимымъ условіемъ всякаго преподаванія; эта цѣль столь же древняя, какъ и самообученіе и воспи-

таніе, и вытекаетъ изъ Завѣта Евангелія, требующаго, просвѣщенія души, предназначенной къ тому по своему Божескому происхожденію». Согласенъ, что такъ почитается, но утверждаю, что предполагаемое необходимое условіе преподаванія — просвѣщеніе души — очень часто совсѣмъ игнорируется; очень часто оно является пустымъ звукомъ, словомъ безъ содержанія, произносимымъ педагогомъ ради, такъ сказать, педагогическаго приличія и только. Такъ, напримѣръ, развѣ думаетъ о просвѣщеніи души педагогъ, который заставляетъ ребенка заколотить въ свою юную голову массу мертваго матеріала, упомянутые «unorganizable facts» въ видѣ грамматическихъ формъ, историческихъ именъ, чиселъ, названій мѣстностей и т. д.? Вѣдь эти, говоря языкомъ Спенсера, «неорганизованные факты» не способствуютъ развитію пониманія ученика. Сколько бы онъ, преслѣдуемый грозной единицей, не заучилъ правильныхъ и неправильныхъ грамматическихъ формъ, историческихъ именъ, чиселъ, названій городовъ, рѣкъ и т. д., это не откроетъ ему и въ малой степени пониманія законовъ соціальной жизни и той обстановки, въ которой идетъ вѣчно развивающійся процессъ соціальной жизни. На практикѣ такое изученіе, неспособное вызвать самостоятельнаго интереса въ учащемся, обыкновенно превращается для него въ средство избѣжать грозную единицу, фатальную по своимъ послѣдствіямъ для учащагося. Такимъ образомъ вы видите, что вся забота сводится къ насыщенію ученика извѣстнымъ количествомъ мертваго матеріала; если послѣднему удалось задержать эти факты въ своей памяти, онъ считается преуспѣвающимъ и слѣдовательно просвѣщающимся; въ противномъ случаѣ, получается обратное заклю-

ченіе. Согласитесь, что преподаваніе, стоящее на такомъ пути, заключаетъ все, что угодно, кромѣ заботы о просвѣщеніи души. Здѣсь можетъ имѣть мѣсто педагогическое усердіе преподавателя, не вѣдающаго, что творитъ; можетъ быть стремленіе порадовать начальство, котораго во время ревизіи поражаютъ дѣтскія головы, выпускающія цѣлые снаряды заученныхъ словъ; можетъ быть также исполненіе требованія придерживаться учебниковъ бездарныхъ составителей и т. д. Но здѣсь нѣтъ дѣйствительной заботы о просвѣщеніи души. Во всякомъ разѣ весь этотъ матеріалъ болѣзненно воспринимается ученикомъ, какъ противоестественный; онъ причиняетъ душѣ страданіе и не можетъ служить средствомъ къ просвѣщенію.

Правдиво, искренно и серьезно поставленная цѣль—просвѣщеніе души учащагося—требуетъ иныхъ пріемовъ и способовъ обученія. Эти пріемы, кажется, мнѣ удалось наблюдать при посѣщеніи школъ во время моего странствія. Но о нихъ позвольте сказать въ слѣдующемъ письмѣ.



ПИСЬМО XXX.

Какъ Вы знаете изъ прошлаго моего письма, впечатлѣнія, вынесенныя мною при осмотрѣ народной школы въ Женевѣ, привели меня къ мысли, что добросовѣстно, правдиво и ясно поставленная истинная цѣль обученія и воспитанія,—моральное и интеллектуальное просвѣщеніе души ребенка,—не можетъ мириться съ той мертвящей педагогикой, которая на первомъ планѣ ставитъ задачей елико возможно насытить ученика извѣстнымъ количествомъ свѣдѣній, мѣтко охарактеризованныхъ названіемъ «неорганизованныхъ фактовъ». Для педагогики, считающейся съ

просвѣщеніемъ души, пріемы, сводящіеся къ заполненію памяти «неорганизованными фактами», не имѣютъ никакой цѣны. Для такой педагогики нужны иные пріемы, и о нихъ я обѣщалъ поговорить въ прошломъ письмѣ. Кажется, я уже упоминалъ о книгѣ Спенсера «Education», которая, какъ извѣстно, составляетъ и превосходную разработку вопроса о лучшихъ способахъ преподаванія, и сводъ новѣйшихъ взглядовъ на задачу педагогики.

Когда я нѣсколько ознакомился съ порядками Женевскихъ народныхъ школъ, я невольно предположилъ, что дѣло народнаго обученія и школьнаго воспитанія построено по названной книгѣ Спенсера; но такое мое предположеніе оказалось совершенно ошибочнымъ: здѣсь книги Спенсера не знаютъ. Тѣмъ не менѣе остается фактъ полнаго совпаденія практики школьнаго обученія съ основными принципами, выраженными въ книгѣ знаменитаго англійскаго писателя и вообще съ теоріей современной педагогики. Въ этомъ мнѣ было не трудно убѣдиться, когда я сравнивалъ то, что пришлось видѣть и слышать о практикѣ школьнаго обученія и воспитанія, съ теоретическими данными, приведенными въ вышеназванной книгѣ education.

По Спенсеру обученіе покоится на слѣдующемъ основномъ принципѣ: оно должно быть саморазвитіемъ ребенка (self-development) и ни въ какомъ случаѣ не можетъ причинять страданія. Педагогъ обязанъ настолько отчетливо понять психологію ребенка и законы развитія его душевныхъ способностей, что ученіе превращается для дитяти въ разнообразный рядъ занятій захватывающаго интереса. Исполненію такимъ образомъ поставленной задачи содѣйствуетъ руководительство слѣ-

дующими правилами: обученіе во всемъ должно начинаться съ простыхъ явленій и переходитъ къ болѣе сложнымъ; учащійся сначала усвоиваетъ понятія поверхностно и постепенно переходитъ къ выработкѣ опредѣленныхъ представленій и понятій, т. е. развитіе души учащагося, покорное общимъ законамъ развитія, стремится отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному. Такимъ образомъ, по взгляду названнаго писателя, умственное воспитаніе ребенка должно идти по тому же пути, по которому шло человѣчество въ своемъ историческомъ умственномъ поступательномъ движеніи. (The education of the child must accord both in mode and arrangement with the education of mankind, considered historically).

Что касается нравственной стороны воспитанія, то она находится въ тѣсной связи съ методомъ умственнаго обученія ребенка. Вызывая самодѣятельность ученика, педагогъ стремиться этотъ же принципъ удержать и въ дѣлѣ, если можно такъ сказать, моральнаго обученія. Задачей воспитателя, будь онъ родной или посторонній, становится созданіе такой обстановки, такихъ условій, при которыхъ ребенокъ постепенно, какъ будто самостоятельно, проникается представленіями дозволеннаго и недозволеннаго, добра и зла. Мотивируя подробными и весьма убѣдительными примѣрами, Спенсеръ указываетъ на недѣйствительность похвалъ, принужденія, угрозъ и наказанія, какъ средствъ для моральнаго воспитанія дитяти. Недостаточно заставить ребенка наградами или угрозами совершать одинъ рядъ поступковъ и воздерживаться отъ другого, недозволеннаго ряда поступковъ. Это только дрессировка, и изъ ребенка такимъ способомъ, въ лучшемъ случаѣ, можно

выработать только хорошо дрессированную комнатную собаченку. Между тѣмъ необходимо изъ дитяти образовать человѣка, моральныя представленія котораго составляли бы его истинную натуру и были бы непреложными мотивами, дѣйствующими ниже «порога сознанія», послѣ того какъ эти мотивы предварительно, въ дѣтскомъ возрастѣ, прошли черезъ сознаніе. Послѣднее возможно достичь, создавъ указанную обстановку, которая постепенно, безъ принужденія и «безъ системы искусственныхъ наградъ и наказаній» (system of artificial rewards and punishments) вводитъ въ развивающуюся душу ребенка нравственныя чувствованія и понятія. Конечно, такая система воспитанія требуетъ, какъ я упомянулъ, добросовѣстнаго изученія души ребенка, тщательнаго наблюденія надъ его психическимъ ростомъ и развитіемъ; воспитатель будущаго человѣка долженъ проникнуться яснымъ пониманіемъ дѣтскаго міровоззрѣнія и приложить всѣ силы своего разумѣнія къ выполненію своей задачи. Въ этомъ отношеніи рекомендуемый Спенсеромъ методъ обученія куда менѣе комфортабеленъ обычнаго, обывательскаго пріема: пригрозилъ, прикрикнулъ, погладилъ по головкѣ, а иногда и шлепнулъ, и сложное дѣло воспитанія готово. Но почему, если всякое простое дѣло требуетъ примѣненія самыхъ лучшихъ и разработанныхъ пріемовъ для его удачнаго осуществленія, почему самое сложное и трудное дѣло образованія будущаго человѣка можетъ довольствоваться столь грубыми и простыми пріемами, которые могъ бы выполнить и четвероногій воспитатель? Я отмѣтилъ отрывочно и наикратчайшимъ образомъ принципы воспитанія и обученія такъ, какъ они выражены въ книгѣ Спенсера Education.

Посмотримъ теперь, что имѣется на практикѣ.—За нѣсколько дней до нашего пріѣзда въ Женеву была закрыта національная Швейцарская выставка. Мнѣ передавали, что учебный отдѣлъ былъ представленъ очень полно и поучительно. При этомъ взгляды, которыми должна руководиться первоначальная школа, были указаны въ особой брошюрѣ, напечатанной по случаю открытія выставки. (Notice sur les écoles primaires du Canton de Genève, publiée à l'occasion de l'Exposition National 1896).

Эта «notice» даетъ прежде всего указаніе, что конечная задача преподавателя сводится къ умственному и моральному улучшенію дѣтей и что школьная дисциплина не должна быть въ противорѣчіи съ той стороной воспитанія, которая имѣетъ въ виду развитіе индивидуальности въ ребенкѣ. Послѣднее достижимо, если чувство долга, отвѣтственности воспитывается такимъ образомъ, что повиновеніе ребенка является актомъ его доброй воли, и если воспитаніе не наноситъ ущерба волевымъ силамъ души ребенка. По этому поводу названное notice даетъ слѣдующее характерное объясненіе: «l'antagonisme, qui semble exister entre le exigences de la discipline scolaire et le développement de l'individualité que se propose l'éducation, disparait si l'enfant est amené au sentiment du devoir, de la responsabilité, de façon que son obéissance soit un acte volontaire et que, tout en se pliant à la régle, les ressorts de sa force maîtresse la volonté, ne soient pas affaibliss». Однимъ изъ логическихъ послѣдствій такого взгляда на постановку моральнаго воспитанія является совершенное упраздненіе тѣлесныхъ наказаній и значительное ограниченіе практики всякихъ иныхъ репрессій.

Въ notice сказано: «les chatiments corporels, les postures humiliantes, les retenues qui pourraient

priver l'élève de ses repas ou de ses recréations, sont interdits». Мой вопросъ, предложенный во время посѣщенія школы преподавателю Ф—ру относительно случаевъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, вызвалъ удивленіе. Оказалось, что на практикѣ въ Женевской школѣ не встрѣтилось необходимости въ примѣненіи какихъ бы то ни было наказаній. По крайней мѣрѣ, въ начавшемся учебномъ году не было ни одного случая примѣненія какого-либо изъ дозволенныхъ наказаній. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся дурныя отмѣтки, оставленіе въ классѣ послѣ занятій, явка дѣтей въ сопровожденіи родителей предъ инспекторомъ. Мнѣ передавали, что фактически самымъ тяжелымъ наказаніемъ для дѣтей является запрещеніе посѣщать школу въ теченіе 2-хъ или 3-хъ дней. Такое отношеніе къ этому наказанію вполнѣ понятно: ребенокъ попадаетъ въ исключительныя, ненормальныя условія; всѣ его сверстники—въ школѣ, а онъ лишенъ возможности находиться среди нихъ, лишенъ признаннаго въ странѣ почетнаго права и обязанности быть въ школѣ. Поразителенъ еще контрастъ между отношеніемъ учениковъ къ учителю во время рекреаціи и во время занятій. Находясь въ классной комнатѣ во время занятій, я былъ пораженъ господствовавшей тамъ строгой дисциплиной: каждый ученикъ былъ погруженъ въ свои занятія, въ классѣ господствовала мертвая тишина, всякое указаніе учителя исполнялось охотно, понятливо и быстро; получалось несомнѣнное впечатлѣніе, что авторитетъ учителя властно господствовалъ надъ классомъ. Но раздавался звонокъ, означавшій окончаніе урока, и картина сразу мѣнялась; въ классѣ моментально воцарялся хаосъ, шумъ, гамъ. Дѣти подбѣгали къ учителю, здоро-

вались съ нимъ, фамиліарно подавая ему руку, и стремглавъ устремлялись во дворъ подъ открытое небо, гдѣ сообща рѣзвились дѣти всей школы. Какъ только кончилась рекреація, дѣти возвращались обратно, и вновь наступалъ, прежній порядокъ и тишина. Такимъ образомъ, наблюдая картины дѣйствительности, я имѣлъ случай убѣдиться, что та дисциплина, ради которой многими оправдываются тѣлесныя и другія жестокія наказанія, имѣла практическое осуществленіе и безъ этихъ послѣднихъ сильныхъ средствъ.

ПИСЬМО XXXI.

Читая послѣднее письмо, Вы навѣрное замѣтили, что практика воспитанія въ Женевской школѣ осуществляетъ тотъ взглядъ, согласно которому, говоря языкомъ Спенсера, «common system of artificial rewards and punishments» должно быть замѣнено «by the natural penalty», т. е. созданіемъ такихъ соотвѣтствующихъ поведенію ребенка условій, которыя являлись бы естественнымъ послѣдствіемъ его поведенія; напр., въ порывѣ каприза ребенокъ разбросалъ свою одежду, свои вещи; вмѣсто того, чтобы подвергать его наказанію, достаточно и болѣе дѣйствительно оставить его собирать и розыскивать свои вещи въ тотъ часъ, когда наступитъ для ребенка пріятное время прогулки или игръ съ товарищами. Это и будетъ «natural penalty». По нѣсколькимъ приведеннымъ въ прошломъ письмѣ даннымъ Вы также, безъ сомнѣнія, замѣтили, что практика воспитанія подчинена тѣмъ теоретическимъ взглядамъ, которые много лѣтъ раньше были высказаны извѣстными писателями, представителями мысли. Что же ка-

сается метода умственнаго обученія и развитія ученика, то и въ этомъ отношеніи практика также покорно слѣдуетъ по стопамъ теоріи. Въ руководящихъ указаніяхъ программы, дѣйствующей въ Женевскомъ кантонѣ, мы находимъ выраженными тѣ-же идеи, которыя встрѣчаются въ книгѣ Спенсера «Education». Я уже упоминалъ о нихъ въ прошломъ письмѣ; остается теперь добавить, что и самый языкъ программы почти одинаковъ съ языкомъ книги Спенсера. Такъ, напр., мы находимъ въ программѣ слѣдующимъ образомъ выраженное требованіе, относящееся къ преподавателю: Л (le maître) doit en premier lieu observer cet ordre logique qui règle la succession des notions présentèes, en allant du connu à l'inconnu, du particulier au general, du concret à l'abstrait. Cet ordre, qui rèpond à la tendance de l'enfant, est conforme à celui qu'a suivi la race dans l'acquisition de son savoir».—Въ этихъ словахъ выражено основное требованіе обученія, и это требованіе примѣняется при преподаваніи каждаго предмета. Вотъ почему учителю вмѣняется въ обязанность при обученіи родному языку имѣть главнымъ образомъ въ виду, что изученіе языка находится въ неразрывной связи съ развитіемъ мысли. Вслѣдствіе этого изученію языка предшествуютъ такъ называемыя «leçons des choses». Извѣстно, что всякій ребенокъ интересуется окружающими его предметами, и учитель, пользуясь этимъ свойствомъ юной души, долженъ помогать ученику самостоятельно знакомиться съ окружающими его предметами; такимъ способомъ имѣется въ виду развить въ ученикѣ наблюдательность, вниманіе, воображеніе, память, сужденіе. Только послѣ цѣлаго ряда упражненій въ цѣляхъ ознакомленія съ окружающими предметами начинается опытъ

усвоенія ученикомъ результата своихъ наблюденій, нѣкоторыхъ мыслей. При этомъ учитель предостерегается относительно того вреда, какой причиняетъ юному уму заучиваніе перечня правилъ, сухихъ формулъ, ибо эти послѣднія вызываютъ къ жизни не силы ума, не его развитіе, а дѣйствіе памяти, убивающей творчество. Изученіе обобщающихъ правилъ допускается только въ высшихъ классахъ, когда укрѣпившіяся умственныя силы ученика позволятъ ему справиться съ обобщеніями; но и при этомъ учителю рекомендуется не обременять памяти дѣтей изученіемъ массы исключеній и разныхъ тонкостей языка.

Вообще согласно методу обученія, устанавливаемому программой народныхъ школъ, грамматическія правила никоимъ образомъ не могутъ преподаваться въ видѣ теоретическихъ и сухихъ формулъ; предполагается, что въ такомъ видѣ правила языка не будутъ ясно поняты дѣтьми. «C'est par l'expérience, par l'observation, par des applications successives et variées que l'enfant parvient graduellement à la connaissance des lois qui régissent la langue», продолжаетъ настаивать программа. Такія же руководящія начала соблюдаются при изученіи и всѣхъ другихъ предметовъ: ариѳметики, геометріи, географіи, рисованія и исторіи. Сверхъ этого при изученіи географіи вспомогательнымъ средствомъ признаются, если возможно, совмѣстныя прогулки учениковъ въ сосѣдніе поля, горы, города. По поводу преподаванія исторіи, программа мудро предостерегаетъ учителя, что надо тщательно избѣгать обремененія памяти дѣтей «пошлой номенклатурой фактовъ и чиселъ» («unorganizable facts» Спенсера) и что изученіе исторіи должно вызвать пониманіе той связи, которая существуетъ между настоя-

щимъ положеніемъ вещей и дѣятельностью предшествующихъ поколѣній; исторія изучается для того, чтобы понять, что мы обязаны нашимъ предкамъ благами соціальнаго порядка, среди котораго мы живемъ, и что мы должны тѣмъ же, по мѣрѣ нашихъ силъ, работая за совѣсть, воздать будущимъ поколѣніямъ. Программа объясняетъ, что такой урокъ исторіи является преподаваніемъ просвѣщеннаго патріотизма и имѣетъ морализирующее значеніе.

Введенный въ школѣ ручной трудъ, какъ обязательный предметъ преслѣдуетъ исключительно воспитательныя цѣли; программа его называетъ «un moyen d'éducation intellectuelle, physique et morale».

Само собой понятно, что указанныя требованія относительно методы преподаванія вызываютъ строгую заботливость о поддержаніи въ дѣтяхъ интереса къ предмету изученія и о содѣйствованіи ихъ саморазвитію. Вслѣдствіе этого обращено вниманіе, чтобы занятія не вызывали утомленія, и поэтому уроки, требующіе напряженнаго вниманія, не длятся болѣе получаса. Относительно гигіены и физическаго развитія Женевская народная школа обнаруживаетъ самую трогательную заботливость. Игры, гимнастика, прогулки—все это въ большомъ ходу. Классныя комнаты свѣтлыя, большія и тщательно вентилируются. При школѣ имѣется комната для купанія, гдѣ ученики обязательно купаются два раза въ недѣлю. Обращено также вниманіе на то, чтобы у каждаго ученика былъ особый стулъ, стоящій предъ его столикомъ. Стулъ этотъ такъ устроенъ, что онъ можетъ опускаться или подниматься, смотря по росту ученика, и ученикъ можетъ свободно его передвигать, смотря по тому, какое положеніе ему

болѣе удобно. Ф—ръ мнѣ долго пояснялъ, что сидѣніе на общей скамьѣ приковываетъ ученика къ мѣсту, лишаетъ необходимой свободы, что вредно не только для тѣла, но и для настроенія. Вотъ почему прежнія скамьи замѣнены новыми столиками съ подвижными стульями.

Система обученія и воспитанія, о которой я Вамъ пишу въ послѣднихъ письмахъ, введена въ Женевскомъ кантонѣ закономъ 1886 года. Эта система, какъ видите, построена на идеяхъ, проникающихъ въ современную педагогическую науку. Нѣтъ сомнѣнія, что заведенные новые порядки дадутъ благотворные результаты, превосходящіе самыя смѣлыя ожиданія. Они будутъ способствовать образованію болѣе здороваго и духомъ, и тѣломъ поколѣнія. Великое дѣло пріучить ребенка самостоятельно мыслить и добросовѣстно собственными силами искать истину. Такія сѣмена, посѣянныя въ душѣ ребенка, дадутъ пышный разцвѣтъ, когда воспитанникъ, ставъ взрослымъ, выступитъ работникомъ на общественной нивѣ. Полный силъ и самостоятельности выступитъ онъ тогда на общее дѣло. Впрочемъ, не дерзаю пророчествовать; время покажетъ. Но чтобы заявить, что видѣнная мною система обученія дѣтей дастъ иные лучшіе результаты, чѣмъ практиковавшаяся и до сихъ поръ кой-гдѣ практикующаяся, позвольте, въ нѣсколькихъ строкахъ, нарисовать одну дѣйствительную жизненную картинку изъ школьнаго міра.

Прошу вообразить средней величины классную комнату средняго учебнаго заведенія, въ которой помѣщается около 50 учениковъ младшаго возраста. Въ комнатѣ достаточно свѣтло, но воздуха не хватаетъ, какъ вслѣдствіе того, что въ отопленіи и тягѣ имѣется какой-то, хотя и случайный, но

поразительно упорнаго постоянства изъянъ, такъ и вслѣдствіе того, что помѣщеніе разсчитано на меньшее число учениковъ. Раздается звонокъ, означающій начало занятій. Если это предстоитъ урокъ учителя, блистающаго свѣрѣпостью, держащаго себя въ недоступной дали отъ дѣтей, взирающаго на нихъ только съ высоты своего учительскаго величія, то дѣти, замѣтивъ шествіе такого преподавателя по корридору, начинаютъ предостерегать своихъ товарищей о приближеніи опасности возгласомъ: «идьётъ, идьётъ!» Дѣти, пользуясь такимъ восклицаніемъ, какъ будто радуются тому, что слово идетъ можно произнести такъ, что его трудно отличить отъ идіота. Начинается урокъ. Учитель имѣетъ возможность спросить ученика, при составѣ класса въ 50 дѣтей, не болѣе одного раза въ мѣсяцъ и поэтому спрашиваніе урока превращается въ лотерею; попался ученикъ, когда ему по чему-либо не удалось усвоить урокъ, и вотъ готова дурная отмѣтка и заключеніе о неуспѣшности занятій ученика.

Усѣвшись на каѳедрѣ, учитель вперяетъ взоръ въ журналъ, перебираетъ фамиліи и выуживаетъ кандидата на единицу. Дѣти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ апатичныхъ грубыхъ натуръ или потерявшихъ надежду на успѣхъ, притаились на своихъ скамьяхъ... Многіе поблѣднѣли, у многихъ учащенный лихорадочный пульсъ. Учитель громко называетъ фамилію ученика; послѣдній поднимается, волнуется, въ вискахъ у него стучитъ; большой, заученный, неясно понятый урокъ ему не удается передать; онъ путается, сбивается и, растерявшись, останавливается. Учитель, настороживъ слухъ, какъ охотникъ, ожидающій выхода звѣря при облавѣ, молчитъ и послѣ нѣсколькихъ мгновеній общаго молчанія объявляетъ приговоръ:

«не знаешь, садись!» И рука учителя съ хищнической истомой выводитъ въ журналѣ жирную единицу. Охота на одного изъ класснаго стада закончена; добыча затравлена; начинается охота на слѣдующаго. Къ концу урока, длящагося 55 минутъ, болѣе слабыя жертвы единицы плачутъ, строптивыя жертвы шепчутъ проклятія, а не спрошенные ученики втайнѣ молятся, чтобы глазъ грознаго учителя не остановился на ихъ фамиліяхъ, въ надеждѣ быть вызванными, когда попадется болѣе легкій урокъ. Глаза дѣтей съ нетерпѣніемъ слѣдятъ за часовой стрѣлкой, медленно обходящей часовой кругъ... Не сомнѣваюсь, что начертанная мною картинка, хотя и выхваченная изъ жизни, совсѣмъ не походитъ на изображеніе обычнаго порядка преподаванія; никто не повѣритъ. чтобы такого рода занятіями осуществлялось великое дѣло просвѣщенія будущихъ гражданъ. Скорѣе такой способъ занятія напоминаетъ охотничью травлю звѣрей, и не трудно представить себѣ, какого рода чувства и отрицательныя свойства души должна была вызывать и развивать подобная травля. Спѣшу оговориться: я не хочу сказать, что система обученія, направляющаяся къ нагруженію памяти ученика извѣстнымъ количествомъ свѣдѣній или, вѣрнѣе, сырымъ логически-необработаннымъ матеріаломъ, напремѣнно требуетъ отъ преподавателя той охоты, которую я сейчасъ описалъ. Я готовъ даже признать, что, по счастью, такіе преподаватели—охотники скорѣе составляютъ исключеніе, хотя, быть можетъ, они являются столь-же многочисленными и несносными исключеніями, какъ и тѣ, коими переполнены толстыя латинскія и греческія грамматики. Но я утверждаю, что такія исключенія есть, были, жили, дѣйствовали и что старая практика

преподаванія открываетъ всегда возможность для пріемовъ, подобныхъ описаннымъ, ибо система заполненія души массой правилъ, названій, именъ, чиселъ и т. д. не требуетъ ни особыхъ усовершенствованныхъ педагогическихъ пріемовъ, ни той выдержки и подготовленности со стороны учителя, которыя неизбѣжны при осуществленіи сложной задачи содѣйствовать просвѣщенію души и прогрессивному росту всѣхъ духовныхъ способностей ребенка. Новѣйшая же система, положивъ въ основаніе педагогіи интелектуальное и моральное просвѣщеніе души, ео ipso, съ корнемъ вырываетъ практику тѣхъ печальныхъ исключеній, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ.

Г-нъ Ф—ръ, оканчивая со мной обзоръ школы, пояснилъ мнѣ, что въ настоящее время педагогическій персоналъ мечтаетъ еще объ одномъ нововведеніи, которое, впрочемъ, пока остается pium desiderium. Педагоги находятъ, что въ современномъ преподаваніи кроется одинъ крупный недостатокъ: учитель при 30—40 ученикахъ въ классѣ лишенъ возможности прослѣдить и познакомиться съ индивидуальностью, съ особенными способностями и наклонностями ученика, и, поэтому онъ вынужденъ вести преподаваніе, приравнивая всѣхъ учениковъ къ одному среднему типу. Между тѣмъ нерѣдки случаи, что у ребенка проявляются особыя наклонности, особыя способности, что у него сызмала заложенъ особый даръ къ извѣстнаго рода занятіямъ, предметамъ. При существующей системѣ преподаванія этотъ особливый «даръ Божій» ускользаетъ отъ вниманія, игнорируется и для его развитія не принимается соотвѣтствующихъ заботъ. По мнѣнію педагоговъ, это ошибка; устранить эту ошибку возможно, но для этого прежде всего необходимо, чтобы на

учителя приходилось не болѣе 18 учениковъ, тогда ему представится возможность ознакомиться съ индивидуальностью каждаго изъ своихъ учениковъ. Таковъ вопросъ,—интересующій и дебатируемый въ настоящее время женевскими педагогами; но онъ повидимому еще не близокъ къ своему практическому разрѣшенію.

Учителя и учительницы Женевскихъ народныхъ школъ получаютъ въ годъ содержанія отъ 1000 до 2000 франковъ при готовой квартирѣ, «reconnu convenable par le Departement»; учителямъ, живущимъ въ деревнѣ при сельской школѣ предоставляется въ пользованіе не только квартира, но и садъ при ней (un jardin suffisant). Послѣ 25-лѣтней службы учительскій персоналъ обезпечивается ежегодной пенсіей въ 1400 франковъ, гарантированной государствомъ. Если принять во вниманіе, что учитель долженъ обладать спеціальной педагогической подготовкой и окончить курсъ наукъ среднеучебнаго заведенія, если затѣмъ принять въ разсчетъ его нелегкій трудъ, то, конечно, указанное вознагражденіе нельзя не признать очень скромнымъ. Но жалобъ на эту скромность вознагражденія мнѣ не пришлось услышать. Вынесенныя впечатлѣнія привели меня къ предположенію, что на Западѣ вообще, и въ Швейцаріи въ особенности, люди обладаютъ ограниченностью мечтаній, надеждъ, личныхъ перспективъ на будущее. Учитель, начавшій свое трудное дѣло съ 1000 франковъ вознагражденія, получающій потомъ болѣе 2000 франковъ и дослужившійся до пенсіи въ 1400 франковъ считаетъ себя удачникомъ жизни, блестяще выполнившимъ свою карьеру, ибо съ дней своей юности онъ наученъ не предъявлять большого счета судьбѣ. Кромѣ этого, ограниченность надеждъ помогаетъ ему

искренно заинтересоваться исключительно своимъ учительскимъ дѣломъ, предаться ему всей душой и такимъ образомъ выработать ту односторонность въ своей душевной жизни, которая необходима при спеціализаціи всякаго рода дѣятельности. Конечно, такому довольству своимъ скромнымъ состояніемъ содѣйствуютъ условія жизни, удобныя въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. При частыхъ сношеніяхъ, при густотѣ населенія жизнь дешева въ томъ смыслѣ, что все подъ руками. Воспитаніе дѣтей, напр., не требуетъ того, чтобы отвозить ихъ въ дальніе города и расходоваться на ихъ образованіе; учебныя заведенія, пансіонаты подъ руками и открыты для кандидатовъ, вмѣщая всѣхъ желающихъ въ нихъ поступить. Эти же условія облегчаютъ жизнь въ моральномъ отношеніи: есть общество, гдѣ развитой человѣкъ находитъ подходящій для себя отдыхъ; не за горами и морями—библіотеки, театры, музеи, музыкальныя развлеченія и т. д.

ПИСЬМО XXII.

Женева—не городъ достопримѣчательностей, о которыхъ разглашаютъ по всему свѣту, чтобы привлечь любопытство путешественника. Но странникъ, привыкшій за долгій путь къ исканію достопримѣчательностей, не отказывается отъ своей путевой привычки и при посѣщеніи Женевы, и ея живописной окрестности. Онъ непремѣнно по электрической желѣзной дорогѣ взберется на гору Salève, откуда при хорошей погодѣ открывается безподобный видъ на гору Монбланъ и съ другой стороны на Женевское озеро. Гора Salève нахо-

дится уже въ предѣлахъ Франціи. Когда я ѣхалъ по электрической желѣзной дорогѣ на эту гору, мнѣ, сейчасъ по выѣздѣ изъ Женевы, пояснили, что мы попадаемъ уже на территорію Французской республики. Здѣсь переѣздъ въ другое государство не сопровождается никакими пограничными осложненіями, и совсѣмъ не замѣчаешь дѣйствія пограничныхъ учрежденій. Благодаря этому проѣздъ изъ одного государства въ другое свершается столь же безпрепятственно, какъ у насъ переѣздъ изъ одного уѣзда въ другой. На слѣдующій день послѣ посѣщенія Salève мы, вѣрные примѣру всякаго путешественника, пошли посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ чистыя, небеснаго цвѣта воды Роны, вышедшей изъ Женевскаго озера, сливаются съ мутнымъ горнымъ потокомъ Арвою. Въ заключеніе мы осмотрѣли нѣкоторые протестантскіе храмы и городскую думу (Hôtel de Ville). При посѣщеніи послѣдней и обзорѣ нѣкоторыхъ ея историческихъ закоулковъ, мы оба (Г—въ и я), слѣдуя за провожавшей насъ благообразной старухой, взошли въ темную комнату съ опущенными шторами; какъ только мы взошли, старушка, отодвинувъ шторы, пропустила свѣтъ, и нашимъ глазамъ представилась небольшая комната съ полукруглыми скамьями, со столомъ посрединѣ, по видимому приспособленная для занятій какой-нибудь маленькой комиссіи. Въ этой комнатѣ, обстановленной безъ всякой роскоши, поражающей скромностью и простотой обстановки, бросились въ глаза разставленныя модели нѣкоторыхъ земледѣльческихъ орудій въ полную величину, сдѣланныя изъ сабель, пикъ, ружей, т. е. изъ орудій войны. Модели земледѣльческихъ орудій сдѣланы очень удачно въ томъ смыслѣ, что служатъ эмблемой идеи о превращеніи губительныхъ

военныхъ оружій въ благодѣтельныя для человѣка земледѣльческія орудія. Скромная комната съ своеобразной обстановкой, куда насъ провела старушка, оказалась исторической достопримѣчательностью. Здѣсь въ концѣ 1871 и въ началѣ 1872 года Третейскій Судъ обсуждалъ и мирно разрѣшалъ осложнившійся и обострившійся «Алабамскій вопросъ». Памятно, что 25 лѣтъ тому назадъ между Англіей и Америкой возникло острое недоразумѣніе,—какъ говорили тогда, «Алабамская распря», которая неминуемо должна была привести къ обильному пролитію человѣческой крови. Справедливое-же и человѣчное разрѣшеніе вопроса сводилось къ тому, чтобы заставить Англію уплатить Сѣверо-Американскимъ Штатамъ убытки, причиненные во время Американской междуусобной войны каперскими судами, принадлежавшими конфедераціи южныхъ штатовъ, но сдѣланными въ Англіи и выпущенными изъ ея гаваней. Велика, поэтому, историческая заслуга Третейскаго Суда, установившаго именно это справедливое рѣшеніе, предотвратившее бѣдствія войны. По сго, вѣдь, рѣшенію Англія была присуждена къ уплатѣ въ пользу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ болѣе 30 милліоновъ рублей на наши деньги.

Невольно скромная комната съ ея скромной, оригинальной обстановкой, въ которой свершился этотъ поистинѣ великій историческій актъ, вызываетъ въ посѣтителѣ глубокое и отрадное чувство. Здѣсь идея справедливости международнаго права одержала побѣду надъ инстинктами кровавaго насилія. Такая побѣда потому имѣетъ особую цѣнность, что условія для ея одержанія обычно бываютъ не благопріятны. Дѣло въ томъ, что, когда между государствами возникаютъ обостряющіяся недоразумѣнія, сейчасъ же явля-

ются кричащіе сторонники войны, которые безцеремонно присвоиваютъ себѣ монополію патріотизма и вопятъ о несмываемомъ пятнѣ, упадающемъ на отечество, если не будетъ пролита человѣческая кровь. Ихъ же оппоненты, противники войны, попадаютъ въ загнанное положеніе; заявленія послѣднихъ о томъ, что прежде всего необходимо спокойное, трезвое, добросовѣстное изслѣдованіе положенія вопроса, обычно вызываютъ насмѣшки и упреки въ отсутствіи чувства чести и патріотизма. Достоинъ при этомъ удивленія тотъ фактъ, что люди, на которыхъ упадаютъ сейчасъ указанныя обвиненія, всегда въ предшествующей своей жизни проявляли и своей работой, и своимъ поведеніемъ гораздо больше просвѣщеннаго патріотизма, чѣмъ ихъ суровые обвинители. Въ этомъ смыслѣ характеренъ историческій примѣръ поведенія такихъ патріотовъ, какъ Тьеръ и Гамбетта предъ франко-прусской войной. Они имѣли мужество истинно благородныхъ людей выступить противъ воинственнаго увлеченія монополистовъ патріотизма, и несчастныя событія вскорѣ обнаружили, кто былъ истиннымъ сыномъ своего отечества. Вообще надо имѣть въ виду, что толпа въ моменты возбужденія много чувствуетъ и мало мыслитъ. Этимъ объясняется, почему фраза: честь требуетъ пролитія крови, имѣетъ для нея всепоглощающій смыслъ, разрѣшающій полностью сложныя стороны возникшаго вопроса. На самомъ же дѣлѣ этой фразой ничего не разрѣшается, а въ переводѣ на языкъ фактовъ она заключаетъ въ себѣ требованіе о созданіи такого положенія вещей, при которомъ на каждой воюющей сторонѣ будетъ убито, изуродовано, искалѣчено по нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, такова цифра убыли и искалѣченія

людей, сопровождавшая обычно европейскія войны. Затѣмъ въ каждой изъ воюющихъ сторонъ окажется еще такое же число обездоленныхъ, лишившихся близкихъ родственниковъ, потрясенныхъ и нравственно, и матеріально. Въ общемъ, послѣ такого служенія чести пролитіемъ крови, воюющія государства могутъ протянуть другъ другу руку и признаться, что между побѣдителемъ и побѣжденнымъ нѣтъ разницы въ томъ отношеніи, что оба соперника одинаково перенесли великое бѣдствіе, что оба задержали ходъ культурнаго развитія страны и что въ жизненный обиходъ каждой изъ воевавшихъ странъ внесенъ тотъ культъ силы, который тормазитъ процессъ развитія лучшихъ сторонъ человѣческаго духа: гуманныхъ, христіанскихъ чувствованій и идейныхъ представленій.

Какъ ни убѣдителенъ приведенный фактическій языкъ, тѣмъ не менѣе до самыхъ послѣднихъ дней онъ былъ мало популяренъ въ моменты международныхъ обостреній. Военный кличъ его заглушалъ. И это вполнѣ понятно и необходимо, ибо вытекаетъ изъ историческаго процесса фарширования человѣческой натуры. Когда-то, конечно, очень давно, исключительными родами дѣятельности человѣка были охота и война; ходъ историческаго развитія выразился въ замѣнѣ этой дѣятельности иными занятіями, которыя постепенно вытѣсняютъ первоначальный порядокъ жизни человѣка; но эти первоначальные порядки оставили въ тайникахъ души человѣка свои остатки, осужденные на медленное и постепенное вымираніе. Они тлѣютъ, но, когда сторонники войны подносятъ къ нимъ зажженный фитиль, они вспыхиваютъ и можетъ произойти пожаръ. Вотъ почему скромный „Ала-

бамскій“ залъ, гдѣ былъ предотвращенъ большой и жестокій пожаръ, оставляетъ въ посѣтителѣ глубокое впечатлѣніе и вызываетъ рядъ историческихъ воспоминаній, которыя приводятъ къ радующей человѣка мысли, что историческій процессъ въ жизни народовъ не есть тавталогія, простая смѣна событій, а сложное движеніе впередъ къ мерцающему еще на недосягаемой высотѣ идеалу братства, христіанской любви къ ближнему. Въ самомъ дѣлѣ съ легкой руки третейскаго суда по Алабамскому вопросу замѣтно устанавливается попытка введенія нѣсколько новыхъ началъ регулирующихъ жизнь народовъ, началъ, которыя ослабляютъ абсолютное значеніе силы и открываютъ входъ нарождающимся и развивающимся идеямъ и солидарности общечеловѣческихъ интересовъ. Что жизнь идетъ въ этомъ направленіи показываетъ усиливающаяся связность жизни европейскихъ народовъ, ихъ совмѣстная дѣятельность въ разнообразныхъ направленіяхъ. Въ международной жизни внѣшнимъ выразителемъ такихъ жизненныхъ моментовъ является видимая въ наши дни совмѣстная дѣятельность т. н. „европейскаго концерта“. Бисмарковскій девизъ крови и желѣза, какъ-бы онъ ни импонировалъ, не можетъ остановить процесса развитія идей права и справедливости, проникающихъ жизнь. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ духовныхъ свойствъ людей и народовъ, въ которомъ находятъ между прочимъ свое прочное основаніе и наука или, вѣрнѣе сказать, пока мечта международнаго права, чтобы ни говорили ея критики, смущающіеся нѣкоторыми своеобразными чертами международнаго суда, отличающими его отъ обыкновенныхъ судовъ.

Но точка зрѣнія, отрицающая смыслъ войны въ наше время, оставляетъ открытымъ опасеніе

объ изъянахъ чести народа, если онъ уклоняется отъ пролитія крови. Мирное разрѣшеніе Алабамской распри очень удачно объясняетъ наивность такого опасенія. Допустимъ, что голоса за войну имѣли-бы успѣхъ и вопросъ разрѣшился бы кровавымъ столкновеніемъ двухъ народовъ. Съ извѣстной приблизительностью можно намѣтить тѣ послѣдствія, которыя принесъ бы такой способъ разрѣшенія недоразумѣнія. Болѣе сильный англійскій флотъ разрушилъ-бы приморскіе американскіе города, отпустивъ большую дозу военныхъ разрушительныхъ дѣйствій Ньюіорку, какъ лучшему городу. Въ свою очередь американцы ворвались-бы въ Канаду, внеся въ нее всѣ бѣдствія войны. Въ концѣ концовъ изнуренныя тягостями борьбы обѣ воюющія стороны, какъ это всегда бываетъ, окончили-бы миромъ, одинаково желаннымъ и для побѣдителя, и для побѣжденнаго. Врядъ-ли только этотъ, купленный дорогою цѣною, миръ уладилъ бы недоразумѣніе лучше, чѣмъ это сдѣлалъ третейскій судъ, и навѣрное Англичане и Американцы болѣе сдѣлали для чести своей родины, преклонивши свою волю предъ рѣшеніемъ Суда, чѣмъ если-бы они кинулись другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ. — Подчиняясь принципу справедливости, смиряя гордый воинственный духъ и уклоняясь отъ войны, эти народы, наилучшимъ образомъ, въ данномъ случаѣ оправдали свою историческую репутацію цивилизованныхъ и передовыхъ народовъ.

Но скромный Алабамскій залъ вызываетъ на слишкомъ долгія размышленія; пора кончить... Во всякомъ случаѣ этотъ залъ есть одинъ изъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, посѣщеніе котораго оставляетъ навсегда отрадное воспоминаніе.

ПИСЬМО XXXIII.

Я замѣчаю, что привычка передавать Вамъ мысли, вызываемыя всѣмъ, что поражало мое вниманіе во время пути, незамѣтно отбросила меня въ сторону отъ велосипеднаго колеса. Давно пора къ нему возвратиться и продолжать велосипедный разсказъ. Въ первые же дни, по пріѣздѣ въ Женеву, я сталъ наводить справки, какимъ-бы способомъ войти въ число членовъ какого-нибудь французскаго клуба велосипедистовъ, въ виду того, что намъ предстоялъ длинный путь въ предѣлахъ Франціи: изъ Женевы мы предполагали по большому шоссе, по такъ называемой «grande route de Paris» держать путь на Дижонъ, Парижъ и затѣмъ черезъ Булонъ направиться въ Калэ, откуда намъ предстоялъ переѣздъ на пароходѣ черезъ Ламаншъ въ Дувръ. При долгомъ пребываніи велосипедиста въ какой-нибудь странѣ ему всегда полезно быть членомъ мѣстнаго клуба, ибо въ нужныя минуты послѣдній оказываетъ очень полезное покровительство. Объ этомъ я Вамъ уже писалъ въ первыхъ письмахъ, когда говорилъ объ Allgemeine Radfahrer Union.

По объясненію нѣкоторыхъ моихъ соотечественниковъ, стать членомъ французскаго клуба велосипедистовъ было дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ; мнѣ съ увѣренностью, не допускающей сомнѣнія, пояснили, что для этого требуется особая рекомендація двухъ лицъ, называемыхъ крестными отцами (parrains), переписка, представленія, удостовѣренія и т. д., словомъ, рядъ канцелярскихъ манипуляцій, напоминающихъ переписку съ Казенной Палатой. По счастью, я по-

встрѣчался въ Женевѣ съ однимъ французомъ г. Х., который самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергъ эти показанія. Онъ былъ настолько любезенъ, что принялъ на себя трудъ написать въ Touring club de France, находящійся въ Парижѣ, о нашемъ ходатайствѣ быть принятыми въ число членовъ названнаго клуба. Г—въ и я были очень поражены, когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора съ г. Х., мы въ гостинницѣ получили съ почты по пакету, изъ которыхъ каждый заключалъ: письмо клуба къ вновь вступившему члену, уставъ клуба (administration-statuts), правила о велосипедной ѣздѣ по дорогамъ и на улицахъ (réglementation générale de la circulation Velocipedique), удостовѣреніе о принадлежности къ клубу (carte d'identité) и легкій, изящно сдѣланный значекъ клуба.

Письмо предсѣдателя клуба, начинавшееся обращеніемъ: «monsieur et chér camarade», извѣщало о принятіи въ число членовъ клуба и заключало просьбу содѣйствовать росту ассоціаціи, въ которую входитъ новый членъ клуба; выражалась также просьба предлагать знакомымъ и друзьямъ вступать въ число членовъ этой ассоціаціи, ибо, говорилось въ письмѣ, существованіе и успѣхъ дѣятельности клуба зависитъ отъ многочисленности ассоціаціи.

Дѣла Touring club de France повидимому въ блестящемъ состояніи: число его членовъ быстро растетъ. Основанный въ 1890-мъ году и находясь подъ высокимъ покровительствомъ Президента республики, клубъ насчитываетъ въ настоящее время около 100.000 членовъ. Среди почетныхъ членовъ встрѣчаются хорошо всѣмъ извѣстныя имена, напр. Emile Zola, Barthon, Berthelot, Casimir Perier, Hanotaux и др:, членами же этого клуба состоятъ иностранныя высокопоставленныя

особы, напр: король Бельгійскій Леопольдъ II, король Сербскій Александръ, король Португальскій, Президентъ Швейцарской республики, лордъ Дифферинъ вице-король Индіи и др. Въ числѣ членовъ этого-же клуба находятся наши Великіе Князья Сергій Михайловичъ и Борисъ Владиміровичъ. Уставъ клуба объясняетъ, что Touring club de France имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію туризма вообще, и во Франціи въ частности, и пропагандировать примѣненіе велосипеда въ обыденной жизни и для военныхъ цѣлей. Въ статьѣ 1-вой Устава говорится: «Elle (Touring club) donne à tous les touristes aide et protection use de son influence pour obtenir en faveur de ses Membres des tarifs speciaux dans les hôtels, leur procurer toutes facilités et en même temps des remises particulières pour l'achat d'objets d'équipements, de cartes, et, en général, de tout ce qui a trait au tourisme».—

Получивъ упомянутые пакеты отъ президента клуба съ документами, удостовѣряющими наше пріобщеніе къ клубу, мы отправились къ г-ну X..., оказавшему намъ покровительство, чтобы поблагодарить за содѣйствіе и узнать, сколько мы должны уплатить за полученный значекъ и за членскій годовой взносъ. Оказалось, что за все, включая и членскій взносъ, каждому изъ насъ пришлось уплатить всего пять франковъ; сверхъ того мы, не внося никакой добавочной платы, стали подписчиками ежемѣсячнаго журнала «Revue mensuelle Touring club», который аккуратно высылается по указанному вновь вступившимъ членомъ адресу. Такая необычайная дешевизна платы, упадающей на каждаго члена клуба, объясняется какъ большимъ числомъ членовъ этой ассоціаціи, такъ и ея непрекращающимся ростомъ. Вотъ гдѣ имѣется

блестящій наглядный примѣръ тѣхъ выгодъ и удобствъ, которыя даютъ большія ассоціаціи, и вотъ гдѣ оправдывается старый аффоризмъ: «l'union fait la force.» —

Прежде чѣмъ покинуть Женеву, мы посѣтили оперу. Ничего особеннаго она не представляла и не производила того чарующаго впечатлѣнія, которымъ даритъ всякаго посѣтителя Вѣнская опера. Помните мое письмо о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ послѣ того, какъ я побывалъ въ Вѣнской оперѣ. Здѣсь, въ Женевѣ не было того очарованія, которое заставило бы заговорить «дикаря въ музыкѣ»... Зато здѣсь достоинъ вниманія установившійся обычай оцѣнки, или опредѣленія годности и негодности оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. По окончаніи представленія, публикѣ предлагается вотировать годность вновь выступающаго актера; для этого каждому изъ посѣтителей дается бланкъ, на которомъ прописана фамилія баллотирующагося актера и каждому посѣтителю предоставляется написать, признаетъ ли онъ вновь выступающаго театральнаго кандидата способнымъ исполнить свое пѣвчее назначеніе; полученные билеты опускаются въ урну и результатъ голосованія объявляется во время слѣдующаго представленія. Само собою понятно, что такія голосованія имѣютъ мѣсто въ началѣ опернаго сезона, когда выступаютъ новые дебютанты; разъ выдержавшій баллотировку и получившій большее число одобрительныхъ билетиковъ считается годнымъ для пѣнія и можетъ себѣ пѣть безпрепятственно цѣлый сезонъ. Неизбранный принужденъ оставить Женевскую оперу.

Нельзя не усмотрѣть въ такомъ способѣ составленія опернаго персонала особаго вниманія къ публикѣ, и въ тоже время нельзя не признать,

что такой способъ создаетъ для публики роль музыкальнаго судьи. Эту же роль, кажется, можно оспаривать. Врядъ ли мы удалимся отъ дѣйствительности, допустивъ, что большинство голосовъ, произносящихъ вердиктъ оперному пѣвцу или пѣвицѣ принадлежитъ лицамъ, которымъ, прежде рѣшенія какихъ бы то ни было музыкальныхъ вопросовъ, слѣдовало-бы поучиться хоть немного понимать музыку и, быть можетъ, поучиться у забаллотированныхъ ими представителей музыкальнаго искусства. Вѣдь опера, удалившаяся отъ балагана, помимо своего назначенія доставлять удовольствіе посѣтителямъ, можетъ и должна быть школой искусства, популяризируя это послѣднее непосвященнымъ въ него. Понятно, что судьями исполнителей искусства могутъ быть, конечно, только знатоки этого послѣдняго. Иначе, вѣдь, получится тотъ судъ, который такъ хорошо обрисованъ въ извѣстной баснѣ Оселъ и Соловей нашего незабвеннаго баснописца, а приговоръ такого суда можетъ только составить содержаніе для смѣшного анекдота. Говорятъ, что въ драматическомъ театрѣ сохраненъ тотъ же способъ оцѣнки драматическихъ актеровъ. И здѣсь, слѣдовательно, въ числѣ судей могутъ оказаться люди, никогда серьезно не изучавшіе драмы и попадающіе въ вершители вопросовъ изъ совершенно чуждой имъ области. По окончаніи дневныхъ заботъ люди приходятъ въ театръ провести время въ эстетическомъ отдохновеніи, и вдругъ имъ предлагаютъ разрѣшать вопросы въ родѣ такихъ: понялъ-ли актеръ духъ трагедіи Софокла, вѣрно ли онъ передаетъ идею, положенную въ основу драматическаго произведенія „Царь Эдипъ“, передаетъ-ли актеръ такіе типы, какъ король Лиръ, Гамлетъ и т. д. А если этотъ судья никогда ни-

чего не слыхалъ про греческую трагедію, если онъ не знакомъ съ геніемъ Шекспира, то какова цѣнность приговора такого судьи? По этому поводу могутъ сказать, что посѣтитель не обязывается голосовать, ему только предоставляется право. Конечно это такъ: всякій посѣтитель можетъ не опустить полученный билетъ въ урну. Но кто не знаетъ, что невѣжество всегда падко на рѣшительныя сужденія и не скупится на свои приговоры... Истинное же знаніе всегда осторожно, уклончиво и медлительно съ рѣшительными заключеніями. Послѣ этого невольно возникаетъ вопросъ: какого же качества будутъ тѣ голоса, которые попадутъ въ урну? Нѣтъ, положительно эта баллотировка актеровъ есть тяжеловѣсная и неуклюжая швейцарская выдумка.

ПИСЬМО XXXIV.

Во время нашего странствованія, какъ Вы уже знаете, погода много разъ напоминала намъ о томъ, что осень собирается вступить въ свои права. Но нигдѣ это напоминаніе не было такъ настойчиво, какъ въ Женевѣ и нигдѣ репутація западно-европейскаго климата, будто бы представляющаго постоянное благорастворѐніе воздуховъ, не оказалась столь обманчивой какъ въ Женевѣ. Такъ часто случается съ „репутаціями.“ Мы пробыли въ Женевѣ съ недѣлю; по нашему стилю наступала 2-ая половина Октября; было время года, когда у насъ случается неожиданный поворотъ къ теплу и хорошей погодѣ, и наступаетъ такъ называемое „бабье лѣто.“ Всѣмъ хорошо извѣстны эти дни, и вѣроятно всѣ согласятся, что въ нашей южной Россіи это положительно лучшіе въ году дни. Я сильно обманулся въ разсчетахъ, воображая

предъ путешествіемъ, какъ хороши будутъ эти дни на западѣ, защищенномъ отъ нашего бича-восточнаго вѣтра. Особенныя надежды я возлагалъ на Швейцарію, но здѣсь-то я больше всего получилъ разочарованій. Въ горахъ, какъ Вы знаете, насъ обидѣлъ снѣгъ, а въ Женевѣ за всѣ 7 дней пребыванія, почти не переставая, лилъ дождь, иногда, въ видѣ разнообразія, смѣшиваясь съ падавшимъ снѣгомъ. Было сыро и холодно. Изъ газетъ получались неутѣшительныя вѣсти: отовсюду писали о необыкновенныхъ дождевыхъ осадкахъ, о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ разлитіемъ рѣкъ, наводненіемъ. Какъ ни какъ, но до Лондона оставалось еще не малое разстояніе, болѣе 1000 километровъ. Не хотѣлось измѣнить велосипеду и непривлекательной казалась намъ перспектива проходить такое разстояніе подъ дождемъ и холодомъ. Впрочемъ, у насъ оставалась нѣкоторая надежда на лучшую погоду, ибо мѣстные жители увѣряли, что обычно только со второй половины Ноября, по ихъ стилю, начинается торжество непогоды и что еще мы можемъ встрѣтить хорошіе дни. Поэтому намъ оставалось только спѣшить, и мы поспѣшили оставить Женеву, не смотря на протесты родныхъ и знакомыхъ.

Изъ Женевы въ Парижъ ведетъ превосходный прямой шоссейный путь, сохранившій старинное названіе: «grande route de Paris». Этотъ путь пересѣкаетъ горный хребетъ, извѣстный подъ именемъ Французской Юры, и черезъ городъ Gex, St.-Claude приводитъ въ извѣстный, большой городъ Dijon. Таковъ излюбленный путь велосипедистовъ, направляющихся въ Парижъ. Правда, въ горахъ, пересѣкая Юру, (вслѣдствіе крутыхъ спусковъ и подъемовъ), надо итти пѣшкомъ болѣе 20 километровъ, но это не болѣе какъ пріятная прогулка

среди роскошной и живописной мѣстности. Мы, къ сожалѣнію, были лишены возможности воспользоваться этой лучшей и кратчайшей дорогой. По имѣвшимся свѣдѣніямъ путь въ горахъ былъ заваленъ снѣгомъ. Мѣстные женевскіе велосипедисты посовѣтовали намъ поѣздомъ перебраться черезъ горы въ направленіи къ городу Bourg. Хотя, слѣдуя этому направленію, мы отклонялись въ сторону отъ нашего пути и удлинняли его, но за то мы попадали въ мѣстность ровную, свободную отъ горъ, засыпанныхъ въ это время года снѣгомъ. Не будучи велосипедистами чистой воды, не опасаясь потерять велосипедную неприкосновенность, мы приняли добрый совѣтъ товарищей по колесу и, послѣ 2-хъ часовъ пребыванія въ маленькихъ скверныхъ вагонахъ, высадились на равнинахъ, имѣя позади себя горы съ ихъ холодомъ и снѣгами, столь враждебными велосипедисту.

Едва мы коснулись французской земли, какъ сразу испытали проявленіе необыкновенной любезности и вниманія безъ всякой съ нашей стороны попытки воспользоваться таковыми свойствами французскаго характера. Я Вамъ уже писалъ, что велосипедиста, при въѣздѣ въ каждое новое государство, ожидаетъ таможенная возня: взносъ налога на велосипедъ (послѣдній возвращается по выѣздѣ изъ страны), осмотръ велосипеда, исканіе марки фирмы, номера велосипеда, выдача удостовѣренія и т. д. Членъ Touring club de France, по французскимъ законамъ, избавленъ отъ всѣхъ таможенныхъ осложненій, но для этого онъ обязанъ представить удостовѣреніе Клуба о принадлежности къ союзу (carte d'identité), при чемъ на удостовѣреніи должна быть подпись мэра того города, въ которомъ живетъ членъ клуба, подпись свидѣтелей и обозначеніе номера велосипеда; на

углѣ carte d'identité оставлено свободное мѣсто, на которомъ должна быть приклеена маленькая фотографическая карточка члена Клуба. На нашихъ cartes d'identité имѣлась только подпись президента клуба и ничего больше. Когда я представилъ начальнику Французской таможни мой документъ въ такомъ неполномъ видѣ, онъ указалъ мнѣ имѣющіяся пропуски, но при этомъ самъ же предупредительно замѣтилъ, что страннику въ пути не всегда есть время выполнить всѣ эти требованія и, на этомъ основаніи, заявилъ намъ, что онъ насъ освобождаетъ отъ внесенія налога и продѣлки всей таможенной процедуры.

Ясно припоминаю, что на всемъ нашемъ долгомъ пути мы всегда встрѣчали вѣжливое къ намъ отношеніе и доброжелательство; тѣмъ не менѣе, даже избалованные въ этомъ отношеніи, мы не могли не замѣтить, что, по вступленіи на почву Французской республики, проявленіе добраго вниманія къ чужестранцу, совершенно безкорыстнаго доброжелательства стало еще интенсивнѣй. Мнѣ показалось, что люди здѣсь какъ будто болѣе привѣтливы, мягкіе, веселые. Вообще мы, оба странника, замѣтили, что странствіе по Франціи сопровождается особо хорошимъ настроеніемъ духа. Вѣроятно, благодаря такому настроенію, мы какъ-то легко отнеслись къ велосипедной непріятности, къ которой велосипедистъ всегда болѣзненно чувствителенъ. При въѣздѣ въ городъ Бургъ мой пріятель замѣтилъ, что педаль его не вращается и что изъ нея высыпались шарики. Пришлось итти пѣшкомъ. Мы зашли въ первую слесарную; хозяинъ быстро разобралъ поврежденную часть машины, и тогда мы увидѣли, какую непріятность могъ намъ учинить мастеръ велосипеднаго магазина въ Женевѣ, которому мы отда-

ли почистить наши машины. Оказалось, что онъ забылъ положить въ педали одну внутреннюю гайку. Мы не послали ему заслуженныхъ проклятій только потому, что привѣтливый и веселый хозяинъ магазина успокоилъ насъ обѣщаніемъ немедленно залѣчить раны стальнаго коня. Дѣйствительно черезъ часъ велосипедъ былъ исправленъ, и поданный счетъ вполнѣ соотвѣтствовалъ словамъ, сказанныхъ хозяиномъ магазина при предъявленіи счета «les pris ne sont pas dûres».

Оканчивая это письмо, я Вамъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое выноситъ странникъ послѣ пребыванія въ Швейцаріи. Конечно, мои дальнѣйшія замѣчанія поверхностныя, не покоющіяся на рядѣ подсчитанныхъ аргументовъ, тѣмъ не менѣе полученныя мною впечатлѣнія совпадаютъ съ тѣмъ, о чемъ нерѣдко говорятъ путешественники.

Швейцарскій союзъ съ его миніатюрной территоріей представляетъ изъ себя государство, относительно котораго смѣло можно сказать, что все въ немъ обстоитъ благополучно. Обитатели этого небольшого куска земли, меньшаго, чѣмъ, напримѣръ, наша Екатеринославская губернія, раздѣлились на 24 самостоятельныя единицы, изъ которыхъ каждая живетъ исключительно своими интересами, равнодушная къ тому, что дѣлается вокругъ нея. Нѣтъ въ этихъ единицахъ кричащей бѣдности, нищеты; отдана надлежащая дань взаимопомощи, образованію, просвѣщенію, словомъ, всѣмъ тѣмъ сторонамъ жизни, которыя составляютъ область культуры и цивилизаціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Принципъ равенства въ Швейцаріи проведенъ въ жизнь, осуществленъ практически болѣе глубоко, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ; я не говорю только о равенствѣ въ правовой области:

послѣднее есть достояніе всей западно-европейской жизни. Я имѣю въ виду еще тенденцію къ соціальному равенству въ смыслѣ созданія одинаковыхъ имущественныхъ, образовательныхъ и всякихъ иныхъ условій жизни. Съ этой точки зрѣнія можно допустить, что въ Швейцаріи создалась средняя общая величина чувствованій, представленій, понятій, словомъ, среднее міровоззрѣніе, одинаково доступное для всѣхъ и всѣхъ удовлетворяющее. Словомъ, кажется, что всѣ люди здѣсь одинаковы, несмотря на національное различіе населенія. Здѣсь нѣтъ острой борьбы, вытекающей изъ борющихся на Западѣ идей индивидуализма и коллективизма. Всякій знаетъ, что ему предстоитъ дѣлать, знаетъ напередъ свой коротенькій жизненный путь, не увлекается широкими идеями, которыя не вмѣщаются въ $^1/_{24}$ части Швейцаріи, и копошится въ тѣсномъ раіонѣ жизни кантона, вполнѣ довольный скромностью и несложностью выпадающей на его долю задачи. Каждый такимъ образомъ дѣлаетъ свое маленькое дѣло и дѣлаетъ его добросовѣстно, хорошо. Вѣроятно, вслѣдствіе такого ограниченія сферы жизни интересами маленькаго кантона, на жизни лежитъ отпечатокъ провинціализма въ томъ смыслѣ, что господствуетъ какое-то упоеніе ограниченными мѣстными вопросами, далѣе которыхъ міръ не существуетъ. Съ этой стороны жизнь напоминаетъ нѣкоторыя черты нашей глухой провинціи; но, впрочемъ, надо быть справедливымъ: количественно мы превосходимъ сплетнями, пересудами, безвреднымъ, но пошлымъ пустословіемъ.

Указанный характеръ духовной жизни въ Швейцаріи, вѣроятно, объясняется прежде всего децентрализаціей государственнаго устройства, достигшей крайнихъ предѣловъ и замыкающей человѣче-

скую дѣятельность въ узкія рамки. Затѣмъ на такое настроеніе жизни имѣетъ несомнѣнное воздѣйствіе утрированно-проведенный въ жизни принципъ равенства. Конечно, послѣдній есть необходимое условіе соціальной жизни, когда онъ устанавливаетъ равенство правъ и обязанностей, но не равенство духовныхъ свойствъ и способностей. Такое равенство противно установленному природой порядку вещей, противоестественно и противодѣйствуетъ проявленію силъ индивидуальнаго дарованія, таланта. Понятно, что ограниченный кругозоръ въ связи съ довольствомъ своимъ положеніемъ и привязанностью къ своему узкому кругу интересовъ не вызываютъ въ швейцарцѣ увлеченія тѣми проблемами, которыя носятся надъ поверхностью европейскаго человѣчества и разрѣшеніе которыхъ составляетъ предметъ борьбы, заботъ, неустанной дѣятельности лучшихъ и выдающихся людей нашего времени. Говоря о проблемахъ, я имѣю въ виду вѣчно юные вопросы о духовномъ прогрессѣ, о жизни, выводящей личность за предѣлы личности, о жизни не личнымъ счастьемъ, о жизни индивида, сливающейся съ общечеловѣческою жизнью, о разныхъ видоизмѣненіяхъ даннаго строя жизни и т. д.

На почвѣ насильнаго разрѣшенія такихъ вопросовъ возникаютъ столкновенія противоположныхъ взглядовъ, міровоззрѣній, создаются разнаго оттѣнка умственные лагери. Ихъ споры, борьба вноситъ въ жизнь новый могучій интересъ, обновляющій человѣка и препятствующій ему навѣки погрузиться въ обывательскую злобу дня. Покойная жизнь кантона не выдвигаетъ острыхъ вопросовъ; всѣ мѣстныя проблемы кажутся разрѣшенными, всѣ согласны, всѣ одинаково мыслятъ, всѣ одинаково разсуждаютъ. Правда, мѣстныя задачи, какъ

таковыя, не широки, скромны; но это не безпокоитъ обывателя, онъ не наталкивается по условіямъ своей жизни на широкіе вопросы, онъ не терзается сомнѣніями. Онъ вполнѣ доволенъ узкостью обстановки окружающей его жизни, спокоенъ за свое настоящее и будущее, и всякій швейцарецъ твердо знаетъ, что все у него на родинѣ обстоитъ благополучно. Только праздному, постороннему наблюдателю, неспоглощенному мѣстными специфическими сторонами такой жизни, становится скучно и тоскливо.

ПИСЬМО XXXV.

Я Вамъ уже писалъ, что при переѣздѣ изъ одного государства въ другое мы обыкновенно не замѣчали никакой существенной разницы; измѣнялись цвѣта флаговъ, мундировъ на людяхъ, но люди оставались все тѣми же европейскими людьми. Переѣздъ изъ Швейцаріи во Францію въ этомъ отношеніи составлялъ отчасти исключеніе: чувствовалось, что здѣсь жизнь идетъ инымъ порядкомъ и прежде всего болѣе веселымъ, привѣтливымъ, вслѣдствіе чего дышется какъ-то особенно легко и непринужденно. Конечно, на такое наше настроеніе въ извѣстной мѣрѣ дѣйствовала смилостивившаяся надъ нами погода. Но помимо этого случайнаго внѣшняго обстоятельства тутъ вліяли и другія, скрытыя причины. Мнѣ сдается, что человѣкъ обладаетъ чѣмъ-то въ родѣ «астральныхъ очей» спиритовъ, позволяющимъ ему ощутить даже открыто не выраженное радушіе, привѣтливость людей, ихъ веселое, добродушное настроеніе. Каждое соприкосновеніе съ людьми при такой обстановкѣ, каждое слово, которымъ приходится обмѣняться,

взаимное привѣтствіе, все это оставляетъ такое благопріятное впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда онъ находится въ кругу дружественно къ нему расположенныхъ людей. Нѣтъ того гнетущаго чувства одиночества, изолированности, которое приходится претерпѣть, когда попадаешь или въ пустыню, или въ большой шумный неизвѣстный городъ. Не могу припомнить всѣхъ мелкихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ наше странствіе по Франціи, но ясно помню, что во Франціи мы оба положительно чувствовали себя какъ дома.

Послѣ недолгаго пребыванія въ Bourg мы продолжали путь по направленію въ Масоп. До этого города оставалось километровъ около 20, когда короткій осенній день склонялся къ концу. Мы ѣхали по превосходному шоссе, подобнаго которому раньше не встрѣчали. Обсаженное большими деревьями, оно представляло изъ себя безконечную аллею, время отъ времени пересѣкающую то деревушки, то небольшіе города; по бокамъ тянулись непрерывно сады и небольшіе участки свободнаго поля, огороженнаго деревьями. Вдали отъ нашей дороги по лѣвой сторонѣ тянулся лѣсъ наполовину потерявшій листву и казавшійся темной полосой, сливающейся съ безцвѣтнымъ осеннимъ небомъ. Мрачной осенней обстановкѣ не соотвѣтствовала тихая погода, мягкій воздухъ. Мы ѣхали не торопясь; наши велосипедныя души были въ восторгѣ отъ превосходнаго шоссе, позволявшаго намъ безшумно и безъ усилій катиться впередъ. Когда стало темнѣть, мы, покорные законамъ страны, остановились зажечь наши фонари на велосипедахъ. Въ это время я спросилъ проходившаго мимо меня незнакомца, далеко-ли еще до Масоп. Отвѣтивъ на вопросъ, онъ добавилъ, что въ этотъ городъ проникнуть по шоссе нельзя, ибо отдѣляю-

щая насъ отъ этого города рѣка Sâone разлилась въ такой степени, что мостъ находится подъ водою, вслѣдствіе чего всякое сообщеніе по шоссе съ городомъ прервано. Незнакомецъ совѣтовалъ намъ повернуть къ линіи желѣзной дороги и поѣздомъ проникнуть въ Масоп, такъ какъ желѣзнодорожный мостъ, болѣе высокій, пока, по его словамъ, не былъ залитъ водою. При этомъ незнакомецъ предложилъ намъ свои услуги провести въ маленькую деревушку Mezeriat, гдѣ находится желѣзно-дорожный вокзалъ, пояснивъ, что онъ самъ обитатель этой деревни и направляется на ночь домой. Мы охотно послѣдовали за нашимъ любезнымъ проводникомъ. Повернувъ обратно, мы вскорѣ своротили съ большого шоссе въ сторону и пошли по боковой дорожкѣ. Темная осенняя ночь совсѣмъ охватила землю, когда мы вошли въ маленькую деревушку, рядомъ съ которой находился маленькій желѣзно-дорожный вокзалъ. Распростившись съ проводникомъ, я вошелъ въ зданіе вокзала, гдѣ очутился въ затруднительномъ положеніи: не было ни одной живой души, и я оказался лишеннымъ возможности узнать, въ которомъ часу идетъ первый поѣздъ на Масоп. Наконецъ, замѣтивъ свѣтъ въ одной стеклянной двери, я направился къ ней. Изъ комнаты навстрѣчу вышелъ человѣкъ, оказавшійся начальникомъ станціи. Отъ него я узналъ, что желаемаго поѣзда придется ожидать 4 часа. Вслѣдствіе того, что на вокзалѣ негдѣ было пріютиться, мы отправились къ болѣе ярко освѣщенному дому. Около него стоялъ фонарь и при его свѣтѣ я прочиталъ вывѣску «Boulangerie Nevoret.» Таща съ собой велосипеды, мы открыли двери boulangerie и вошли въ небольшую опрятную комнату, посреди которой стоялъ французскій билліардъ безъ лузъ, а по бокамъ маленькіе

столики. Умѣстившись возлѣ одного и поставивъ тутъ-же наши велосипеды, я принялъ наблюдательное положеніе. Въ комнатѣ было свѣтло и тепло. Къ 7-ми часамъ вечера стало прибавляться публики. Входили разнаго возраста люди, размѣщались за столиками и просматривали валявшіяся по столикамъ газеты; среди газетъ я замѣтилъ нѣсколько изданій, но все это мѣстныя, провинціальныя изданія, выходившія въ ближайшихъ городахъ. Посѣтители требовали вина, и это требованіе проворно исполнялось находившейся за прилавкомъ миловидной и проворной хозяйкой boulangerie. Двое изъ посѣтителей вели на билліардѣ карамбольную партію и оба играли превосходно. Собравшіеся обыватели имѣли обычное европейское одѣяніе; особенностью являлась только обувь: всѣ посѣтители были обуты въ такъ называемые sabots—деревянные башмаки. Эта обувь употребляется не только въ виду ея дешевизны, но и по нѣкоторымъ удобствамъ; она легка и не подвергается дѣйствію сырости, влаги, чѣмъ превосходитъ обувь изъ кожи. Послѣ 7 часовъ вечера небольшая комната, въ которой мы помѣщались, наполнилась людьми; было около 20—30 человѣкъ. Собравшіеся обыватели повидимому всѣ были между собою знакомы, что выражалось ихъ взаимными привѣтствіями и ихъ общимъ разговоромъ. Находясь на своемъ наблюдательномъ посту, я былъ пораженъ тѣмъ приличнымъ и сдержаннымъ тономъ, какой господствовалъ въ этомъ простомъ. повидимому, глухомъ деревенскомъ обществѣ. Замѣтно было только, что люди за бутылкою дешеваго, легкаго, какъ вода, вина вели непринужденную бесѣду, находясь въ шутливомъ и веселомъ настроеніи духа. Мнѣ показалось, что такое настроеніе, нѣсколько сходное такъ называемому со-

стоянію «entre deux vins», вовсе не вызывалось веселящимъ дѣйствіемъ вина, замѣченное мною настроеніе естественно вытекало изъ общей непринужденности, привѣтливости, благодушія и того незлобиваго, не саркастическаго смѣха, который другъ отъ друга передавался всему обществу. Этотъ незлобивый, благодушный смѣхъ, веселость настроенія—завидныя черты французскаго характера. Легко жить и работать, незлобно смѣясь. Не даромъ покойный Ренанъ совѣтовалъ молодежи: «трудитесь и веселитесь!»

Находясь въ положеніи наблюдателя, я и не замѣчалъ, что мой пріятель и я были еще въ большей степени наблюдаемы посѣтителями boulangerie. Какъ я впослѣдствіи узналъ, мы находились въ малоизвѣстной и маленькой деревушкѣ съ населеніемъ въ 1400 душъ. Незнакомецъ, проведшій насъ въ эту деревню, успѣлъ сказать нѣсколькимъ своимъ знакомымъ, что онъ ввелъ въ село какихъ-то двухъ велосипедныхъ чужестранцевъ. Это небывалое событіе повидимому заинтересовало нѣсколькихъ обывателей глухого закоулка, и они дѣйствительно были удивлены, увидѣвъ 2-хъ какихъ-то далекихъ путешественниковъ, такъ же мирно, какъ и они, проводившихъ свое время въ ихъ деревенскомъ клубѣ. Сначала они считали неудобнымъ и невѣжливымъ подвергнуть насъ допросу. Поэтому, сначала они искали объективныхъ показаній, по которымъ можно было бы опредѣлить, кто мы, и нѣкоторые изъ посѣтителей издалека осматривали наши велосипеды. Замѣтивъ на машинахъ марку англійской фирмы, заинтересовавшіеся обыватели порѣшили, что мы англичане. Но скоро наша никогда жителями Mezeriat неслышанная русская рѣчь подорвала вѣру въ сложившуюся догадку. Затѣмъ насталъ короткій и не-

благопріятный для насъ моментъ, когда насъ посчитали за нѣмцевъ; произношеніе нашихъ гортанныхъ согласныхъ навело на такое предположеніе, но, говорили мнѣ потомъ, внѣшность насъ обоихъ противорѣчила подобному допущенію. Что это за странные люди? стоялъ у всѣхъ вопросъ. Но этотъ вопросъ скоро разрѣшился моимъ обращеніемъ къ сидѣвшему недалеко отъ меня посѣтителю; я спросилъ что-то, относившееся къ городу Масон, и, такимъ образомъ, вступивъ въ разговоръ, прекратилъ ту изолированность, въ которой мы находились. Когда, послѣ обмѣна нѣсколькими фразами, обнаружилось, что мы—русскіе, то незнакомецъ, вступившій со мной въ разговоръ, пришелъ въ искреннее удивленіе. «Вотъ наши друзья—русскіе!» громко воскликнулъ онъ и отрекомендовался мэромъ деревушки. Затѣмъ онъ перезнакомилъ насъ съ остальнымъ находившимся обществомъ; всѣ выражали удивленіе и удовольствіе видѣть русскихъ, которыхъ, какъ они говорили, подчеркивая, имъ никогда въ жизни не приходилось видѣть.— Среди лицъ, съ которыми мы познакомились, находились: мѣстный врачъ, учитель школы и нѣсколько болѣе вліятельныхъ и государственныхъ мѣстныхъ обывателей. Мы сразу незамѣтно попали въ положеніе старыхъ знакомыхъ, которые возвратились изъ дальняго путешествія, узнаны бывшими знакомыми и которыхъ засыпаютъ вопросами. Такими вопросами былъ засыпанъ и я. «А какой урожай въ Россіи? прогрессируетъ ли хлѣбопашество, отчего страдаетъ торговля хлѣбомъ, какія теперь цѣны?» и т. д.

Во время нашего путешествія Франція все еще была полна восторженными воспоминаніями послѣ празднествъ, вызванныхъ визитомъ Русскаго Царя. Намъ съ жаромъ и подробно разсказывали, какъ

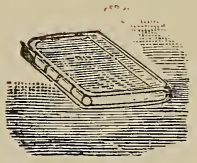
о событіи, такъ и о его значеніи. При этомъ съ уваженіемъ и похвалою относились къ парижанамъ за то, что они сумѣли устроить празднество достойное Высокихъ Гостей. Въ заключеніе мэръ добавилъ: «мы еще никогда не ликовали такъ, какъ въ эту русскую недѣлю». Въ цѣлой Франціи вы не нашли-бы ни одного самого бѣднаго домика, который не разукрасился бы въ эту недѣлю флагами.

Время незамѣтно бѣжало. Проворная хозяйка неутомимо заботилась о своихъ посѣтителяхъ и въ тоже время принимала участіе въ нашей общей бесѣдѣ. Она проворно исполнила мое желаніе, когда я шепнулъ ей подать намъ шампанское. Послѣднее освѣжило нашу бесѣду и такимъ образомъ мы засидѣлись далеко за полночь. Я пропустилъ поѣздъ, на которомъ хотѣлъ переѣхать черезъ разлившуюся рѣку Jâone, и остался ночевать въ пріютившей насъ деревушкѣ. Я имѣлъ въ виду и слѣдующее утро провести въ Mezeriat и воспользоваться любезнымъ предложеніемъ осмотрѣть школу. Какъ Вы знаете изъ моихъ прошлыхъ писемъ, я особенно интересовался преподаваніемъ такъ назыв. instruction morale et civique и, въ виду счастливаго случая, предоставлявшаго возможность видѣть такое преподаваніе, рѣшился потерять день. Ужъ очень было интересно видѣть Французскую народную школу въ глухой деревнѣ и посмотрѣть, какъ на практикѣ осуществляется интересовавшая меня идея обученія гражданственности. Во время бесѣды въ boulangerie я узналъ, что во Франціи instruction morale et civique входитъ какъ обязательный предметъ и что на него обращается серьезное вниманіе.

Ночлегъ намъ былъ отведенъ въ этой же самой boulangerie: въ ней имѣлись номера для пріѣзжаю-

щихъ и намъ было отведено 2 чистенькихъ комнаты; въ нихъ стояли необычайныхъ размѣровъ кровати; послѣднія съ покрывавшимъ ихъ пологомъ занимали чуть не половину комнаты и были болѣе похожи на какія-то сооруженія, чѣмъ на кровати. Въ комнатѣ пріятно поражали глазъ чистота и опрятность: постельное бѣлье снѣжной бѣлизны походило на снѣгъ не только чистотой, но и холодомъ, которымъ отъ него вѣяло. Благодаря такому холоду, погруженіе въ постель очень походило на погруженіе въ холодную зимнюю воду; разница заключалась только въ томъ, что въ первой обстановкѣ, благодаря разнымъ массивнымъ покрываламъ и, главное, благодаря пуховику чудовищныхъ размѣровъ, погружающійся въ постель быстро согрѣвается, хотя при дыханіи паръ продолжалъ валить изо рта и носа, какъ густой дымъ. По началу намъ не особенно остроумнымъ казался распространенный на Западѣ обычай не топить въ спальныхъ комнатахъ, вслѣдствіе чего въ нихъ положительно бываетъ холоднѣе, чѣмъ на дворѣ, и, вѣроятно, термометръ опускается въ нихъ близко къ нулю. Но привычка—вторая натура; скоро свыкаешься и, кажется, что такой порядокъ, крайне ощутительный по началу, въ общемъ не вреденъ для здоровья. Эти соображенія я высказывалъ часто моему пріятелю, который, однако, воспринималъ ихъ больше по идеѣ, чѣмъ по чувству, ибо прежде, чѣмъ лечь въ постель, онъ принималъ положеніе человѣка, готовящагося кинуться въ ледяную воду.

ПИСЬМО XXXVI.



По обыкновенію мы встали рано: раньше, чѣмъ проснулась пріютившая насъ симпатичная французская деревушка. Оставивши нашъ холодный ночлегъ, мы опустились въ ту самую комнату, въ которой проводили вечеръ наканунѣ. Въ ней было тепло, благодаря камину, наполненному пылавшими дровами. За нами быстро вошла хозяйка, привѣтствовала насъ обычными утренними вопросами и быстро изготовила намъ чуть не бочку café au lait. Наши вчерашніе друзья запоздали. Когда они пришли, солнце успѣло уже приподняться отъ земли и черезъ бѣлый утренній туманъ залило веселящимъ свѣтомъ и маленькую комнату boulangerie, и деревушку, и всю окружающую мѣстность. Добрые обыватели явились къ намъ въ роли любезныхъ хозяевъ проводить насъ въ школу. Они были пріодѣты въ черные сюртуки и свои sabots замѣнили обыкновенной обувью. Въ числѣ зашедшихъ за нами находились мэръ и нѣсколько мѣстныхъ обывателей; обѣщавшій наканунѣ зайти къ намъ докторъ отсутствовалъ; его внезапно отозвали къ дифтеритному больному. Черезъ мэра онъ передалъ намъ приглашеніе навѣстить его въ его квартирѣ, по возвращеніи изъ школы.

Я Вамъ, кажется, съ излишнимъ многословіемъ писалъ о женевскихъ народныхъ школахъ. Этотъ мой грѣхъ освобождаетъ меня теперь отъ подробнаго описанія французской народной школы, ея организаціи и принциповъ, лежащихъ въ основѣ преподаванія, ибо въ общихъ чертахъ пришлось бы повторять уже сказанное. Во Франціи, какъ и

въ Швейцаріи, проведено начало всеобщности и обязательности обученія. Эта повинность упадаетъ на дѣтей обоего пола въ возрастѣ съ 6 окончившихся лѣтъ до 13 лѣтъ; такимъ образомъ курсъ народной школы шестилѣтній. При обязательности обученія законодатель сохранилъ начало свободы обученія, т. е. родителямъ предоставлено право обучать ихъ дѣтей, гдѣ имъ угодно, лишь-бы ихъ дѣти по окончаніи 13 лѣтъ имѣли извѣстный запасъ свѣдѣній, указанныхъ въ правительственной программѣ, и извѣстное развитіе. До 6-лѣтняго возраста дѣти могутъ обучаться въ écoles énfantines, ничѣмъ особеннымъ не отличающейся отъ такихъ-же школъ, имѣющихся въ Женевѣ. Ecoles complémentaires во Франціи нѣтъ.

Программа 6-лѣтняго курса въ народной школѣ достаточно обширна, какъ нетрудно въ этомъ убѣдиться изъ 1-й ст. закона 28 Марта 1882 года. Текстъ статьи слѣдующій: «L'enseignement primaire comprend:

L'instruction morale et civique;

La lecture et l'écriture;

La langue et les éléments de la littérature française;

La géographie, particulièrement celle de la France;

L'histoire, particulièrement celle de la France jusqu'à nos jours;

Quelques notions usuelles de droit et d'économie politique;

Les éléments des sciences naturelles, physiques et mathématiques; leurs applications à l'agriculture à l'hygiène, aux arts industriels, travaux manuels et usage des outils des principaux métiers;

Les éléments du dessin; du modelage et de la musique;

La gymnastique;
Pour les garçons les exercises militaires;
Pour les filles les travaux à l'aiguille».

Вы видите, программа обширная, но ее преодолѣваютъ успѣшно, какъ благодаря 6-лѣтнему пребыванію въ школѣ, такъ главнымъ образомъ благодаря тѣмъ пріемамъ преподаванія, которые основаны на знаніи свойствъ, силъ и способностей дѣтской души. Вы также видите изъ приведенной статьи закона, что на первомъ планѣ въ программѣ находится instruction civique et morale. Но объ этомъ предметѣ, какъ я уже Вамъ обѣщалъ, я представлю особое сообщеніе. Теперь же возстановляю впечатлѣнія, вынесенныя при посѣщеніи школы. Нашъ «велосипедный» способъ проникновенія въ народную школу въ маленькой неизвѣстной деревушкѣ имѣлъ то преимущество, что вводилъ насъ въ совершенно неподготовленную обстановку, ставилъ лицемъ къ лицу съ будничной дѣйствительностью. Вотъ почему мы видѣли школу, дѣтей, учителей, учительницъ въ ихъ ежедневной обстановкѣ; мы имѣли случай наблюдать преподаваніе въ его обычномъ теченіи, которое, къ слову сказать, всегда нѣсколько нарушается, когда являются напередъ ожидаемые посторонніе зрители.

Все видѣнное мною въ французской деревенской школѣ вызывало тѣ же мысли, которыя я Вамъ излагалъ послѣ посѣщенія школъ въ Женевѣ. Отрадно становилось на душѣ, когда при первомъ же ознакомленіи со школой, съ очевидностью выяснялось, что здѣсь люди въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія будущихъ поколѣній выбросили вонъ тѣ пріемы, которые, подъ видомъ просвѣщенія души, обманнымъ образомъ вводятъ въ школу разныя тенденціи.

Здѣсь, въ этомъ маленькомъ глухомъ училищѣ во всемъ проявлялось правдивое стремленіе морально и интеллектуально просвѣтить душу будущаго гражданина Франціи.

Еслибы отецъ современной педагогики — старикъ Песталлоци всталъ изъ гроба, онъ увидѣлъ бы, что его земная жизнь, посвященная дѣлу воспитанія дѣтей, воспитанія, основаннаго на ознакомленіи съ психологическими законами души ребенка и ведущаго исключительно къ морально-умственному усовершенствованію души, не прошла безслѣдно; онъ увидѣлъ бы, что его благородная мечта обученіемъ морально улучшить человѣка, отражаясь въ людяхъ, продолжаетъ носиться надъ землей; онъ увидѣлъ бы, что эта нѣкогда смѣлая мечта, казавшаяся фантазіей чудака, нынѣ пользуется славой безспорной истины даже въ такой маленькой глухой деревушкѣ, какъ посѣщенная нами Mézériat. Такова завоевательная сила идей, исходящихъ отъ истинныхъ благородныхъ труженниковъ, отдавшихся служенію на пользу человѣчества.

Осмотръ всякаго государственнаго учрежденія во Франціи представляетъ то удобство, что по одному учрежденію можно достаточно правильно судить и объ остальныхъ. Дѣло въ томъ, что французскія учрежденія строго проникнуты принципомъ единообразія и вслѣдствіе этого по всей странѣ господствуютъ одинаковые порядки. Тоже самое должно сказать и про французскія народныя училища; вотъ почему совершенно правъ былъ французскій министръ народнаго просвѣщенія Ж. Фавръ, когда онъ сказалъ: «смотря на часы, я знаю, что дѣлается въ каждой французской школѣ». Въ этомъ отношеніи французская республика прямая противоположность своей со-

сѣдкѣ швейцарской республикѣ; въ послѣдней каждый кантонъ себѣ господинъ и часто порядки одного кантона совсѣмъ не схожи съ порядками другого. Современная французская народная школа, созданная закономъ 1882 года, имѣетъ еще тотъ интересъ, что она является несомнѣннымъ дѣтищемъ 3-ей республики. Часты и разнообразны бывали министерства французской республики, также легко восходившія къ власти, какъ и терявшія ее, но всѣ эти часто смѣнявшіеся представители власти — представители воли республиканскаго большинства — ни на одну минуту не забывали девиза, завѣщаннаго извѣстнымъ поэтомъ, писателемъ и добрымъ гражданиномъ. Девизъ этотъ заключается въ тѣхъ нѣсколькихъ словахъ, произнесенныхъ Викторомъ Гюго еще въ 1852 году въ законодательномъ собраніи, которыя навсегда сохранятъ историческое значеніе. «Обязательное первоначальное обученіе», говорилъ В. Гюго,— «это право ребенка, которое болѣе свято, нежели право отца, и которое сливается съ правомъ государства»...

Кажется, что память объ этихъ словахъ гласно или не гласно входили въ программу всякаго министерства. Кто-бы ни былъ у власти, онъ всегда памятовалъ, что просвѣщеніе родины есть святое требованіе, стоящее выше взглядовъ и интересовъ борющихся парламентскихъ партій. Вотъ почему уже не молодая мечта французскаго народа объ организаціи первоначальнаго народнаго просвѣщенія на надлежащей высотѣ получила теперь полное и блестящее осуществленіе. Я Васъ прошу припомнить все то, что я говорилъ по вопросу о школахъ въ письмахъ изъ Женевы, прошу также замѣтить, что всѣ указанныя мною положительныя стороны первоначаль-

наго обученія въ Женевѣ не чужды французской школѣ, и тогда Вы согласитесь со мною, что люди, стоявшіе у власти въ современной Франціи, не

даромъ поработали надъ дѣломъ первоначальнаго обученія. Несомнѣнно, что исторія отмѣтитъ эту сторону въ жизни 3-ей республики, какъ ея лучшее достояніе.

Во время бесѣды какъ-то пришлось къ слову и я спросилъ, какъ бы къ намъ отнеслось населеніе деревушки, если бы первоначальная догадка мэра о томъ, что мы нѣмцы, оказалось вѣрной. Что касается внѣшняго комфорта, то, по словамъ моего собесѣдника, никакой разницы мы не ощутили бы. И нѣмцамъ дали бы просимыя указанія, ночлегъ и все, что они бы не потребовали. «Только», продолжалъ собесѣдникъ, «не было бы той непринужденности въ отношеніяхъ, какая сразу установилась между нами. Была бы взаимная предупредительность, вѣжливость, но безъ теплоты»... И затѣмъ мой собесѣдникъ, человѣкъ лѣтъ сорока, добавилъ: «милліярды забыты, но Эльзасъ-Лотарингіи забыть нельзя»...

ПИСЬМО XXXVII.

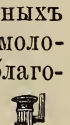
Въ школѣ мы оставались нѣсколько часовъ и посѣтили всѣ классы, начиная отъ самыхъ младшихъ и кончая старшими. Въ одномъ зданіи помѣщались école énfantine и école primaire. Зданіе училища не было изъ роскошныхъ; обстановка скорѣе должна быть признана скромной; но вмѣстѣ съ тѣмъ было все, что даетъ право назваться училищу вполнѣ благоустроеннымъ. Комнаты, гдѣ учатся дѣти, большія, свѣтлыя, чистыя, съ большимъ количествомъ чистаго воздуха. Стѣ-

ны завѣшаны картинами, относящимися къ изучасмому въ школѣ и поясняющія то, что преподается на урокахъ. Отношеніе учебнаго персонала трогательно по своей заботливости и мягкости къ дѣтямъ. Этимъ особенно обращали на себя вниманіе учительницы въ école énfantine, гдѣ дѣти такъ малы, что едва взбираются по лѣстницѣ въ нѣсколько ступенекъ, ведущей въ ихъ классъ. Учительница производила впечатлѣніе доброй матери, успѣвавшей лаской и забавами водворять порядокъ въ семьѣ, состоявшей изъ 40—50 малютокъ, и вести съ ними тѣ легкія занятія, которыя доступны въ возрастѣ отъ 4 до 6 лѣтъ. Къ числу такихъ занятій относятся разсказы учительницы, такъ называемые leçons des choses, гимнастическія упражненія всѣмъ классомъ и т. п. Простота и достоинства, съ которымъ держали себя молоденькія учительницы вызывали въ наблюдателѣ и удивленіе, и восхищеніе. Во время моего пребыванія въ училищѣ я успѣлъ записать названія книгъ, которыя служатъ пособіемъ при изученіи instruction civique et morale и просмотрѣть вообще школьные учебники, руководства, по которымъ учатся дѣти. Эти маленькія дѣтскія книжки на каждой страницѣ ярко отражаютъ талантливость и педагогическую подготовленность ихъ составителей. Разсказы для чтенія какъ разъ приспособлены къ дѣтскому пониманію, къ дѣтскимъ интересамъ, забавны, веселы и незамѣтно доставляютъ тотъ кругъ свѣдѣній, то пониманіе, для проведенія котораго онѣ предназначены. Въ этомъ отношеніи французскіе учебники превосходятъ женевскіе: на послѣднихъ лежитъ отпечатокъ тяжести и тоски, вызываемыхъ обычными тяжелыми учебниками. Распрощавшись въ школѣ съ учителями и дѣтьми, которыя

въ заключеніе пропѣли нѣсколько патріотическихъ пѣсенъ, мы отправились нанести визитъ мэру, доктору и нѣкоторымъ мѣстнымъ жителямъ.

Уже внѣшняя обстановка жилищъ той деревушки, въ которой мы находились, сразу показываетъ и достатокъ ея обитателей, и развитые культурные вкусы населенія. Наши представленія о деревнѣ, о крестьянскихъ хатахъ, даже богатые села совсѣмъ не годятся для того, чтобы составить себѣ понятіе о жизни во французской деревнѣ. Люди тамъ живутъ въ такой обстановкѣ, въ такихъ условіяхъ, какія свойственны достаточнымъ обывателямъ нашихъ губернскихъ и лучшихъ уѣздныхъ городовъ. Квартира у французскихъ деревенскихъ жителей обставлена хорошо, со вкусомъ, состоитъ изъ 4-хъ — 5-ти комнатъ; въ домѣ достаточно и свѣтло, и просторно, только, какъ и вездѣ на Западѣ, нѣтъ тепла, ибо нѣтъ нашихъ лучшихъ въ мірѣ русскихъ печей. Жители деревушки занимаются земледѣліемъ, разведеніемъ виноградниковъ, производствомъ вина и разными ремеслами. Одинъ изъ обывателей показывалъ намъ свой часовой магазинъ, въ которомъ можно было пріобрѣсть оригинальные мѣстнаго производства стѣнные часы за баснословно дешевую цѣну. Нѣкоторыя изъ посѣщаемыхъ нами лицъ предлагали намъ попробовать разныхъ сортовъ вина своего производства. Непривычные къ употребленію такихъ напитковъ въ большомъ количествѣ и не имѣя силъ отказаться отъ любезнаго угощенія, я боялся этого частаго пробованія и со страхомъ думалъ, что въ концѣ концовъ опьянѣю. Но предлагавшіеся напитки, къ моему счастью, не отличались вредными опьяняющими свойствами. Стаканы выпитой съ утра влаги не вызывали того подлаго состоянія, когда душевная дѣятельность

опутывается какимъ-то хаотическимъ туманомъ; даже напротивъ: здѣсь вино какъ будто поддерживало бодрственное состояніе. Наши визиты закончились посѣщеніемъ д-ра G. Это весьма привѣтливый человѣкъ, повидимому, очень добрый, спокойный. Онъ холостякъ, входящій въ тотъ возрастъ, когда люди внѣшне слегка округляются и внутренно освобождаются отъ мечтательныхъ взглядовъ на жизнь, свойственныхъ первой молодости. Д-ръ G. любитель древней утвари, благодаря чему стѣны его маленькой уютной квартиры увѣшаны разными въ этомъ отношеніи достопримѣчательностями; не знатоку же онѣ кажутся кусками старой, негодной, побитой посуды.



Предъ разставаніемъ мэръ, докторъ и еще нѣсколько лицъ пригласили насъ вмѣстѣ отобѣдать въ знакомой намъ boulangerie Nevoret. Обѣдъ, конечно, не такое обстоятельство, о которомъ прилично вспоминать, но въ данномъ случаѣ меня поразилъ тотъ фактъ, что въ маленькой деревушкѣ устроили такого содержанія обѣдъ, что онъ полностью могъ бы оправдать всѣ требованія званнаго обѣда. Было пять, шесть кушаній въ надлежащей перетасовкѣ, было разное вино, вытѣсненное подъ конецъ шампанскимъ, словомъ, все было какъ слѣдуетъ; не было только скуки, сопровождающей большіе и долгіе обѣды.

Вы уже знаете, при какихъ условіяхъ мы попали въ Mezeriat. Достичь находившійся въ 20 кил. отъ насъ городъ Macon мы могли посредствомъ поѣзда, который безпрепятственно перевозилъ пассажировъ черезъ разлившуюся рѣку Sâone. Распростившись съ нашими друзьями, мы такъ и сдѣлали. Едва мы отъѣхали отъ Mezeriat, какъ

намъ представилось эффектное и въ то же время печальное зрѣлище. Маленькая рѣка Sâone, выйдя изъ береговъ, превратилась въ половодный грозный потокъ, имѣвшій въ ширину отъ 12 до 15 километровъ. Лѣса, сады, поля — все было подъ водой, которая спокойно, но неудержимо неслась куда-то далеко къ Средиземному морю. Жалкій видъ имѣли оставленные обитателями домики, выглядывавшіе изъ-подъ воды; также печально торчали изъ-подъ воды перила моста, находящагося на томъ шоссе, по которому мы должны были въѣхать въ городъ. Косые лучи осенняго солнца бѣлымъ цвѣтомъ окрашивали большое гладкое водное пространство, мѣнявшее свой цвѣтъ на темноватый тамъ, гдѣ рѣка залила лѣса и сады. Почти до города Châlon sur Sâone (есть другой Châlon sur Marne, нынѣ извѣстный тѣмъ, что русскій Царь здѣсь произвелъ смотръ французскимъ войскамъ) намъ приходилось видѣть все ту же красивую и горестную картину наводненія и почти до самаго этого города шоссе на большихъ пространствахъ было залито водою. Зато послѣ города Châlon началось для насъ истинное велосипедное празднество.

Отъ велосипедиста, проѣхавшагося по хорошей дорогѣ, часто можно слышать восклицаніе: «дорога, какъ паркетъ!» Понятно, такія восторженныя завѣренія всегда должны приниматься какъ реторика восхищенія. Но подобная аттестація французскихъ шоссейныхъ дорогъ не является преувеличеніемъ: дѣйствительно, во Франціи шоссе гладко, какъ паркетъ, и велосипедистъ катится по немъ почти безъ всякихъ усилій, забывая про тѣ толчки и неудобства, которые терзаютъ ѣздока и задерживаютъ легкій ходъ самоката. Помимо чуднаго шоссе, велосипедиста не менѣе плѣняетъ во

Франціи отсутствіе крутыхъ спусковъ и подъемовъ. Затѣмъ есть еще удобства, которыхъ въ другихъ странахъ мы не встрѣчали. Я Вамъ уже писалъ, что, путешествуя на велосипедѣ по Австріи, Баваріи, мы постоянно должны были слѣдить по картѣ за дорогой, чтобы не утерять надлежащаго пути и что, кромѣ того, мы постоянно обращались съ разспросами къ мѣстнымъ обитателямъ; нетрудно вѣдь было запутаться, когда шоссе перекрещивались, шли въ разныхъ направленіяхъ, и когда на дорогахъ не было никакихъ указаній, куда какой путь ведетъ. Во Франціи мы были совершенно освобождены отъ заботы слѣдить за нашей дорогой и обращаться за содѣйствіемъ къ тѣмъ подробнымъ картамъ, какими мы пользовались раньше до пріѣзда во Францію. На всемъ нашемъ пути по Франціи мы видѣли, что на дорогахъ, на разстояніи километра, стояли столбы съ указаніемъ остающагося числа километровъ до ближайшаго города и, кромѣ того, на каждомъ пунктѣ перекрещиванія дорогъ, на столбѣ имѣлись особые знаки и надписи, объяснявшія, куда какая дорога ведетъ. При выѣздѣ же изъ каждаго города, изъ каждой деревушки опять на особомъ столбѣ или на стѣнѣ послѣдняго дома была прибита доска съ знаками и надписями, при помощи которыхъ становилось нетруднымъ опредѣлить свой путь. Благодаря такому порядку, мы могли ѣхать, не останавливаясь и не затрудняя никого разспросами; при перекрещиваніи дорогъ стоило бросить только взглядъ на объяснительную доску и сразу выяснялось, какого держаться направленія. Въ этомъ отношеніи всякія затрудненія были устранены до такой степени, что я даже не позаботился пріобрѣсть спеціальную карту, предназначенную для велосипедистовъ; я довольствовался

общей картой Франціи по департаментамъ. Маршрута составлять не приходилось, ибо даже на общей картѣ былъ отмѣченъ прямой путь на Парижъ черезъ города: Macon, Châlon sur Sâone, Beaune, Dijon, Montbard, Tonnerre, Sens и Melun. Помимо безподобныхъ французскихъ дорогъ велосипедистъ-членъ Touring Club de France встрѣчаетъ во Франціи особыя удобства и при остановкахъ. Почти въ каждой деревушкѣ и въ каждомъ городѣ есть одна или нѣсколько гостинницъ, украшенныхъ знакомъ Touring Club'a. Въ такой гостинницѣ велосипедистъ свой человѣкъ и можетъ пользоваться особымъ вниманіемъ и покровительствомъ, если онъ имѣетъ въ немъ нужду. Для насъ пріятность путешествія во Франціи увеличилась еще и отъ того, что настали хорошіе, солнечные дни, хотя и очень свѣжіе; утренній морозъ, при нашемъ легкомъ одѣяніи, давалъ себя чувствовать изрядно, но это не затрудняло путешествія.

Попавъ въ благопріятныя условія ѣзды на велосипедѣ, мы не уберегліись отъ грѣха, свойственнаго велосипедистамъ; до сихъ поръ мы не поддавались его искушеніямъ. Грѣхъ состоитъ въ томъ, что велосипедистъ, увлекаясь легкостью ѣзды, начинаетъ «гнать», спѣшитъ, какъ на пожаръ. Подобное увлеченіе было совершенно непростительно мнѣ, старому велосипедисту, который зналъ, что чрезмѣрно скорый ходъ ослабляетъ ѣздока при длинномъ путешествіи и, главное, измѣняетъ характеръ спокойнаго, беззаботнаго странствія, вводя велосипедную страсть гнать во чтобы то ни стало. Но грѣха не воротишь; чудное шоссе, прекрасныя условія для гоньбы сдѣлали свое дѣло: искусили тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, какое знаетъ только велосипедистъ, когда безъ особаго напряженія онъ катится со скоростью 20 — 25 верстъ въ часъ.

Кажется, что въ нашей спѣшной ѣздѣ по Франціи велосипедное чувство играло очень большую роль, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы руководились еще соображеніемъ, что дѣйствительно надо спѣшить, чтобы воспользоваться прекрасными солнечными днями и пріѣхать въ Лондонъ до наступленія дождливаго осенняго времени.

Путешествіе по Франціи столь очаровательно, интересно, что путникъ съ сожалѣніемъ разстается съ этой прекрасной страной. Мы это скоро поняли и почувствовали послѣ того, какъ очутились во Франціи; каждое мѣстечко, каждый городъ, въ которомъ мы останавливались, имѣли какую-нибудь достопримѣчательность и могли заинтересовать странника. Но, увы, мы обанкротились со временемъ и увидѣли, что нѣтъ никакой возможности странствовать съ той медленностью и остановками, какія вызывались обстоятельствами путешествія. Вотъ почему, утѣшаясь далекими планами въ будущемъ пріѣхать путешествовать исключительно по Франціи, мы, утѣшаясь этой мыслью, продолжали все время «гнать». Такимъ образомъ, не смотря на короткіе осенніе дни, мы успѣвали проходить ежедневно отъ 130 до 150 километровъ. Выѣхавъ изъ Mezeriat около двухъ часовъ дня 22-го октября по нашему стилю, мы уже 25-го октября вечеромъ подъѣзжали къ Парижу. Условія путешествія оставались прежнія—благопріятныя: солнечные дни, прекрасное шоссе и повсюду привѣтливое населеніе. Послѣ Mezeriat первая наша ночевка была въ Beaune, куда мы пріѣхали ночью. Въ Hôtel de la Poste мы нашли ночлегъ и на утро продолжали нашъ путь. Краткая остановка для завтрака была сдѣлана въ городѣ Dijon, откуда мы къ ночи добрались до мѣстечка Montbard. Послѣ Dijon дорога пересѣкаетъ слегка гористую мѣст-

ность съ некрутыми, впрочемъ, спусками и подъемами, мѣстность здѣсь имѣетъ пустынный видъ, города и деревушки не встрѣчаются на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ километровъ. Во время нашего путешествія безлюдныя мѣста представляли такую рѣдкость, что мы порадовались попасть въ условія, которыя напоминали намъ наше путешествіе по родинѣ. Но такія условія продолжались недолго; уже предъ Montbard вновь стали встрѣчаться частыя деревушки. Помню, что солнце скрывалось за холмомъ, когда я, выѣхавъ изъ какой-то деревушки, прочиталъ на indicateur надпись, объяснявшую, что до Montbard остается 19 километровъ. Намъ не хотѣлось быть захваченными ночью и мы налегли на педали. Къ нашему удивленію, мы очутились въ Montbard до наступленія темноты, проѣхавъ 19 километровъ въ 40 минутъ.

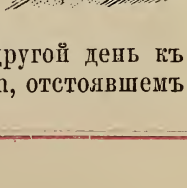
ПИСЬМО XXXVIII.

Возможность найти пріютъ и ночлегъ въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ закоулкѣ позволяла намъ продолжать путь, не устанавливая впередъ этаповъ для ночлега. Обыкновенно мы останавливались въ томъ городѣ или деревушкѣ, гдѣ насъ захватывала ночь. Если такимъ образомъ мы останавливались въ городѣ, то прежде всего, при помощи разспросовъ, разыскивали гостинницу, украшенную знакомъ Touring Club'a. Гостинницы въ городахъ Франціи удобны и схожи вообще съ гостинницами западно-европейскихъ городовъ. Нѣкоторую особенность составляло обыкновеніе въ 7 часовъ вечера приглашать постояльцевъ за общій обѣдъ (table d'hôtes). За такимъ обѣдомъ мы, благодаря нашимъ велосипеднымъ костюмамъ, вы-

дѣлялись среди остальныхъ посѣтителей, приходившихъ къ обѣду пріодѣтыми. Но на насъ никто не обращалъ никакого вниманія, и нашъ не ко двору видъ никого повидимому не приводиль въ смущеніе. Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ мы проводили вечеръ, если попадали на ночлегъ въ маленькую деревушку; тамъ тоже въ 7 часовъ вечера звали на общій обѣдъ; но общество собиралось немногочисленное, близко знакомыхъ между собою людей, которые и съ нами вступали въ знакомство и бесѣду. Къ обѣду всегда присаживался хозяинъ гостинницы; прислуга (проворныя и не лишенныя интереса представительницы слабаго пола), подававшая обѣдъ, тоже была участницей общаго разговора и потѣшала публику, ловко парируя сыпавшіяся на ея счетъ шутки и остроты. Въ Montbard такая небольшая компанія послѣ обѣда усѣлась вокругъ огромнаго каменнаго камина съ горѣвшими въ немъ толстыми бревнами. Хозяинъ гостинницы находился съ нами; это былъ маленькій живой старичокъ, ухаживавшій за своими посѣтителями и любившій повидимому поговорить. Во время обѣда онъ, обращаясь ко мнѣ, началъ разсказъ о томъ, какъ ему пришлось говорить съ Императоромъ Александромъ II. «Какъ же это случилось?» раздался общій вопросъ. Разсказчикъ продолжалъ: «Императоръ ѣхалъ на югъ въ Ниццу къ больному сыну. На станціи, гдѣ я былъ поваромъ, назначена была остановка Императорскаго поѣзда для завтрака. Какъ часто случается среди суматохи, завтракъ запоздалъ; а экстренный поѣздъ почему-то пришелъ не много раньше. Любопытно мнѣ было посмотрѣть на Императора и я выбѣжалъ на платформу. Замѣтивъ высокаго, представительнаго господина въ штатскомъ, сопровождаемаго большой собакой, я обра-

тился къ нему съ вопросомъ: «гдѣ Императоръ и какъ бы его увидѣть?» Господинъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ ходить большими шагами, сохраняя печальный, задумчивый видъ. Не успѣлъ незнакомый мнѣ господинъ отойти и нѣсколько шаговъ отъ меня, какъ ко мнѣ подскочилъ жандармъ съ угрожающимъ замѣчаніемъ: «какъ ты смѣлъ обращаться къ Императору!» «Но вѣдь я не зналъ, что это былъ Императоръ», продолжалъ разсказчикъ, какъ бы извиняясь предъ нами за свое невѣдѣніе. Но дружный хохотъ прервалъ его разсказъ. «Какъ же», обратился одинъ изъ слушателей, «ты странно понимаешь слово разговаривать!» l'Empereur t'a tourné le dos, а ты это называешь разговоромъ!» «Но», оправдывался разсказчикъ, «почти разговаривалъ и навѣрное это было бы такъ, если бы Императоръ не былъ удрученъ печальными вѣстями о болѣзни свего сына». Но тутъ разсказчика забросали шутками и остротами на тему о прихотливости его воображенія. Нѣкоторые изъ посѣтителей послѣ обѣда играли въ карты и, какъ мнѣ показалось, безъ денежнаго интереса; смысла игры я не разобралъ, но во всякомъ случаѣ это была игра не столь сложная, какъ нашъ достославный винтъ. Мнѣ приходилось постоянно сожалѣть о невозможности, въ виду наступленія осени, оставаться на болѣе продолжительное время въ такихъ уголкахъ, какъ Montbard. Здѣсь можно было бы видѣть жизнь Франціи, о которой иностранцы ошибочно судятъ по Парижу; этому ознакомленію съ Франціей содѣйствовали-бы прежде всего радушіе и привѣтливость мѣстныхъ жителей, предлагавшихъ осмотрѣть ихъ учрежденія и вообще познакомиться съ ихъ бытомъ. Но, какъ я уже объяснилъ, мы спѣшили и съ разсвѣтомъ должны были оставить гостепріимный ночлегъ.

Проѣхавъ на другой день около 130 километровъ, мы на ночь остановились въ Sens, куда прибыли еще засвѣтло. Sens — городъ, поэтому здѣсь нельзя было вступить въ общеніе съ людьми; вѣдь въ городѣ чужестранецъ относительно общенія съ людьми находится въ такихъ же условіяхъ, какъ и въ пустынѣ: онъ чужой и одинокъ; только попадая въ деревню, онъ гость и новый знакомый всего населенія. Предъ обѣдомъ мы пошли бродить по городу; въ первомъ книжномъ магазинѣ я увидѣлъ маленькую изящную еженедѣльную иллюстрацію, поразившую меня тѣмъ, что она предназначается для особыхъ читателей, для дѣтей младшаго возраста, для учениковъ первоначальной школы. Въ попавшемся мнѣ номерѣ было помѣщено, примѣнительно къ дѣтскому пониманію, описаніе посѣщенія Франціи Русскимъ Царемъ. Вполнѣ удовлетворительныя иллюстраціи добавляли это описаніе. Во время одной изъ остановокъ, просматривая газеты, я, къ удивленію своему, прочиталъ въ «Le Temps» корреспонденцію изъ Bourg'a, въ которой разсказывалось, какъ два русскихъ (фамиліи наши были переданы ошибочно до неузнаваемости) «cernés par les eaux prirent leur parti de faire halte à la petite localité de Mézériat». Затѣмъ передавалось, что я подробно осматривалъ школы и остался въ восторгѣ отъ метода преподаванія и т. д. Прочитанная корреспонденція подтвердила ранѣе вынесенное мною заключеніе, что во Франціи, какъ и вообще на Западѣ, нѣтъ такого уголка, куда бы уже не проникалъ печатный станокъ, жадный на всякія новости.



Переночевавъ въ Sens, мы на другой день къ 11 часамъ дня были въ гор. Melun, отстоявшемъ

отъ Парижа въ 50 километрахъ. Чѣмъ ближе мы становились къ Парижу, тѣмъ чаще намъ попадались навстрѣчу наши собратья по колесу; встрѣчались также и велосипедистки, о которыхъ упоминаю отдѣльно, не увѣренный, что онѣ составляютъ категорію собратіевъ. Въ Melun, сидя въ ресторанѣ за завтракомъ, я познакомился съ однимъ такимъ собратомъ и его женой; они оба на отдѣльныхъ велосипедахъ ѣхали въ городъ X., отстоявшій отъ Парижа километровъ за полтораста. Нашъ собратъ, служа въ извѣстной у насъ фирмѣ Нобеля, ѣхалъ по дѣламъ этой фирмы; жена его сопровождала, и такимъ образомъ принципъ совмѣстной супружеской жизни не нарушался и во время ѣзды на велосипедѣ.

Въ Melun я узналъ, что километровъ за 25 отъ Парижа шоссе замѣняется мостовой, по которой ѣзда для велосипедиста очень неудобна. Между тѣмъ были боковыя нѣсколько кружныя проселочныя дорожки, пользуясь которыми можно было доѣхать до Парижа, избѣгнувъ этой длинной мостовой. Конечно, чужестранцу трудно оріентироваться на этихъ дорожкахъ — тропинкахъ, и поэтому я попытался найти въ Melun проводника. Послѣднее оказалось дѣломъ совсѣмъ не затруднительнымъ; владѣлецъ мѣстнаго велосипеднаго магазина, оказавшійся велосипедистомъ, охотно согласился быть нашимъ лидеромъ за вознагражденіе по моему усмотрѣнію. Около 3-хъ часовъ дня онъ заѣхалъ за нами въ гостинницу, и вскорѣ послѣ этого три велосипедиста, слѣдуя одинъ за другимъ и усердно налегая на педали, шли рѣзвымъ ходомъ по направленію къ Парижу. Еще не доѣзжая до Melun, мы ѣхали километровъ съ 15 по чудному лѣсу, который, благодаря дорожкамъ, лужайкамъ, расчисткѣ деревьевъ произво-

дилъ впечатлѣніе прекраснаго образцоваго живописнаго парка необычайныхъ размѣровъ. Весной и лѣтомъ здѣсь, вѣроятно, безподобно хорошо; даже осенью этотъ громадный паркъ—лѣсъ, потерявшій наполовину свою листву, манилъ странника остаться въ немъ и отдаться долгому хожденію по всѣмъ его закоулкамъ. Также точно живописна мѣстность и вблизи Парижа; постоянно приходится ѣхать по дорожкамъ, проложеннымъ черезъ сады, поля, откуда открываются нѣсколько пустынныя перспективы; онѣ, вѣроятно, успокоительно должны дѣйствовать на душу попавшаго сюда горожанина послѣ сутолоки и грохота городской жизни. Съѣхавъ съ главной дороги, мы достаточно долго колесили по маленькимъ тропинкамъ, пока, наконецъ, подъѣхали къ мосту. Въ это время начало темнѣть, и мы зажгли фонари. Проводникъ объяснилъ, что это мостъ на р. Сенѣ, и что мы уже пріѣхали въ Парижъ. Онъ намъ предложилъ сѣсть на одинъ изъ маленькихъ пароходовъ, которые обычно снуютъ по Сенѣ, развозя публику изъ одного конца города въ другой. Намъ представлялось очень удобнымъ на пароходѣ въѣхать въ центръ города и тѣмъ избѣгнуть всегда нѣсколько опасной ѣзды на велосипедѣ среди суетливаго городского движенія, сдавленнаго узкими улицами.

Но намъ не удалась такая прогулка по Сенѣ: разлитіе рѣки, вызванное сильными дождями, препятствовало судоходству по ней. Поэтому намъ ничего больше не оставалось, какъ продолжать путь на велосипедахъ. Съ часъ медленнымъ ходомъ мы двигались среди экипажей, людей, избѣгая столкновеній и съ тѣми, и съ другими. То мы попадали въ давку между каретъ, грузовыхъ

телѣгъ и спѣшили скорѣе вырваться изъ этой тревожной для велосипедиста тѣсноты, то мы въѣзжали въ полутемные, узенькіе, но свободные отъ экипажей переулки, которые выводили насъ вновь на залитые электрическимъ свѣтомъ бульвары, гдѣ начиналась прежняя давка. Наконецъ, въ одномъ изъ темныхъ переулковъ нашъ проводникъ остановился; мы были въ Латинскомъ кварталѣ и стояли передъ небольшой неизвѣстной гостинницей, которыхъ такъ много въ Парижѣ.

Получивъ черезъ посланнаго наши вещи съ вокзала, мы перемѣнили нашу велосипедную форму на обыкновенный обывательскій костюмъ и пошли странствовать по Парижу; я ранѣе бывалъ въ этомъ городѣ и могъ кое-какъ оріентироваться въ немъ. Выйдя изъ узкихъ небольшихъ переулковъ, мы очутились на большой улицѣ, извѣстной подъ историческимъ именемъ Boulevard St. Germain. На всемъ ея длинномъ протяженіи мы встрѣчали частые памятники, поставленные если не всегда великимъ, то зато всегда памятнымъ людямъ Франціи. Здѣсь, среди недостаточнаго свѣта, въ полутемнотѣ постоянно вырисовывались металлическія фигуры участниковъ великой Французской революціи. Эти строгія фигуры, казавшіяся особенно мрачными въ полутемнотѣ, наводили на мысль о томъ, что и большого масштаба люди могутъ направить движеніе своихъ силъ по такому пути, который ничего не оставитъ послѣ нихъ, кромѣ хладнаго металлическаго памятника. Такія мысли вызывали нѣкоторые памятники тѣмъ людямъ великой Французской революціи, которые блеснули предъ обществомъ яркимъ, но краткимъ блескомъ молніи и затѣмъ похоронили себя подъ грудой совершонныхъ ими злодѣяній. Эти люди, кажется,

имѣли все, чтобы быть великими въ человѣчномъ значеніи этого слова. Но они впали въ великую ошибку, сдѣлавшую ихъ малыми: въ безуміи своемъ они повѣрили, что великія идеи, проблемы проводятся въ жизнь насиліемъ, кровью и желѣзомъ; они забыли, что обнажающій мечъ отъ меча погибаетъ, и своими кровавыми подвигами могли бы бросить кровавую тѣнь на великія идеи; но идеи были такъ высоки, что ихъ не могла достичь слабая рука отдѣльныхъ кровожадныхъ героевъ; идеи уцѣлѣли; подъ сѣнью ихъ продолжаетъ свой ростъ общество; только преступные герои великой эпохи опознаны и ихъ металлическія изваянія ничего не говорятъ отраднаго душѣ человѣка. Иное совсѣмъ отражаютъ въ душѣ тутъ же встрѣчавшіеся памятники тѣхъ общественныхъ работниковъ, благородное творчество которыхъ сѣяло идеи добра, красоты, любви и не взывало къ инстинктамъ крови и насилія.

Въ этотъ вечеръ нашъ проводникъ изъ Melun былъ вмѣстѣ съ нами и продолжалъ лидировать насъ по Парижу, но уже безъ велосипеда. Слѣдуя за нимъ, около полуночи мы попали въ большую залу, гдѣ большое число мужчинъ и дамъ танцовали. Мѣсто это называется bal mobile и вполнѣ оправдываетъ свое названіе: масса людей здѣсь находится въ постоянномъ круженіи. Я не могъ здѣсь долго оставаться, ибо такое массовое круженіе дѣйствовало на меня также отвратительно, какъ морская качка. Я отправился спать, рѣшивъ хоть на два дня остаться въ Парижѣ, не смотря на необходимость спѣшить, въ виду приближенія дождливой осени. Но до Лондона оставалось немного: менѣе 500 километровъ; авось, осень будетъ милостива и замедлитъ свои шаги.

ПИСЬМО XXXIX.

Помните, я Вамъ писалъ, что, пріѣхавъ въ Вѣну, мы поспѣшили въ оперу, въ этотъ рѣдкій храмъ искусства, пользующійся въ Европѣ заслуженной извѣстностью. Въ Парижѣ странникъ долженъ спѣшить въ драматическій театръ (comédie française), и его тамъ поразитъ удивительное зрѣлище: онъ увидитъ, какъ творческій талантъ писателя восполняется глубокимъ художественнымъ пониманіемъ актера, который своей игрой помогаетъ зрителю постигнуть смыслъ творчества писателя и заставляетъ его проникнуться художественной красотой образовъ, таящихъ въ себѣ идеи, волнующія человѣческую душу. Но парижанинъ не довольствуется тѣмъ, что онъ имѣетъ счастье видѣть рѣдкое возвышенное исполненіе искусства; его темпераментъ не позволяетъ установиться во Французскомъ театрѣ той гробовой тишинѣ, которая царитъ въ вѣнской оперѣ. Если въ драматическомъ произведеніи проскользнетъ слово или мысль, имѣющая отношеніе къ злобѣ дня, къ волнующимъ общество идеямъ, конечно: парижанинъ забываетъ, что онъ въ храмѣ искусства, и выразитъ свое настроеніе апплодисментами или шиканіемъ, не по адрессу исполнителей, а относительно той или другой мысли, заключающейся въ драматическомъ произведеніи. Въ этомъ отношеніи парижане самые постоянные изъ всѣхъ людей; во всякой обстановкѣ они остаются вѣрны себѣ. Таковыми, напр., они даже оставались въ страшную эпоху террора, когда воздухъ былъ насыщенъ испареніями крови отъ человѣческихъ жертвъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ это безпримѣрное по избіенію людей время

каждое движеніе, каждое слово могло вызвать причисленіе къ „подозрительнымъ“ послѣ чего человѣкъ безъ замедленія втягивался на эшафотъ; исторія въ этомъ отношеніи преисполнена фактовъ, которые мы уже черезъ сто лѣтъ отказываемся понимать. И тѣмъ не менѣе среди такой обстановки, дышащей смертью, парижане посѣщали театры, какъ въ обыкновенное время, а слова изъ пьесы, „Кай Гракхъ“: „законы, а не кровь“ въ свое время вызывали шумные апплодисменты. Разбойники, составлявшіе тогдашнее правительство, запретили пьесу, благодаря этимъ апплодисментамъ, такова была свобода, добытая неслыханными злодѣяніями, совершонными во имя свободы. Конечно, теперь такія слова были бы не понятны зрителю, ибо они составляютъ уже непонятный анахронизмъ. Но и теперь по отношенію публики къ тѣмъ или инымъ произносимымъ на сценѣ словамъ можно наблюдать, что театръ по прежнему не остается только ареной искусства, среди котораго зритель забываетъ, какъ въ Вѣнской оперѣ, окружающій его міръ. Совсѣмъ напротивъ: то или другое брошенное на сценѣ словцо попрежнему пробуждаетъ здѣсь въ зрителѣ его горячую, несдерживаемую активность относительно захватывающихъ его за живое идей, фактовъ. Мнѣ случилось видѣть новую комедію L'évasion. Содержаніе и критика этого новаго произведенія, вѣроятно, уже появились во всѣхъ газетахъ, и поэтому фабулы комедіи я Вамъ не передаю. Я только хочу отмѣтить настроеніе публики относительно одного стараго и вѣчно юнаго житейскаго явленія. Это настроеніе, въ связи съ содержаніемъ комедіи, показывало, что прежнее тріумфаторское шествіе на сценѣ всякаго рода донъ-Жуановъ, или, говоря языкомъ закона, пре-

любодѣевъ, отживаетъ свои дни. Конечно, трудно ручаться за жизнь, но, по крайней, мѣрѣ на сценѣ comedie française промышляющій хищническими инстинктами любовникъ не пользовался прежней славой героя, ловкость продѣлокъ котораго снискивала ему симпатію публики, не разбиравшей обыкновенно нравственнаго убожества такихъ героевъ... Времена въ этомъ отношеніи на столько измѣнились, что даже другъ этого героя, состоящій въ печальномъ положеніи законнаго мужа, не остается, какъ прежде, объектомъ, которому суждено своей наивностью, простодушіемъ и довѣріемъ вызывать веселый смѣхъ зрителей. Совсѣмъ напротивъ: симпатіи публики на сторонѣ мужа, а презрѣніе и отвращеніе выпадаютъ на долю промышляющаго любовника. При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ зрители шумно выражали такое свое отношеніе къ дѣйствовавшимъ на сценѣ лицамъ и, надо сознаться, порядкомъ портили сценичность впечатлѣнія. Послѣдняя же сцена, одна изъ эффектнѣйшихъ въ комедіи, почти совсѣмъ была уничтожена бурнымъ поведеніемъ посѣтителей театра, выражавшихъ свое сочувствіе героинѣ, которая въ прекрасномъ монологѣ бросила въ лицо преслѣдовавшему ее любовнику его вѣрную характеристику. Въ этой сценѣ герой-любовникъ, ободренный подававшимъ ему надежды оборотомъ дѣла, разчитывалъ благополучно завершить свою охоту. Ему остается еще сдѣлать нѣсколько прыжковъ, и добыча попадаетъ въ его раскрытыя объятья. Съ похотливой истомой мягко,и слегка задыхаясь, говоритъ: „Laissez moi vous regarder.... jamais vous n'avez été aussi belle.... (Très bas et la prenant par la taille). Tu sera la maîtresse la plus adorable.“ Но въ душѣ жертвы происходитъ переворотъ, правда, достаточно неожидан-

ный переворотъ, но психологически возможный. Страстный призывъ къ такъ называемой свободной, но скрытой отъ людей любви: „quelque part à Paris, dans un quartier paisible, en arrangeant un petit nid perdu dans le feuillage et sous les fleurs“..... вдругъ встрѣчаетъ столь же страстный взрывъ негодованія. Героиня восклицаетъ: Lâche! Vous êtes lâche, je vous dis! A la fin tout cela me blesse, me revolte, et je ne puis me contenir plus longtemps. Ah! les choses, les ignobles choses, que vous avez osé me proposer! Me reconsilier avec, Jean (мужъ героини) vous reconcilier vous même avec lui, votre ami, et lui voler sa femme“..... Въ такомъ духѣ идетъ діалогъ, часто прерываемый краткими аплодисментами, заглушающими отдѣльныя слова и фразы, и не позволяющими пока уловить нить діалога. Вслѣдъ затѣмъ героиня на вопросъ любовника: „ A vous ne croyez pas à mon amour? отвѣчаетъ правдивымъ, но не лестнымъ опредѣленіемъ этой любви, присущемъ всѣмъ героямъ тѣхъ несложныхъ инстинктовъ, которые по лицемѣрію или глупости совсѣмъ неправильно названы возвышенной, свободной любовью. Героиня, понявъ содержаніе такой любви, съ запальчивостью устанавливаетъ признаки этого чувства: „c'est toujours la même bouche crispée, les mêmes mains tremblantes, la même hypocrisie frôleuse,le même desir bestial et insaltant!.....“ На этомъ словѣ въ театральной залѣ поднялся такой громъ аплодисментовъ, что уже нельзя разслышать ни одного слова и только по мимикѣ актеровъ можно догадатся, что герой, порабощенный инстинктомъ, насильно хочетъ заключить въ объятья свою (по ходу пьесы пріуготовленную) добычу, но въ это время послѣдняя овладѣла собою и зоветъ на защиту своего мужа, который

не замедляетъ явиться. Происходитъ нѣмая сцена, во время которой публика затихаетъ. Опять слышенъ слѣдующій діалогъ: мужъ, обращаясь къ женѣ восклицаетъ: «Lucienne!» Жена отвѣчаетъ: «defends-moi, Jean, defends-moi!...» Любовникъ, остановившись посреди сцены, съ гордостью фата медленно произноситъ: «je suis à vos ordres' monsieur.» Характерно дальнѣйшее объясненіе мужа и его соперника: мужъ, стоя радомъ съ женою, отвѣчаетъ тихимъ спокойнымъ голосомъ, съ улыбкой презрѣнія: «Mes ordres..... c'est que tu t'en ailles.... voilà tout... je ne te hais point.... Ma femme t'a chassé... va t'en.... c'est tout ce que j'exige de toi... Va t'en!.....» Послѣ этой сцены подымается вновь такой шумъ одобренія со стороны публики, что опять съ трудомъ приходится улавливать нить фабулы.

Приведенный эпизодъ не составляетъ центральнаго содержанія комедіи; извѣстно, что авторъ послѣдней, не совсѣмъ удачно (какъ мнѣ показалось), потащилъ на театральные подмостки неразрѣшимый вопросъ о значеніи наслѣдственности, что однако не помѣшало ему создать оригинальное по идеѣ произведеніе, подымающее въ душѣ зрителя массу вопросовъ и запросовъ. Не касаясь содержанія, я остановился умышленно на побочномъ эпизодѣ, чтобы показать, какъ относится парижанинъ къ театральному зрѣлищу: послѣднее, Вы видите, для него не только проявленіе искусства, но и животрепещущее отраженіе повседневныхъ вопросовъ жизни, которые зритель не только наблюдаетъ, но которыми онъ и живетъ, находясь въ театрѣ.

Любитель сильныхъ ощущеній найдетъ полное для себя развлеченіе, отправившись въ Париж-

скій велодромъ. Ихъ нѣсколько въ Парижѣ: тотъ, который мы посѣтили, называется зимнимъ велодромомъ и находится въ одномъ изъ зданій, оставшихся послѣ всемірной выставки 1889 года, невдалекѣ, чуть не у подножія Эйфелевой башни. Конечно, тотъ фактъ, что одинъ велосипедистъ ѣздитъ скорѣе другого, не представляетъ особаго интереса. Уже давно покойный шахъ персидскій замѣтилъ, что скачки его не интересуютъ ибо онъ съ малыхъ лѣтъ узналъ, что одна лошадь бѣжитъ скорѣе другой. Но любителя ощущеній поразитъ вообще необычайная быстрота и полное бравированіе опасности, которою отличаются французскіе ѣздоки. Эти качества особенно выразились въ общей гонкѣ 13 велосипедистовъ съ лидерами. Предъ этой гонкой разыгрывался интересный матчъ между 2-мя велосипедистами знаменитостями: Maurin и Mercier. Изъ своего закрытаго помѣщенія на трэкъ первымъ выѣхалъ Maurin—смуглый бретонецъ, одѣтый во все черное и прилично одѣтый, что не всегда случается съ велосипедистами—гонщиками. Появленіе Maurin предъ публикой вызываетъ громкое шиканіе и свистки публики. «Это за то», объясняетъ мой сосѣдъ, «что онъ отказался отъ вызова Jacquelin, а сдѣлалъ онъ это по упрямству, свойственному бретонцамъ». Какъ бы то ни было, но упорный смуглый бретонецъ ровнымъ тихимъ ходомъ объѣзжаетъ предъ состязаніемъ кругъ велодрома, совершенно безучастный къ шиканію и свисту, и останавливается у мѣста, съ котораго начнется состязаніе. Тѣже эволюціи продѣлываетъ и его противникъ, только его не сопровождаютъ шиканьемъ и свистомъ. Состязаніе состоитъ изъ 3-хъ заѣздовъ, каждый на разстояніи, кажется, 2-хъ калиметровъ. Кто обгонитъ въ 2-хъ заѣздахъ, тотъ считается побѣ-

дителемъ. Въ 1-мъ заѣздѣ при бѣшенномъ финишѣ оказывается на математическую величину впереди Mercier. Начинается второй заѣздъ. Maurin слѣдитъ за своимъ противникомъ и на послѣднемъ виражѣ дѣлаетъ «бросокъ», напоминающій бросокъ орла или сокола въ воздухѣ. Но въ этотъ моментъ развитія наибольшей скорости (вѣроятно, свыше 60 километровъ въ часъ) его велосипедъ скользитъ по досчатому трэку, и ѣздокъ покатился вмѣстѣ съ своей машиной, подобно звѣрю, получившему смертельную рану на полномъ ходу. Ѣздокъ лежалъ и не могъ подняться безъ посторонней помощи; къ нему неспѣша подошли два напередъ заготовленныхъ доктора. Я ожидалъ, что за докторами появятся носилки. Но врачи не сдѣлали такого распоряженія и вмѣсто того, чтобы разбившагося ѣздока взять на носилки, они, поднявъ Maurin, посадили его на велосипедъ, на которомъ онъ, къ моему изумленію, медленно отъѣхалъ въ свое помѣщеніе. Побѣда такимъ образомъ легко досталась Mercier, но онъ не захотѣлъ побѣды, добытой посредствомъ несчастнаго случая съ противникомъ: онъ потребовалъ, чтобы 2-й заѣздъ считался въ ничью, а Maurin изъявилъ согласіе сейчасъ же, не смотря на тяжелое паденіе, продолжать состязаніе. Казалось, что теперь всѣ шансы были на сторонѣ Marcier. Но потерпѣвшій крушеніе Maurin въ слѣдующихъ 2-хъ заѣздахъ оказался первымъ и вышелъ такимъ образомъ побѣдителемъ. Противники по окончаніи состязанія объѣхали кругъ, дружественно съ велосипедовъ подавъ другъ другу руку.

Слѣдующимъ номеромъ начались состязанія, которыя можно назвать ристалищами конца нашего вѣка. На не особенно широкій велосипед-

ный трэкъ, сначала выѣхали ѣздоки на квадруплетахъ, триплетахъ, тандемахъ. Мнѣ показалось, что такого рода машинъ было болѣе двадцати; вслѣдъ за ними выѣхало еще 13 ѣздоковъ на обыкновенныхъ велосипедахъ; послѣдніе были состязующимися соперниками, а первые ихъ лидерами. Изящные, разнообразные костюмы ѣздоковъ поражали глаза контрастами красокъ: скромный черный цвѣтъ здѣсь смѣшивался съ разноцвѣтными кричащими красками, и въ общемъ получалась очень пестрая картина ѣздоковъ, подобранныхъ молодцевъ къ молодцу. Гонка должна была продолжаться полчаса; сдѣлавшій въ это время наибольшій пробѣгъ признавался побѣдителемъ. Одновременно должны были ѣхать лидера на 12 машинахъ, лидировавшіе 13 гонщиковъ; запасные лидера должны были ѣздить тихо и быть готовыми смѣнить уставшихъ ихъ товарищей. Уже предъ состязаніемъ стала очевидной опасность одновременной ѣзды такой массы ѣздоковъ; когда лидера попробовали размять свои члены и понеслись со скоростью, безъ прибавленія, курьерскихъ поѣздовъ, я былъ изумленъ, какъ при такой скорости они, обгоняя другъ друга, не цѣплялись и не налетали другъ на друга. Но, когда началось состязаніе, гонка представляла изъ себя хаосъ, не предвѣщавшій благополучнаго исхода зрѣлища. Ѣздоки мчались съ головокружительной быстротой, слѣдуя за колесомъ своихъ лидеровъ; быстрый бѣгъ, разрѣзывающій воздухъ, обдавалъ вѣтромъ первые ряды зрителей. Въ залѣ велодрома водворился шумъ, гамъ, среди котораго слышались повелительныя вскрикиванія ѣзлоковъ: «à droite! à gauche! gardez! allez!..» и т. д. Мнѣ казалось невозможнымъ разобрать что-либо въ этомъ гамѣ, но ѣздоки повидимому разбирались, и первые $^1/_4$ часа они

съ полнымъ презрѣніемъ опасности продолжали свою бѣшенную скачку; съ ловкостью наѣздниковъ цирка ѣздоки объѣзжали другъ друга, почти чудесно избѣгая столкновенія. Между этой группой бѣшенно мчавшихся гонщиковъ сталъ выдѣляться изящный юноша, украшенный красной шапочкой во вкусѣ конца прошлаго столѣтія. Слѣдуя за квадруплетомъ, на которомъ 4 ѣздока работали съ точностью машины, онъ успѣлъ обогнать своихъ соперниковъ на цѣлый кругъ; но, вдругъ, лидировавшій его квадруплетъ на крутомъ виражѣ задѣваетъ переднимъ колесомъ уходящій впереди квадруплетъ; послѣдній, ища спасенія, беретъ на право и со всего розмаха ударяется въ ограду, отдѣляющую трэкъ отъ публики; лопающаяся воздушная камера издаетъ трескъ, подобный громкому ружейному выстрѣлу, задній квадруплетъ, вызвавшій катастрофу, цѣпляется за обломки перваго квадруплета и упавшихъ съ него ѣздоковъ и падаетъ, образуя какую-то кучу людей и кусковъ машины; слѣдовавшіе за лидерами два гонщика, изъ которыхъ одинъ уже могъ пожинать лавры побѣды, встрѣчая припятствіе, дополняютъ крушеніе. Въ мгновеніе ока два квадруплета и два велосипеда превращаются въ обломки, вмѣстѣ съ которыми десять человѣческихъ тѣлъ, смѣшавшись, ссовываются медленно съ крутого виража внизъ. Образуется груда тѣлъ и велосипедныхъ поломанныхъ частей. На этотъ разъ доктора поспѣшной поступью подходятъ къ мѣсту крушенія. Въ публикѣ раздаются громкіе крики: «остановите гонки, есть убитые!» Но уцѣлѣвшіе гонщики продолжаютъ бѣшенно мчаться; благо, ссунувшіеся съ крутого виража тѣла ихъ товарищей и обломки велосипедовъ не загородили имъ пути; самое же крушеніе и крики публики не

производили на нихъ, повидимому, никакого впечатлѣнія, по прежднему раздавалось: «allez! à droite! à gauche!» Между тѣмъ, прежде чѣмъ врачи подошли къ лежавшимъ ѣздокамъ, потерпѣвшимъ крушеніе, нѣсколько изъ нихъ встали; между вставшими былъ и тотъ ѣздокъ въ красной шапочкѣ, который имѣлъ всѣ шансы на побѣду; товарищи предложили ему новый велосипедъ въ надеждѣ,что онъ пожелаетъ продолжать гонку; вѣдь онъ былъ на кругъ впереди. Но гонщикъ отказался отъ этого предложенія и, сильно хромая, удалился съ циклодрома. За нимъ послѣдовали и остальные постепенно вставшіе ѣздоки; всѣ они, вставая, имѣли видъ опьянѣвшихъ людей: шли они, порядкомъ шатаясь. Такимъ образомъ черезъ нѣсколько минутъ изъ десяти велосипедныхъ тѣлъ восемь поднялось; оставалось два и тѣ лежали безъ движенія. Мой сосѣдъ мнѣ замѣтилъ: «эти навѣрно убиты». Въ это время врачи преподняли эти тѣла, и они, къ общему изумленію, задвигались сами, удаляясь съ циклодрома; только они еще больше шатались, чѣмъ ихъ товарищи, и имѣли еще болѣе пьяный видъ.

Не правда-ли, такое ристалище не оскорбило-бы даже вкусовъ древняго Рима, любившаго всякія подобныя зрѣлища. Только навѣрное старый римлянинъ рѣшилъ бы въ своемъ умѣ, что велосипедисты имѣютъ особаго бога, протежирующаго имъ и охраняющаго ихъ жизнь.

ПИСЬМО XL.

Отъ Парижа мы держали путь на Калэ, откуда предстояло на пароходѣ переѣхать черезъ Ла-Маншъ въ Дувръ. Разстояніе до Калэ оставалось небольшое, кажется, около 350 километровъ. По выѣздѣ изъ Парижа насъ огорчилъ налетѣвшій вихрь съ дождемъ и снѣгомъ, и загналъ насъ на остановку въ городъ Beauvaix, гдѣ мы и провели первую ночь по выѣздѣ изъ Парижа. Дурная погода насъ на столько запугала, что на слѣдующій день, мы, обрадованные тѣмъ, что дождь прекратился, стали «гнать» пуще прежняго, при чемъ такъ спѣшили, что проѣхали мимо города Амьена; знаю, что это поступокъ — приличествующій велосипеднымъ варварамъ, но положительно долженъ сознаться, что дождь и снѣгъ наводятъ на велосипедиста паническій страхъ, и онъ спѣшитъ уйти отъ непогоды, какъ дикій звѣрь отъ преслѣдуемыхъ его собакъ. А все-таки, когда къ вечеру я подъѣзжалъ раньше, чѣмъ разсчитывалъ, къ гор. Abeville, мнѣ стало очень досадно при мысли, что я пропустилъ случай посмотрѣть Амьенъ, столь богатый историческими воспоминаніями и имѣющій столь почтенный историческій возрастъ; если не ошибаюсь, названіе этого города упоминалось уже во время Цезаря. Досадно также стало, когда, успокоившись подъ впечатлѣніемъ показавшагося изъ-за разорвавшихся тучъ солнца и поѣхавъ медленно, я вспомнилъ, что извѣстный Амьенскій Соборъ представляетъ собою одно изъ

лучшихъ архитектурныхъ произведеній Среднихъ вѣковъ, которое при томъ же превосходно сохранилось до нашихъ дней. Такой же стариной, я зналъ, вѣетъ и отъ бронзовой статуи Петра Амьенскаго, стоящей противъ собора и такъ же, какъ и соборъ, переносящей въ глубь Среднихъ вѣковъ. Наконецъ, я вспомнилъ, что на окрестностяхъ гор. Амьена лежитъ тягостное воспоминаніе о позднѣйшихъ событіяхъ: здѣсь въ Ноябрѣ 1870 года часть французской арміи геройски, доблестно, но тщетно пыталась противостоять побѣдоносному шествію болѣе сильнаго врага. Тяжкими бѣдствіями въ тѣ дни нація искупала грѣхи мишурнаго, подлаго Наполеоновскаго режима...

Есть что-то захватывающее при посѣщеніи мѣстъ, богатыхъ историческими событіями. По-видимому, человѣку такъ же интересно заглядывать въ прошлое, въ особенности въ далекое прошлое, какъ и поднимать завѣсу будущаго; вѣроятно, и то, и другое одинаково мало возможно: futura ignoscita sunt, а прошедшее не поднимается полностью, ибо мы не живемъ sub specie aeternitatis, а, захваченные общимъ процессомъ развитія, мѣняемся и теряемъ ту мѣру, какою мѣрили жизнь наши далекіе предшественники. Но все трудно-достижимое насъ манитъ, и мы неудержимо стремимся заглянуть въ будущее и понять прошлое. Только спѣшащій велосипедистъ, подавленный эффектомъ спѣшить, могъ проѣхать мимо Амьена, гдѣ столь многое говорило-бы о далекомъ прошломъ и о послѣднихъ горестныхъ событіяхъ, стертыхъ, однако, уже изъ памяти быстрымъ подъемомъ силъ націи послѣ временнаго и опаснаго ея болѣзненнаго состоянія. Пріѣхавъ въ Abeville, мы разыскали гостинницу, украшенную знакомъ Touring-Club'a, оставили въ ней наши велосипеды

и отправились бродить по городу. Небо, усѣянное звѣздами, радовало наши сердца, обѣщая хорошій день. Гуляя, мы наткнулись на курьезъ: среди ярко освѣщенныхъ магазиновъ я замѣтилъ на окнѣ одного изъ нихъ вывѣску: «pipes russes». Я зашелъ въ этотъ магазинъ купить сигаръ и разспросить, какимъ образомъ сбываются здѣсь русскія трубки. Но среди груды трубокъ не было ни одной русской. Я замѣтилъ объ этомъ продавщицѣ, на что она совсѣмъ просто отвѣтила: что навѣрно это такъ, ибо трубки, находящіяся въ ея магазинѣ, получаются изъ ближайшаго мѣстечка N. «Тѣмъ не менѣе объявленіе «pipes russes», продолжала объяснять владѣлица магазина, оказалось очень полезнымъ, ибо вызвало, такой спросъ на трубки, какого раньше мы никогда не знали.»

Ни одна мѣстность не напоминала намъ въ такой степени нашу родину, нашу южную Россію, какъ сѣверная Франція, по которой мы теперь ѣхали. Ровная мѣстность съ пологими скатами и подъемами, не рѣдко встрѣчавшіяся поля, по которымъ бродили подъ надзоромъ пастуха небольшія стада овецъ, постоянно срывавшіеся надъ дорогой табуны сѣрыхъ куропатокъ, наконецъ, сравнительное безлюдіе, отсутствіе суетливаго движенія по дорогамъ—все это напоминало намъ ту обстановку простора, тишины и покоя, съ которой не разстаешься, странствуя по нашему необъятному отечеству. Эта же обстановка была совершеннымъ контрастомъ всему тому, что видитъ обычно странникъ, путешествующій по западной Европѣ. И здѣсь, въ сѣверной Франціи, получается впечатлѣніе, что страна находится въ полномъ благополучіи; замѣтно только, что здѣсь

населеніе отличается меньшею остротою впечатлительности, менѣе беззаботно весело, болѣе серьезно; вѣроятно, здѣсь борьба за жизнь дается не такъ легко, какъ въ юго-западной части страны. По крайней мѣрѣ, здѣсь впервые я услышалъ жалобу на обременительность налоговъ и то критическое отношеніе къ республиканскому правительству, которое не высказывалось, пока мы были южнѣе Парижа. Тамъ люди говорили, что все идетъ прекрасно, здѣсь же указывали, что на нѣкоторыя стороны жизни правительство не обращаетъ достаточнаго вниманія.

Отъ Abeville до Boulogne намъ надо было проѣхать всего 83 километра; поэтому, выѣхавъ утромъ изъ Abeville, мы около 3 часовъ дня подъѣзжали къ Boulogne. Мы могли въ этотъ же день достичь Calais, до котораго оставалось около 40 километровъ. Но у насъ не хватило варварства проѣхать гор. Boulogne, не заглянувъ въ него. Мы свернули съ шоссе и поѣхали по улицамъ благоустроеннаго, древняго, красиваго, кипѣвшаго жизнью города. Благодаря особому путеводителю для велосипедистовъ мы безъ труда разыскали гостин. съ знакомъ Touring Club'a и поспѣшили отправиться на набережную, чтобы посмотрѣть на во́ды Океана. Наконецъ-то мы достигли тѣхъ окраинъ земли, которыя казались намъ недостижимо далекими, когда впервые мы садились на велосипедъ въ Варшавѣ. Въ этотъ вечеръ во́ды Океана въ заливѣ Ла-Маншъ не бушевали: волны лѣниво набѣгали одна на другую, а вода потихонько отходила отъ берега; былъ моментъ отлива. По твердому, мокрому песку мы погнались за уходящей водой и, когда догнали ее, отошли на порядочное разстояніе отъ берега. Вода была холодна, горько-соленая и предъ нами

разстилалось безпріютное, безграничное водное пространство мрачнаго свинцоваго цвѣта съ усиливавшимися послѣ захода солнца темными отливами. Холодомъ смерти вѣяло отъ этого необъятнаго воднаго пространства все болѣе чернѣвшаго по мѣрѣ наступленія темноты. Совсѣмъ иного характера представилась намъ картина, когда мы стали возвращаться обратно: въ городѣ зажгли фонари и въ полумракѣ вечерней зари привѣтливо блистали желтые огоньки газовыхъ фонарей, среди которыхъ эффектно выдѣлялось яркое, бѣлое, электрическое освѣщеніе, бросавшее волны свѣта и на прибрежные портики, и на лѣсъ мачтъ, заполонившихъ гавань. При такомъ открывшемся видѣ на городъ, онъ представлялся особенно изящнымъ, красивымъ, жизнерадостнымъ и вызывалъ совершенно противоположныя впечатлѣнія тѣмъ, которыя получались, когда, обращаясь назадъ, мы бросили взоръ на темныя, колышущіяся воды.

За табль д'отомъ я познакомился съ хозяиномъ гостинницы, который послѣ обѣда до полуночи водилъ меня по городу, посѣщая kafè, знакомя съ своими друзьями и разсказывая мнѣ не мало потѣшныхъ исторій изъ обыденной городской жизни.

Въ 6 часовъ утра слѣдующаго дня мой пріятель и я выбирались изъ-подъ пуховиковъ, защищавшихъ насъ отъ спеціальнаго холода, присущаго спальнымъ комнатамъ, и спѣшили въ Калэ, чтобы захватить первый пароходъ, отправлявшійся въ Дувръ. Переѣздъ до Калэ благодаря попутному вѣтру мы свершили скорѣе, чѣмъ разсчитывали. Мы нѣсколько задержались въ Калэ, чтобы получить наши вещи, которыя я отправилъ изъ

Парижа въ Калэ (въ послѣдній городъ Франціи на нашемъ пути), съ тѣмъ, чтобы имѣть ихъ при себѣ во время переѣзда черезъ Ла-Маншъ, и во время же переѣзда предъявить ихъ таможенному осмотру; такимъ способомъ я избавлялся отъ необходимости разыскивать на таможнѣ свои вещи, что было-бы неизбѣжно, если отправлять непосредственно вещи изъ одного государства въ другое. Осмотръ вещей на Западѣ, при переѣздѣ изъ одного государства въ другое, мало стѣснителенъ. Вещи осматриваются поверхностно; артельщики не забираются, какъ у насъ на границѣ, въ глубь сундуковъ и не разбрасываютъ находящіяся тамъ вещи. Кромѣ того, при отсутствіи паспортной системы, путешественникъ избавленъ отъ предъявленія какихъ бы то ни было документовъ и свободно безъ задержекъ проходитъ черезъ границу государства. Въ этомъ отношеніи, при возвращеніи на родину, куда больше приходится претерпѣть отъ формальностей, упадающихъ главнымъ образомъ на вещи и отчасти на живого человѣка.

Проливъ Ла-Маншъ пользуется установившейся репутаціей бурнаго моря, на которомъ всегда порядкомъ качаетъ пароходы. Я плохо переношу морскую качку и приготовился много претерпѣть отъ этого моего злѣйшаго врага; но, къ пріятному для меня удивленію, мой лютый врагъ не поразилъ меня. Я объясняю себѣ такое благополучіе быстротой переѣзда: изъ Калэ въ Дувръ пароходы проходятъ разстояніе въ 37 вер. въ промежутокъ времени отъ 1 ч. 10 мин.—до 1 ч. 30 м. Не успѣваешь потерять изъ вида берега Франціи, какъ уже среди легкой морской мглы становится замѣтнымъ крутой, неприступный берегъ стараго Альбіона, старой владычицы морей. При такой

быстрой смѣнѣ впечатлѣній, я, вѣроятно, не успѣлъ разболѣться, тѣмъ болѣе, что трудно было не любоваться открывшейся красивой картиной. Съ берега Франціи поднялась черная туча, набросившая темное покрывало на море, остававшееся назади насъ, и въ тоже время позволившая солнцу изъ-за тучи бросить свои лучи на крутой берегъ Англіи и освѣтить ея грозныя укрѣпленія, воздвигнутыя на верху высокаго утесистаго берега. Приподнятое настроеніе духа, вызывавшееся чуднымъ сочетаніемъ красокъ, разбросанныхъ на небѣ, морѣ и землѣ, подпортилъ одинъ пассажиръ, маленькій, черненькій, съ виду не то итальянецъ, не то испанецъ: онъ отдался вдругъ во власть морской болѣзни на палубѣ, такъ сказать, публично... Въ это время пароходъ входилъ уже въ портъ...

Пріѣзжая въ Англію, я попадалъ въ неважныя условія относительно возможности пользоваться языкомъ. Вы знаете, что по-англійски я понимаю только то, что напечатано или написано; но стоитъ это, удобо-понятное для меня въ печати или письмѣ, передать живымъ словомъ, особенно на правильномъ англійскомъ языкѣ, и моему пониманію настаетъ безнадежный конецъ. Равнымъ образомъ опытъ мнѣ показалъ, что и меня никто не понимаетъ, когда я проявляю попытку заговорить по-англійски. Отъ Дувра до Лондона по шоссе не болѣе 120 километровъ; для насъ, какъ видите, это былъ дневной перегонъ. Но я опасался, что въ странѣ, пересѣченной многими дорогами, со многими большими городами, черезъ которые лежалъ нашъ путь, мы безъ разговорнаго языка запутаемся и потеряемъ день или нѣсколько на розыски дороги. Поэтому я предпочелъ обратиться къ руководительству мѣст-

наго лидера. Я Вамъ еще не пояснилъ, что я ѣхалъ въ Лондонъ къ моему сосѣду по имѣнію, моему доброму старому знакомому Ар. И. Ю. Ар. И. обыкновенно полгода проводитъ въ Россіи и другую половину года въ западной Европѣ. Въ это время онъ находился въ Лондонѣ и, узнавъ о моемъ странствіи, любезно звалъ къ себѣ. Вотъ почему изъ Булони я телеграфировалъ Ар. Ив., прося его выслать въ Дувръ изъ Лондона лидера, которому я назначалъ свиданіе въ гостин. Lord Warden. Моя просьба была исполнена не только со всей точностью и аккуратностью, но и въ болѣе великодушной формѣ, чѣмъ я просилъ. Еще до остановки парохода Г-въ и я были неожиданно обрадованы, увидѣвъ на набережной Ар. Ив. и его сына. Любезные добрые хозяева выѣхали на встрѣчу далекимъ странникамъ и проявили характерныя черты англійскаго гостепріимства, которое, какъ Вы по личному опыту знаете, отличается и щедростью услугъ, оказываемыхъ гостю, какъ будто незамѣтно, и въ тоже время можетъ быть названо дѣловито-полезнымъ гостепріимствомъ. Но объ этомъ предметѣ позвольте сказать нѣсколько словъ отдѣльно, въ слѣдующемъ письмѣ.

Пріѣхавъ въ Дувръ около 3 час. дня, мы весь остатокъ дня оставались въ этомъ городѣ въ сообществѣ нашихъ добрыхъ друзей и не замѣтили какъ пролетѣло время. Вечеромъ Ар. Ив. и его сынъ уѣхали обратно въ Лондонъ по жел. дорогѣ, а мы остались ночевать въ Дуврѣ, уговорившись съ нашимъ лидеромъ рано утромъ слѣдующаго дня отправиться въ Лондонъ на велосипедахъ.

ПИСЬМО XLI.

Я ожидалъ, что, попавъ въ Англію, мы, далекіе странники, почувствуемъ себя въ стѣснительныхъ условіяхъ. Такія ожиданія вытекали прежде всего изъ предвидѣнія тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены съ неспособностью изъясняться на мѣстномъ нарѣчіи; затѣмъ я вѣрилъ слухамъ, будто въ Англіи народъ относится равнодушно, безучастно къ незнакомцамъ и даже не удостоиваетъ отвѣтомъ, если вопросъ предложенъ неудобопонятно или неправильно. Я-же на англійскомъ языкѣ въ лучшемъ случаѣ могъ ставить вопросъ только неправильно и неудобопонятно. Но съ перваго же дня нашего пребыванія въ Англіи мы стали убѣждаться въ невѣрности такихъ слуховъ. Распространенная молва о холодности и чопорности англичанъ основывается на наблюденіяхъ поверхности факта безъ разслѣдованія его содержанія. Пресловутая англійская холодность и чопорность не болѣе какъ видимость, какъ внѣшній обычай, подобный обычаю надѣвать черный фракъ за обѣдомъ. Правда, англичанинъ не разсыпается въ изліяніяхъ, сохраняетъ видимость спокойнаго, безучастнаго отношенія къ его окружающимъ, но такая внѣшняя маска продолжается ровно до тѣхъ поръ, пока нѣтъ серьезнаго требованія на его участіе, тогда онъ сразу становится самымъ участливымъ и заботливымъ человѣкомъ, готовымъ, безъ предвкушенія выгоды за свою услугу, придти на помощь. Эту психологическую черту, свойственную англичанамъ, всего удобнѣе наблюдать при условіяхъ, которыя съ перваго взгляда отрицаютъ, кажется, возможность какого-бы то ни было на-

блюденія, при условіяхъ окутывающей Лондонъ темноты, когда его покрываетъ настоящій лондонскій туманъ. Въ такіе моменты наступающая темнота превращаетъ людей въ тѣни, которыя становятся видимы не далѣе какъ за 2 шага. И вотъ тогда начинаешь замѣчать, что люди съ холодною видимостью при дневномъ свѣтѣ, ставъ тѣнями въ темнотѣ, проявляютъ самую трогательную заботливость относительно всякаго, кто находится въ дѣйствительномъ затрудненіи. Въ такомъ случаѣ не только отвѣтятъ на вопросъ, но и проведутъ и снабдятъ указаніями, какъ выпутаться изъ того проклятаго лабиринта, какой создаетъ темнота. Случается иногда и такъ, что къ вамъ протягивается рука какой-нибудь тѣни и выводитъ васъ съ улицы на тротуаръ, объясняя, что это мѣсто очень опасно по усиленному движенію экипажей; прежде чѣмъ вы успѣете поблагодарить, тѣнь обычно исчезаетъ. Вообще въ случаяхъ затрудненій, встрѣчающихся человѣку, онъ всегда можетъ разсчитывать на искренно участливое къ нему отношеніе; вотъ почему страннику нечего опасаться бродить по Англіи. Въ нужный моментъ онъ всегда найдетъ и помощь, и содѣйствіе со стороны людей. Мы же были въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, ибо, благодаря знакомству, мы подпали подъ благодатное дѣйствіе англійскаго гостепріимства. Какъ я Вамъ сказалъ въ прошломъ письмѣ, оно имѣетъ нѣкоторыя типическія черты. Прежде всего оно имѣетъ строго дѣловитый характеръ: вамъ не говорятъ тѣхъ нѣжныхъ чувствительныхъ фразъ, которыя такъ легко срываются съ языка, такъ наз., благовоспитанныхъ людей, не всегда разумѣющихъ, что такимъ способомъ они только обнаруживаютъ отвратительнѣйшее проявленіе «conventional lüge.“ Англійское

гостепріимство не оскорбляетъ слуха сладкозвучными словами, но люди, принявшіе роль хозяевъ, молча приложатъ все стараніе исполнить ваши желанія, поставить васъ въ пріятныя и интересныя для васъ условія. Затѣмъ другой типичной чертой англійскаго гостепріимства является его скрытность: вамъ все покажутъ, потратятъ не мало времени, усилій, чтобы занять васъ, чтобы удовлетворить вашу любознательность и потомъ пытаются васъ же увѣрить, что ровно ничего для васъ не сдѣлали, что все произошло отъ васъ самихъ. Конечно, такой логическій пріемъ мало колеблетъ правду, но на первое время невольно вѣрится, и на первое время гость освобождается отъ того угрызенія совѣсти, какое неизбѣжно приходится испытывать при видѣ заботъ людей о себѣ. Вообще должно признать, что англійское гостепріимство самымъ добросовѣстнымъ и разумнымъ образомъ направлено на дѣйствительное благополучіе гостя, при чемъ оно совершенно освободилось отъ разныхъ внѣшнихъ прикрасъ и кривляній, составляющихъ область реторики изліяній. Я бросилъ эти немногія слова объ англійскомъ гостепріимствѣ, помня, что Вы два года жили въ Англіи, и зная, такимъ образ., что Вы можете провѣрить на основаніи Вашего опыта справедливость сказаннаго мною. Если не ошибаюсь, кажется, наши наблюденія сходятся.

Еще было темно, когда на утро слѣдующаго дня вошедшій въ нашу комнату человѣкъ объявилъ, что утренній кофе насъ ожидаетъ въ ресторанномъ залѣ; опустившись въ этотъ послѣдній, я, къ удивленію, замѣтилъ, что на приготовленномъ для насъ столѣ было не только кофе, но и цѣлая серія явствъ, не посрамившая бы

и добрый обѣдъ: тутъ были вядчина, яйца, рыба, хлѣбъ и масло. Покончивъ съ утреннимъ обѣдомъ, ошибочно названнымъ утреннимъ кофе, мы были нѣкоторое время въ смущеніи, вслѣдствіе неприбытія нашего лидера; послѣдній же, какъ оказалось, тоже былъ въ смущеніи, сидя на крыльцѣ гостинницы, куда онъ прибылъ за нѣсколько минутъ до назначеннаго нами часа. Произошло недоразумѣніе: мы ожидали нашего лидера въ ресторанномъ залѣ, онъ насъ ожидалъ на крыльцѣ гостинницы; логически онъ былъ правъ: нѣсколькими минутами позже его прибытія мы должны были выходить изъ гостинницы и такимъ обр. не могли не встрѣтиться. Мы поздоровались. Лидеръ спросилъ (и на этотъ разъ я понялъ даже не по печатному), съ какой скоростью ѣхать. Я отвѣтилъ: „17—18 километровъ въ часъ.“ Нашъ проводникъ, кивнувъ головой, произнесъ „ready“, и мы, вскочивъ на велосипеды, покатились по такому же гладкому шоссе, какъ и французское. Дорога, по которой мы сначала ѣхали, престарѣлаго возвраста и, вѣроятно, видѣла не мало путешественниковъ; говорятъ, что эту дорогу строили еще Римляне. Впрочемъ, остатковъ старыхъ работъ намъ не удалось видѣть, да врядъ ли они и остались. Дѣйствующій теперь паровой катокъ громадныхъ размѣровъ стираетъ все на своемъ пути и придаетъ шоссе гладкую, полированную поверхность. Такіе же паровые катки встрѣчали мы и во Франціи. Но вотъ чего не было нигдѣ, кромѣ Англіи: по шоссе, тихимъ ходомъ, со скоростью верстъ 8 въ часъ, ходили поѣзда, состоявшіе изъ паровоза и 3-хъ—4-хъ багажныхъ вагоновъ. Здѣсь мнѣ впервые довелось видѣть поѣзда, двигающіеся не по рельсамъ. Они служатъ для доставки товаровъ въ деревни. Нашъ

лидеръ съ поразительной точностью шелъ, согласно установленной скорости, и мы не замѣтили, какъ пріѣхали въ Кентербюри. Здѣсь, по совѣту А. И., мы сдѣлали остановки и отправились осмотрѣть знаменитый Кентербюрійскій Соборъ. Это историческое зданіе, сооруженіе котораго относится къ XII вѣку, производитъ величественное впечатлѣніе и своими размѣрами, и строгостью стиля и протестантской простотой. Мы не могли воспользоваться объясненіями особаго проводника, водившаго насъ по собору; писанныхъ объясненій не было, а словесныя, на англійскомъ языкѣ, выходили, какъ Вы знаете, изъ предѣловъ моего пониманія.

Разсчитывая къ вечеру попасть въ Лондонъ, мы не долго оставались въ Кентербюри и, подкрѣпившись нѣсколькими стаканами эля, безъ перерыва продолжали нашъ путь до гор. Чатама, гдѣ предполагалась остановка для завтрака. Отъ Чатама оставалась меньшая часть пути до Лондона, и мы надѣялись засвѣтло пріѣхать въ городъ. До Чатама мы ѣхали по большому пути, но послѣ этого города свернули на боковую маленькую дорожку. Нашъ лидеръ имѣлъ порученіе провести насъ такъ къ дому А. И., чтобы намъ не пришлось ѣхать черезъ центръ Лондона, гдѣ проѣздъ при особенной давкѣ, свойственной городу съ 6-ти милліонымъ населеніемъ, считается очень опаснымъ. Говорятъ, что въ Лондонѣ среднимъ числомъ давятъ на смерть 8 велосипедистовъ въ недѣлю; процентъ ничтожный, если принять во вниманіе ежедневый ростъ количества велосипедистовъ. Конечно, пріѣхавъ въ Лондонъ, можно было взять извощика (кэба) и на немъ ѣхать по городу. Но вѣдь это, при Лондонскихъ разстояніяхъ, значитъ тащиться по городу 3—4 часа и проѣхать 20—30 верстъ,

въ такомъ случаѣ удобнѣе продѣлать тоже самое на велосипедѣ. Затѣмъ нельзя не считаться съ велосипедной душой, не разстающейся съ велосипедомъ до послѣдней крайности. Съ этимъ свойствомъ волосипедной души видимо считались наши гостепріимные хозяева и хотя нѣсколько разъ и очень убѣдительно настаивали на томъ, чтобы черезъ городъ мы не ѣхали на велосипедахъ, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, не повѣрили нашему благоразумію и поручили лидеру вести насъ окружнымъ путемъ, такъ чтобы объѣхать Лондонъ и избѣгнуть ѣзды по улицамъ съ усиленнымъ движеніемъ. Вотъ почему нашъ лидеръ послѣ Чатама свернулъ съ большого стариннаго пути, который приводилъ прямо въ городъ, но, слѣдуя которому, намъ пришлось бы ѣхать черезъ центръ города по самымъ людным мѣстамъ. Мы значительно удлиннили нашъ путь, принявъ обходный маршрутъ, но зато мы попали въ очень живописную и симпатичную обстановку. Былъ тихій, теплый, слегка пасмурный къ вечеру день; дорога змѣебразно вилась между невысокихъ горъ, среди деревьевъ и лужаекъ. Меня поразили полное безлюдіе, отсутствіе какого бы то ни было живого существа и сразу воцарившаяся мертвая тишина, очень гармонировавшая съ спокойными, мягкими тонами той мѣстности, среди которой мы находились. Помню, нашъ путь, пройдя черезъ небольшой лѣсъ, вывелъ насъ на ровную зеленую лужайку, и здѣсь онъ развѣтвился на нѣсколько дорожекъ. Нашъ лидеръ остановился въ недоумѣніи: онъ не зналъ куда ѣхать. Онъ вынулъ изъ кармана записочку съ набросаннымъ имъ же планомъ нашего маршрута. Но, кажется, планъ ничего не объяснялъ. Отоспвшійся къ намъ съ заботли-

востью попечительной няньки нашъ лидеръ, видимо, обезпокоился, и, какъ оказалось, онъ опасался создать намъ затруднительное положеніе. M-st Gr., такъ назывался нашъ проводникъ, по профессіи гимнастъ: онъ даетъ уроки гимнастики, фехтованія и между прочимъ велосипедной ѣзды. Сначала предполагалось, что его помощникъ выѣдетъ насъ провожать; но Gr., узнавъ, что собратья по колесу чужестранцы и ѣдутъ изъ такого далека, какъ Россія, рѣшилъ, что онъ никому не можетъ довѣрить лидированіе чужестранцевъ, и принялъ эту работу на себя. Обратите вниманіе при этомъ, что денежный интересъ здѣсь не былъ замѣшанъ; по представленному впослѣдствіи счету можно было видѣть, что нашъ лидеръ на этомъ предпріятіи скорѣе терялъ, чѣмъ зарабатывалъ. Понятно, что при такомъ заботливомъ отношеніи къ собратьямъ по колесу, Gr. не легко мирился съ мыслью, что имъ придется провести ночь гдѣ-нибудь подъ деревомъ, если бы захватила темная, туманная ночь. Но онъ напрасно безпокоился о насъ; долгое странствіе пріучаетъ къ полному равнодушію относительно случайностей. Мы были въ очень хорошемъ настроеніи: я любовался окружающей меня мѣстностью и съ любопытствомъ, между прочимъ, осматривалъ стоявшій на каменномъ фундаментѣ стогъ, сложенный изъ сноповъ пшеницы; надъ нимъ былъ воздвигнутъ легкій желѣзный навѣсъ, прикрывавшій собранный хлѣбъ отъ дождя. Нашему брату, южно-русскому хозяину, странной кажется такая заботливость о несчастномъ стогѣ хлѣба; при нашихъ обширныхъ посѣвахъ про такой одинокій стогъ хозяева иной разъ совсѣмъ забываютъ, и зимой

занесенный снѣгомъ, онъ остается укоромъ разсѣянности и забывчивости хозяевъ; а тутъ люди такой стогъ и на фундаментъ ѵмостили и крышей прикрыли. Невольно по закону контраста припомнились мнѣ нѣкогда видѣнныя на родинѣ картины валяющагося въ зернѣ хлѣба на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, брошеннаго на произволъ судьбы подъ дождь и непогоду.

Нашъ озабоченный лидеръ не предавался подобно намъ праздному созерцанію; онъ закурилъ маленькую трубочку и пристально смотрѣлъ на дорогу вдаль; онъ замѣтилъ двигавшійся къ намъ экипажъ и поспѣшилъ ему навстрѣчу. Въ экипажѣ, называемомъ корзиной, ѣхали мужчина и дама. Gr. ихъ остановилъ, подошелъ къ экипажу съ той стороны, гдѣ сидѣлъ мужчина, и, пуская ему въ лицо клубы дыма своей трубки, подвергъ его допросу о дорогахъ. Вопрошаемый видимо былъ равнодушенъ къ обкуриванію и спокойно давалъ требуемыя поясненія. Поклонившись ему въ знакъ благодарности, мы вновь вскочили на велосипеды и поѣхали по той дорогѣ, которая повернула направо. Переѣхавъ черезъ крутую балку, мы выбрались на равнину и, воспользовавшись хорошей дорогой и ровной мѣстностью, начали обгонять другъ друга и шли съ большей быстротой, чѣмъ слѣдуетъ при длинныхъ путешествіяхъ. Но это былъ послѣдній день странствія. Кажется, что установившаяся рѣзвость хода подъ конецъ дня нѣсколько утомила нашего лидера, онъ часто останавливался и пилъ пиво. Наступившая ночь заставила насъ умѣрить ходъ. Когда мы остановились, чтобы зажечь фонари, къ намъ подбѣжала ватага мальчишекъ, они жалобно плакали; я не могъ разобрать, въ чѣмъ дѣло и чего они желаютъ. Gr. на нихъ

прикрикнулъ, и они разбѣжались. Потомъ я узналъ, что это были нищіе, или, вѣрнѣе, промышляющіе нищенствомъ, что въ Англіи воспрещено. Мы не долго ѣхали въ темнотѣ, какъ совсѣмъ незамѣтно очутились на слабо освѣщенной улицѣ какого то города. „Что это?“ спросилъ я Gr.; онъ отвѣтилъ: „Лондонъ.“

ПИСЬМО XLII.

Когда Gr. мнѣ отвѣтилъ, что мы пріѣхали въ Лондонъ, я поздравилъ своего пріятеля Г-ва обычной формулой: «съ пріѣздомъ въ Лондонъ!» такъ я его привѣтствовалъ, когда мы пріѣзжали въ столь крупные этапы нашего пути, какъ Вѣна, Мюнхенъ, Парижъ. Но въ тѣхъ случаяхъ мои поздравленія не были преждевременны. Пріѣхавъ въ городъ, мы обыкновенно не особенно долго странствовали и уже безъ особаго труда и утомленія пріѣзжали въ избранную нами гостинницу. Но, пріѣхавъ въ Лондонъ, я поторопился считать путешествіе оконченнымъ, ибо пріѣхать въ Лондонъ не значитъ еще быть въ томъ пунктѣ города, гдѣ вамъ надо быть. Когда мы въѣхали въ Лондонъ, нашъ проводникъ имѣлъ озабоченный видъ; даже постоянно осушаемые имъ стаканы пива въ часто встрѣчавшихся пивныхъ не ободряли его. Онъ обратился ко мнѣ съ словами: «take caBe!» я отвѣтилъ: «J go after jou.» Болѣе подробно мы не могли объясниться, не понимая другъ друга. Я соображалъ, что что-то не ладно, но не догадался, что мы попали не въ ту часть города, куда должны были попасть по составленному ранѣе маршруту. Поѣхавъ по большой улицѣ и свернувъ

въ боковую, примыкавшую къ ней улицу, мы скоро вновь очутились внѣ города. Между тѣмъ стало совсѣмъ темно; былъ 6-ой часъ вечера въ началѣ; по нашему стилю это было 31 октября, т. е. время, когда вечера становятся уже очень длинными. На наше счастье, не было настоящаго лондонскаго тумана, когда движеніе по городу даже пѣшкомъ представляетъ неодолимыя затрудненія. Видя, что мы покидаемъ городъ, мы остановились и повернули обратно. Нашъ лидеръ остановился предъ маленькой лавочкой, зашелъ въ нее и долго мучилъ тамъ людей своимъ допросомъ. Затѣмъ онъ вторично обратился ко мнѣ съ просьбой взять извозчика, я повторилъ прежнюю фразу. Сказалась-таки велосипедная душа, не разстающаяся съ велосипедомъ до послѣдней крайности. Мы поѣхали на велосипедахъ; сначала и довольно долго мы ѣхали по широкой и плохо освѣщенной улицѣ. Мостовая въ Лондонѣ безподобная, лучше чѣмъ въ тѣхъ городахъ, черезъ которые намъ пришлось проѣхать, и мы двигались съ большимъ удобствомъ, чему содѣйствовало и то обстоятельство, что вначалѣ движеніе по улицѣ оказалось слабымъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ городъ уличная давка замѣтно увеличивалась. Помнится, что въ одномъ мѣстѣ для меня насталъ критическій моментъ, когда сбоку ѣхавшіе экипажи притиснули меня къ конкѣ, но я успѣлъ сдѣлать «бросокъ» и легко обогналъ конку. Вначалѣ нашей ѣзды по Лондону не трудно было слѣдить за ѣхавшимъ впереди лидеромъ, но когда затѣмъ мы попали на лучше освѣщенную улицу, то незамѣтно очутились въ такой давкѣ, о которой я себѣ не могъ составить представленія. Вереница каретъ, дилижансовъ, двуколокъ, тяжело-груженныхъ телѣгъ двигалась непрерывной лентой въ такой тѣснотѣ,

что между ними не оставалось свободнаго мѣста. Слѣдя за лидеромъ и лавируя среди этой массы экипажей, я себя чувствовалъ, какъ въ желѣзныхъ тискахъ; я опасался утерять ѣхавшаго впереди лидера и безпокоился за своего пріятеля, ѣхавшаго сзади меня. Было очевидно, что малѣйшее неловкое движеніе можетъ бросить велосипедиста подъ колеса экипажей и что послѣднее во всякую минуту могло прозойти, такъ какъ мостовая была мокра и слегка скользкая. Все свое вниманіе я сосредоточилъ на лавированіи въ этой давкѣ въ такой степени, что никакъ не могъ сообразить, гдѣ мы находимся, куда ѣдемъ. Восклицанія лидера «charing cross Station», «Trafalgar Jquare», «Westminster bridge» и т.д. мнѣ ничего не объясняли. Я только замѣтилъ на площади колонну, вершина которой съ стоящей надъ ней статуей Нельсона терялась въ ночной темнотѣ, и, кромѣ того, замѣтилъ, что при выѣздѣ изъ этой площади давка еще усилилась. Нахлынувшая волна экипажей положительно запрудила дорогу, между тѣмъ какъ сзади ѣхавшіе экипажи, казалось, собирались все давить на своемъ пути. Сжатый такимъ образомъ, я свершилъ противозаконный поступокъ: бросился съ велосипедомъ въ публику на тротуаръ, гдѣ не замедлилъ спѣшиться. Я думалъ, что утеряю лидера, но онъ, какъ заботливая нянька, замѣтилъ мое критическое положеніе и тоже былъ на тротуарѣ. Мы продолжали путь; особенно было неудобно, когда полисменъ поднятіемъ руки останавливалъ движеніе экипажей, чтобы дать возможность пѣшеходамъ перейти съ одной стороны улицы на другую; тогда приходилось или слѣзать съ велосипеда, или хвататься за экипажи, чтобы удержать равновѣсіе, (на велосипедѣ стоя — удержать равновѣсіе

не возможно). У моего пріятеля былъ также свой особый случай затрудненія. На улицахъ съ большимъ движеніемъ публика обыкновенно пользуется тѣмъ моментомъ для перехода съ одной стороны улицы на другую, когда полисменъ останавливаетъ движеніе экипажей. Когда мы ѣхали, случилось такъ, что одна дама затесалась на улицу во время движенія; она металась во всѣ стороны, какъ птица, попавшая въ силки, и загородила дорогу моему пріятелю. Его отчаянные звонки на нее не дѣйствовали. Тогда мой пріятель, не вѣдая, сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать, и что сдѣлалъ-бы каждый знающій Лондонъ. Онъ вперся своимъ велосипедомъ прямо въ полисмена, стоявшаго неподалёку отъ метавшейся дамы. Послѣдній не только не разсердился отъ полученнаго толчка, но поддержалъ ѣздока, и Г-въ благополучно продолжалъ путь. Больше часу мы пребывали въ же

лѣзныхъ тискахъ, въ водоворотѣ того лондонскаго движенія, которому, каже тся, нѣтъ ни начала, ни конца. Тѣснота и давка стали замѣтно уме ньшаться, послѣ того какъ мы выѣхали на улицу, съ лѣвой стороны которой потянулся вмѣсто домовъ нескончаемый рядъ деревьевъ и, какъ мнѣ показалось въ темнотѣ, какое-то необъятное, пустопорожнее мѣсто. Уже не выѣхали-ли мы опять изъ Лондона? померещилось мнѣ, и я спросилъ лидера, гдѣ мы. Онъ отвѣтилъ „Hyde Park.“ Я слышалъ о чудныхъ лондонскихъ паркахъ, но никогда не думалъ, чтобы чуть не въ центрѣ города могло встрѣтиться громадное свободное поле, вѣроятно, большее чѣмъ въ сто десятинъ, съ живописно разбросанными деревьями, съ дорожками, озеромъ, лужайками, какъ въ этомъ я убѣдился потомъ, при

дневномъ свѣтѣ. Среди городской тѣсноты вдругъ столько свободнаго и живописнаго мѣста; это положительно сюрпризъ и тѣмъ болѣе пріятный, что совсѣмъ неожиданный. Нашъ путь по-надъ Гайдъ-Паркомъ продолжался уже безъ давки; по гладкой, деревянной мостовой мы безшумно и быстро катились, безъ труда обгоняя дилижансы и экипажи; собратья по колесу не попадались намъ на встрѣчу,—вѣроятно, за позднимъ временемъ и темнотой. Оставивъ позади себя Гайдъ-Паркъ, мы уже не долго путешествовали; едва мы проѣхали небольшое разстояніе по широкой большой улицѣ, называвшейся Holland Park, какъ нашъ лидеръ своротилъ съ улицы въ небольшой палисадникъ, стоявшій предъ домомъ-особнякомъ. Мы остановились предъ дверью дома Ар. И. По Лондону мы странствовали всего болѣе $2^1/_2$ часовъ и, навѣрное, проѣхали не менѣе 25 верстъ.

Нашъ путь былъ оконченъ, и, слѣдовательно, настаетъ конецъ моимъ письмамъ. Я остался въ Англіи дольше, чѣмъ предполагалъ, и возвратился на родину обычнымъ порядкомъ по желѣзной дорогѣ. Изъ всего длиннаго странствованія самымъ труднымъ дѣломъ оказалось проѣхать чрезъ людныя мѣста Лондона, охваченныя непрерывнымъ движеніемъ. Этотъ переѣздъ черезъ Лондонъ мои друзья часто называли сумасшествіемъ, но я въ утѣшеніе себѣ могу сказать, что въ такомъ случаѣ въ Лондонѣ у меня масса сотоварищей обоего пола; мнѣ нерѣдко приходилось (впрочемъ большею частью днемъ) видѣть, какъ не только мужчины, но и дамы, одѣтыя не въ спеціально велосипедные костюмы, а въ обыкновенныя дамскія платья, пробирались на велосипедахъ среди самой ужасной давки.

Оканчивая свои письма, я не рискую передавать Вамъ свои лондонскія впечатлѣнія. Вѣдь Вы здѣсь жили болѣе 2-хъ лѣтъ, и, слѣдовательно, у Васъ болѣе богатый и полный запасъ впечатлѣній. Замѣчу только, что осмотръ народныхъ училищъ привелъ меня къ убѣжденію, что и здѣсь осуществлено то стремленіе къ развитію и просвѣщенію души учащагося, о которомъ я Вамъ писалъ въ письмахъ изъ Швейцаріи и Франціи, и здѣсь также обращено тщательное вниманіе на такъ назыв. instruction civique et morale. Превосходнымъ въ этомъ отношеніи подспорьемъ для обученія гражданственности служитъ распространенная въ народныхъ училищахъ книга „The Citizen Reader". Въ маленькихъ, забавныхъ, приспособленныхъ къ дѣтской душѣ разсказахъ она знакомитъ ученика съ порядками его родины. Меня, между прочимъ, особенно поразилъ рядъ разсказовъ, направленныхъ къ внушенію идеи о томъ, что должно относиться къ иностранцу любезно, дружественно и расположенно, „ибо", говорится въ учебникѣ, „прежде всего таковъ долгъ человѣка относительно вообще всякаго и въ особенности относительно чужестранцевъ и тѣхъ, кто находится далеко отъ своихъ друзей". Учебникъ, который я назвалъ, сравнительно недавняго происхожденія: онъ появился въ 1885 году и въ настоящее время распространенъ въ количествѣ ¼ милліоновъ экземпляровъ. Одно не гармонируетъ съ обновленной системой народнаго обученія: удержаніе въ школѣ тѣлесныхъ наказаній; впрочемъ, осуществленіе этого наказанія обставлено такими формальными затрудненіями, что имѣются большія препятствія для его примѣненія. Затѣмъ въ настоящее время это наказаніе, заключаясь въ нанесеніи не болѣе четырехъ ударовъ

тонкой, короткой палочкой по рукѣ, скорѣе имѣетъ символическій характеръ и не преслѣдуетъ задачи истязанія, коимъ думали нѣкогда приправить воспитаніе. Такой остатокъ въ системѣ обученія въ настоящее время не болѣе, какъ анахронизмъ. Но въ Англіи прежніе порядки не уничтожаются однимъ взмахомъ пера. Отжившія учрежденія постепенно атрофируются и исчезаютъ такъ, какъ въ организмѣ постепенно атрофируютъ тѣ органы, въ дѣйствованіи которыхъ прекращается нужда.

Я сказалъ, что въ школьномъ учебникѣ меня пріятно поразило наставленіе объ обходительномъ отношеніи къ иностранцу; еще болѣе чувствительно меня поразила та обходительность и гостепріимство, которыя пришлось встрѣтить при посѣщеніи самыхъ разнообразныхъ учрежденій. Никакими особыми протекціями я не пользовался: обыкновенно Ар. И. представлялъ меня, какъ русскаго человѣка, интересующагося иностранной жизнью, и послѣ этого не только открывали предъ нами двери учрежденія, но любезно водили и объясняли все до мельчайшихъ подробностей; при этомъ мнѣ предлагали, если надо, въ будущемъ войти въ переписку и обѣщали представлять отвѣты по тѣмъ вопросамъ, которые будутъ меня интересовать. Такъ было почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ учрежденіяхъ: въ колоніи для душевнобольныхъ, въ Work Hause и его отдѣленіяхъ, въ больницѣ, въ народной школѣ и т. д. Становилось какъ-то совѣстно замѣчать, что люди, установившіе такой точный счетъ времени, широко расточали его ради любопытства празднаго путешественника. Одно, что примиряло, это та охота

и замѣтная добрая воля, съ которой показываютъ интересующее васъ учрежденіе. Въ народной-же школѣ, при разставаніи, меня порядкомъ озадачилъ старшій учитель, завѣдующій школой: не успѣлъ я просить А. И. передать благодарность за любезное содѣйствіе при осмотрѣ школы, какъ онъ самъ сталъ меня благодарить за посѣщеніе, за интересъ къ важному дѣлу народнаго просвѣщенія. Вообще нельзя не признать, что во всемъ этомъ есть нѣкоторыя особыя черты англійскаго гостепріимства, которое и очень широко, и очень радушно, и очень полезно для чужестранца. Но пора кончить. Такъ незамѣтно можно безъ конца тянуть письма, погружаясь въ многочисленныя лондонскія впечатлѣнія.

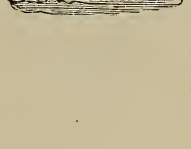
Среди впечатлѣній, вынесенныхъ изъ долгаго пути, было нѣсколько, которыя всплываютъ надъ поверхностью остальныхъ. Прежде всего меня поразило, что 28-фунтовая игрушка, т. е. мой велосипедъ, транспортировавшій меня изъ Варшавы въ Лондонъ, не претерпѣлъ ни одной поломки, и каждый крошечный винтикъ остался на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ удержалось въ памяти, что за все время долгаго пути ни отъ дѣтей, ни отъ взрослыхъ мы не только не встрѣтили какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій, но ни разу не слышали грубаго слова. Бывали же мы, какъ Вы знаете, въ разныхъ закоулкахъ. Наконецъ, возстановляя въ памяти все видѣнное при прохожденіи черезъ многочисленныя деревушки, мѣстечки, я не могу не отмѣтить, что, начиная отъ Кракова, мое вниманіе поражалъ неизмѣнно повторявшійся одинъ и тотъ же фактъ: во всѣхъ деревняхъ, поселеніяхъ всегда народная школа была лучшимъ зданіемъ, выдѣлявшимся среди остальныхъ. Помнится, въ 10-мъ письмѣ я Вамъ писалъ, что въ Варшавѣ

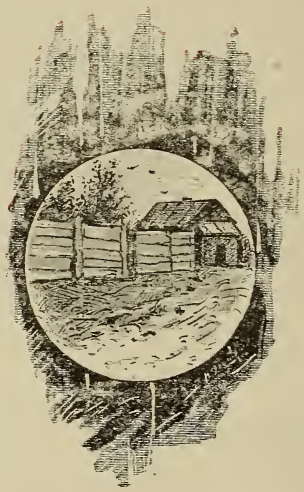
предъ отъѣздомъ я взвѣсился, съ цѣлью узнать, сколько будетъ вѣса при пріѣздѣ въ Лондонъ. Послѣ 40-дневнаго странствія, изъ коихъ около 20 дней мы потратили на осмотръ достопримѣчательностей, мы пріѣхали въ Лондонъ въ самомъ добромъ и здоровомъ настроеніи. Когда я взвѣсился, то оказалось, что я не потерялъ ни одного фунта вѣса.

Я забылъ Вамъ раньше сказать, что во время пути я часто вспоминалъ Вашего „дервиша“, которымъ Вы открываете лекціи о Фаустѣ. Вашъ дервишъ отдается непрерывнымъ странствованіямъ, въ надеждѣ освободить душу отъ господства чувствованій, чтобы достичь атараксіи, т. е. такого яснаго состоянія души, когда она избавляется отъ житейскихъ волненій. Конечно, мы, нѣжные европейцы, ослабленные комфортомъ, не въ силахъ послѣдовать за дервишемъ. Но и намъ не слѣдуетъ забывать о нашемъ рабскомъ подчиненіи нашимъ маленькимъ ежедневнымъ привычкамъ, ставящимъ вопросы о томъ: какъ, когда поспать, покушать, попить и т. д. Въ этомъ отношеніи велосипедное странствованіе является во многихъ отношеніяхъ факторомъ, ослабляющимъ дѣйствіе упомянутаго рабства. Даже послѣ недолгаго странствія становится замѣтно, что кругъ свободы человѣка, сдавливаемой его обыденными привычками, немного раздается. А не есть-ли расширеніе этого круга истинная задача вѣчно развивающихся духовныхъ свойствъ человѣка? Ужъ не у источника ли истины сѣдовласый

Востокъ, когда онъ безъ научныхъ терминовъ, языкомъ, доступнымъ дѣтямъ, говоритъ объ освобожденіи духовныхъ состояній человѣка отъ тяжести его тѣлесныхъ наклонностей?.. Но еще разъ пора кончить. Остальное не есть молчаніе: остальное на словахъ. До скораго свиданія!

П. В. Каменскій.





ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ
„ЧИТАТЕЛЬ“.

ИЗДАЕТСЯ СЪ 1 ЯНВАРЯ 1896 ГОДА.

Годовое изданіе журнала состоитъ изъ

50 КНИГЪ Отъ 64 до 256 страницъ въ каждой. Подписная цѣна на годъ Съ дост. и перес. 6 руб. **5 Р.**

въ каждой книгѣ журнала «Читатель» помѣщается по возможности одно или нѣсколько **ЗАКОНЧЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ** беллетристическихъ и популярно-научныхъ.

Въ журналѣ помѣщаются произведенія гг.: **А. В. Амфитеатрова, К. С. Баранцевича, С. И. Васюкова, В. Л. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, Д. Гарина, П. П. Гнѣдича, кн. Д. П. Голицына (Муравлина), В. А. Гольцева, Е. П. Гославскаго,** проф. **И. И. Иванова, А. А. Лугового, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. М. Михеева, Вл. И. Немировича-Данченко, П. М. Невѣжина, В. А. Рышкова, И. А. Салова, В. Я. Свѣтлова, Н. И. Северина, П. А. Сергѣенко, С. Т. Семенова, С. И. Смирновой, К. М. Станюковича,** проф. **Н. И. Стороженка, М. К. Сѣверной,** проф. **К. А. Тимирязева, В. А. Тихонова, С. Н. Филиппова, Ант. П. Чехова,** проф. **А. И. Чупрова, О. Н. Чюминой, И. Л. Щеглова, В. Р. Щигрова,** академика **И. И. Янжула** и др.

Большинство изъ читающей публики не имѣетъ средствъ выписывать всѣ дорого стоющіе журналы и газеты. Одна изъ главныхъ задачъ «Читателя», по примѣру иностранныхъ изданій подобнаго рода, доставить своимъ подписчикамъ возможность составить за крайне дешевую цѣну собственную библіотеку изъ выдающихся произведеній беллетристическихъ и популярно-научныхъ, напечатанныхъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, т. е. нашъ журналъ имѣетъ въ виду интересы

главнымъ образомъ, тѣхъ читателей, которые пріобрѣтаютъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ тѣ же произведенія, какія были напечатаны въ журналахъ и газетахъ.

Въ составъ нашего журнала входятъ: произведенія какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, частью напечатанныя ранѣе въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, частью спеціально написанныя или переведенныя изъ иностранныхъ изданій для нашего журнала.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) **БЕЛЛЕТРИСТИКА** (произведенія оригинальныя и переводныя: романы, повѣсти, очерки и разсказы, драматическія произведенія, библіографическія рѣдкости), 2) **КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ**, 3) **ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ**: а) по исторіи, б) по исторіи литературы русской и иностранной, в) по вопросамъ экономическимъ, естественно-научнымъ и философскимъ, г) по искусствамъ: драма, музыка, живопись.

Въ особомъ отдѣлѣ, подъ названіемъ «**СМѢСЬ**», журналъ будетъ давать обзоръ наиболѣе важныхъ явленій въ области науки, искусствъ и заграничной и русской общественной жизни.

Время отъ времени къ журналу будутъ прилагаться рисунки, снимки съ картинъ и портретовъ, а также и иллюстраціи къ нѣкоторымъ произведеніямъ.

Контора редакціи—**въ Москвѣ: уг. Бол. Дмитровки и Столешникова пер., д. Чуксина.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ безъ доставки уплачивается 2 руб., съ пересылкой 3 руб. и затѣмъ къ 1 февр., къ 1 марта и къ 1 апрѣля по 1 рублю.

Для народныхъ учителей, учительницъ, фельдшерицъ и фельдшеровъ допускается льготная разсрочка: при подпискѣ вносится 1 руб. и затѣмъ по **50** коп. (можно и **почтовыми марками**) ежемѣсячно до уплаты подписной суммы.

Отдѣльные №№ отъ 20 к. до 1 р. 50 к.

Полные экземпляры журнала «Читатель» за 1896, 97 и 98 гг. всѣ распроданы.

За редактора А. С. Сергѣевъ. **Издательница О. К. Куманина.**

Изданія А. С. Сергѣева:

ПЕЧАТАЕТСЯ:

А. ГЕРЦЕНА.—Кто виноватъ? ром. (Изданіе ставшее библіографическою рѣдкостью.)

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ЛАЗАРЬ ЛАЗАРЕВИЧА.—Шесть сербскихъ разсказовъ.

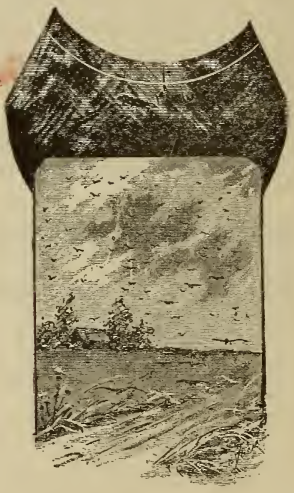
ЛЮБА НЕНАДОВИЧА.—Письма изъ Германіи, Черногоріи и Италіи. (Съ сербскаго.)

Θ. Э. РОМЕРА.—Новый сборникъ разсказовъ и повѣстей.

Названныя книги будутъ продаваться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Адресъ для писемъ и телеграммъ:

Москва, редакція „ЧИТАТЕЛЬ“,
А. С. Сергѣеву.



Складъ изданія: при конторѣ И. Г. Чуксина, Бол. Дмитр., с. д.

LIBRARY OF CONGRESS
0 020 678 779 A